

УСУБАЛИЕВ

Ослонакун
Ибраилов

ЖИЗНЬ ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ ЛЮДЕЙ

ЖИЗНЬ ®
ЗАМЕЧАТЕЛЬНЫХ
ЛЮДЕЙ

Серия биографий

Основана в 1890 году
Ф. Павленковым
и продолжена в 1933 году
М. Горьким

ВЫПУСК

2008

(1808)

Ослонакун Ибраилов

УСУБАЛИЕВ

МОСКВА
МОЛОДАЯ ГВАРДИЯ
2019

УДК 821.512.154.0
ББК 83.3(5Кир)
И 15

Библиотека науки и культуры
Кыргызстана

Книга выпущена при финансовой поддержке
компании «Аю Холдинг» и ее президента
Шаршенбека Шайлообековича Абдыкеримова.

знак информационной
продукции 16+

ISBN 978-5-235-04335-0

© Ибраимов О. И., 2019
© Издательство АО «Молодая гвардия»,
художественное оформление, 2019

ВВЕДЕНИЕ

Долгая, удивительно продуктивная и насыщенная событиями жизнь и многолетняя политическая карьера Турдакуна Усубалиева — неотъемлемая часть новейшей истории Кыргызстана. Не только потому, что ему выпала редкая и счастливая доля руководить Киргизской Советской Социалистической Республикой в течение почти четверти века (1961—1985). Дело в том, что за годы его правления во всех сферах жизни киргизского народа произошли огромные изменения. Говоря попросту, страна стала другой.

Тому было несколько очень важных причин. Одной из главных является то, что его время руководства Кыргызстаном совпало с лучшим, топовым периодом экономического и культурного развития всей великой советской державы. Это были 1960—1970-е годы: эпоха впечатляющих успехов СССР, покорения космоса, огромных научно-технических достижений, а самое главное, подъема и ускоренного развития советских республик, раньше называемых «национальными окраинами» имперской России. Другая причина этих успешных лет Кыргызстана — то, что республикой руководил всегда адекватный, невероятно работоспособный, наделенный поразительно емкой памятью и деловой целевостремленностью Турдакун Усубалиев.

Он был историком по увлечениям и филологом по базовому образованию, имея диплом Киргизского учительского института по специальности «язык и литература». Но он постоянно работал над собой, со временем проявляя все новые способности. Он всегда тяготел к экономическим делам, внимательно относился к цифрам, к статистике, к различным экономическим и социальным показателям. Его можно было бы назвать самозаводным человеком-машиной, идеальным бюрократом-управленцем, если вложить в

это слово не отрицательный смысл, как часто бывает, а ту всем нужную и в высшей степени общественно полезную профессию, благодаря которой развивается мир, решаются проблемы и люди имеют то, что имеют.

Усубалиев многим запомнился как человек, в котором ничего никогда не меняется: ни чисто советский двубортный костюм, ни массивные роговые очки, ни манера говорить и выступать. А для тех, кто с ним вместе работал, он так и остался грозой чиновников, руководителем, от всевидящего глаза и информированности которого трудно что-либо утаить. Я видел, как вскакивали с мест давно состарившиеся его подчиненные, ныне престарелые пенсионеры, при появлении бывшего первого секретаря, как будто он все еще их партийный босс.

Многолетний лидер страны запомнился также как плотно закрытый человек, разглядеть внутренний мир которого мало кому удавалось. Это еще более заставляло трепетать нижестоящих сотрудников, разного рода госслужащих. Назначенный в 1961 году первым секретарем Центрального комитета Коммунистической партии Киргизии, Турдакун Усубалиев всегда работал больше всех, упорнее всех, поэтому не дал никакого повода сказать, что он мало старался, проявил бездеятельность или, еще хуже, упустил те многочисленные шансы, которые давала мощная советская многонациональная держава. Репутацию чиновника-трудоголика он заработал еще на ранних этапах своей карьеры, и она так и не была поколеблена до конца его жизни. Забегая вперед, отметим, что он, проработавший в качестве главы республики четверть века, был снят с работы в период горбачевской перестройки не за упущеные возможности, не за плохие показатели, а за то, что слишком уж старался — например, полностью перестроил столицу республики Фрунзе, нынешний Бишкек, а ее исторический центр «одел в мрамор», используя популярное выражение тех лет, что тоже вменили ему в вину.

Безусловно, у него, как и у всех людей, были и достаточно существенные недостатки. Например, он казался скучным, скрытым, неинтересным и притом чревычайно хитрым человеком. В этом, безусловно, была определенная доля правды. Но его очевидные достоинства, перечисленные выше, с лихвой перекрывали это, и Киргызстан при нем шаг за шагом, уверенно и точно, как фирменные часы, поднимался вверх по социально-экономической и культурной лестнице. В этом заключалась главная суть. Поэтому

есть полное основание сказать, что жизненная и политическая биография Усубалиева (он прожил почти сто лет: родился в 1919 году и скончался в 2015-м) — это и биография республики, ее подъемы и падения, успехи и, увы, многие неосуществленные проекты, в которых его личной вины было не так уж много.

История Кыргызстана XX столетия — это настоящая одиссея. Одиссея политическая, социально-экономическая и, конечно, человеческая. Одна только постсоветская история республики может стать сюжетом увесистого и увлекательного историко-политологического тома. А каково более отдаленное прошлое Кыргызстана или, как привыкли говорить в русскоязычном мире, Киргизии? Это и история колониального угнетения в составе царской России, тьма социальной отсталости, кровавое восстание 1916 года, и череда успехов во всех сферах общественной жизни, невиданного экономического подъема советских лет.

Не будем забывать и другое: XX век для Кыргызстана — это и век обретения государственной независимости. Это век всего того, что последовало потом: слом советской социальной и экономической системы, смена политических режимов, трудное испытание демократией, рынком, свободой слова, с которыми связаны не в последнюю очередь и неоднократные государственные перевороты, кровь многих сотен людей, межэтнические конфликты.

Во всей этой политической одиссее, в калейдоскопе событий и процессов самая важная и экономически значимая историческая полоса развития киргизского народа минувшего столетия — это, вне всякого сомнения, советский период. Период истинного национального возрождения, расцвета культуры, становления и развития киргизской науки, образования, промышленности. Важно подчеркнуть и то, что именно Советская власть в конечном итоге привела Кыргызстан, или Киргизскую ССР, к национальной независимости, к входению в мировое сообщество в статусе отдельного суверенного государства. Я как-то раз употребил такое образное выражение: независимость была нам присенена не войной и кровью, а в клюве голубя из Москвы.

Все это в сумме позволяет сделать ключевой исторический вывод о том, что XX век в целом и советский период в частности — это, безусловно, «золотой век» киргизской культуры, самое плодотворное столетие в истории нашего народа, в его блуждающей, весьма запутанной, зигзагообразной судьбе.

Люди мира, в том числе историки, мыслители, ныне предъявляют свой счет к двадцатому веку, не оправдавшему надежды многих, и это нормально. Но можно с уверенностью сказать, что это был бесспорно век огромных, поистине невероятных свершений для нашего народа. Нам, киргизам, никогда раньше так не везло, как в этом столетии. Мы слишком долго — многие сотни лет — блуждали по обочине большой истории после переселения из Южной Сибири и воссоединения с киргизами Тянь-Шаня, и наш реальный духовно-исторический потенциал наиболее полно раскрылся только в этом великом столетии.

Я бы выделил самые главные наши удачи, раз уж речь зашла о них.

Их, на мой взгляд, было пять. Первая — Советская власть (несмотря на нескончаемые споры о ее противоречивой политической природе), которая спасла нас, киргизов, от национальной катастрофы 1916 года, когда после массового народного восстания, жестоко подавленного карательными отрядами царской армии, киргизы пустились в бегство в соседний Китай, где их ждало такое же угнетение. Мы выжили как народ благодаря новой власти, которая установилась годом спустя, вернула отчаявшихся киргизов обратно и остановила их истребление.

Вторая удача — конечно, социальная политика СССР, которая привела киргизов в конечном своем итоге к культурно-образовательному возрождению.

Третья удача — это территориальное размежевание и образование Киргизской ССР в числе пятнадцати союзных республик, что положило конец нашему многовековому кочевничеству.

Четвертый дар нашей судьбы в XX веке — это, разумеется, наша государственная независимость, достигнутая, как уже говорилось, не кровавым, а мирным путем.

Наконец, пятая удача — это киргизский «серебряный век» 1960—1970-х годов, век Айтматова, пиковый период расцвета национальной экономики, науки и культуры. Это и век Турдакуна Усубалиева, бессменного руководителя Киргизии тех лет, который стал свидетелем, соучастником, сокровищем и главным организатором этого пикового периода.

Да, Усубалиев не видел и не пережил антицарское восстание 1916 года и его жестокое подавление, родившись через два года после трагедии, но он стал очевидцем того, как работала и как на деле реализовалась новая большевистская

власть. При его жизни создавалась Кара-Киргизская автономия в составе РСФСР (1924—1926), затем Киргизская АССР (1926) и Киргизская Советская Социалистическая Республика (1936). При нем разрушился большой Союз, покинула политическую арену его самая большая любовь и непоколебимая вера — КПСС.

Но киргизская одиссея на этом не остановилась — началась новая, еще более драматическая история создания и становления независимой суверенной государственности с подъемами и падениями, ошибками и заблуждениями. Антиконституционные перевороты, межэтнические конфликты, референдумы, выборы, смена президентов, конституций, правительств... Можно было бы сказать, что столько политических драм и катализмов не пережила ни одна из бывших советских республик, ныне независимых государств. И Турдакун Усубалиев все это видел своими глазами, став живым свидетелем истории и принимая активное участие в этих процессах.

Нельзя предавать забвению историческое прошлое — это бесспорно. Сошлись на ставшее в Кыргызстане хрестоматийным выражение героя моей книги: «Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем». Вряд ли стоит оспаривать такое утверждение. Забывать прошлое и нехорошо, и безнравственно, ибо все это наша история, другой у нас нет. Вопрос только в том, чтобы ее не искажать в угоду текущей политике, той или иной идеологической конъюнктуре.

Хорошо сказал один из столпов мировой исторической науки француз Марк Блок: «Дурно истолкованная история, если не остеречься, может, в конце концов, возбудить недоверие и к истории лучше понятой. Но если нам суждено до этого дойти, то это совершился ценой глубокого разрыва с нашими самыми устойчивыми интеллектуальными традициями»*.

* Блок М. Апология истории, или Ремесло историка. М., 1986. С. 7.

СЫН КОЧЕВНИКА, ПОТОМOK ВИЗИРЯ

О родителях, о детстве и юношеских годах Турдакуна Усубалиева известно очень мало. Хорошо еще, что в одном из своих увесистых томов он оставил несколько характерных деталей и штрихов, которые проливают некоторый свет на его ранний возраст. Но даже из этих отрывочных воспоминаний и побочных биографических сведений ясно, что его детство, школьные годы, его вхождение во взрослую жизнь ничем не отличались от жизни других его сверстников.

В одном своем интервью с журналистами он так и сказал об этом: «Вырос как все, как все дети и подростки моего возраста: играл, бегал, даже дрался со своими сверстниками и не было ничего необычного в этом»*. В этой связи важно также подчеркнуть одну характерную черту Усубалиева. Дело в том, что он совершенно не любил придумывать о себе какие-то мифы, легенды и небылицы, чтобы выглядеть загадочным, тем более изображать из себя человека особенного, необычного, некий продукт «божественного промысла». Полагаю, что в этом сыграла свою роль его природная — или, можно сказать, партийная — скромность, нежелание рисоваться и сознательно мифологизировать себя. Не стоит сбрасывать со счетов и его базовые философские и политические убеждения — он был убежденным приверженцем марксизма и ленинизма, атеистом, чистейшей воды коммунистом-материалистом.

Между тем, Турдакун Усубалиев был человеком весьма знатного рода и происхождения, если углубляться в его родословную. Достаточно вспомнить, что он был из рода сарыбагышей, населяющих север Кыргызстана и не раз вы-

двигавших из своей среды различных ханов, биев, беков и манапов. Попутно поясню, что значили слова «бий», «бек» и «манап» в политическом лексиконе киргизов. Это титулы местной знати, которые либо передавались по крови, либо присуждались после абсолютно прозрачных и демократических выборов представителями (выборщиками) населения. Вот что пишет в этой связи сам герой моей книги: «Я, Турдакун Усубалиев, являюсь одним из потомков сарыбагышского племени. По старинной народной традиции каждый взрослый кыргыз должен знать семь своих прямых предков по мужской линии; если он их не знает, то его осуждают, как не знающего своего рода». Но я знаю не только имена семерых своих прямых предков, знаю больше — всех родоначальников, от которых происходило племя Сарыбагыш. Например, родоначальником племени Сарыбагыш был человек по имени Доолос, от него родился сын по имени Манап, от Манапа — Сарсент, от Сарсента — Учуке и Тулку, от Учуке — Маматкул, от Маматкула — Болот, от Болота — Эсенгул, от Эсенгула — Ниязбек, от Ниязбека родились восемь сыновей, в том числе и Ормонхан, будущий хан кыргызов. Это первая ветвь сарыбагышского племени.

Вот вторая его ветвь. Те же родоначальники: Доолос — Манап — Сарсент — Учуке. От Учуке же идут Доолоткул — Бай — Калыгул — Кунтууган — Кененсары — Усубалы. Таким образом, семью моими прямыми предками являются Учуке, Доолоткул, Бай, Калыгул, Кунтууган, Кененсары и мой отец Усубалы.

Мои родители, отец Усубалы и мать Рапия Байгазиева — дочь уважаемого человека из другого рода, — прожили вместе 69 лет, очень уважали друг друга, были добрыми и отзывчивыми людьми, эти их качества высоко ценили люди нашего рода. В жизни моих родителей, как и тысячи кыргызов, испытали все — и радость, и невзгоды, горечь утраты и счастье, удачи. Моя мать родила десятерых детей. У меня были старшие братья и сестры, младший брат и младшие сестры. До сегодняшних дней, как я уже сказал, дожили только двое — я и моя младшая сестра Сайра. Остальные ушли в иной мир в разные годы. Родители жили своим неустанным нелегким трудом и растили нас. До вступления в коллективное хозяйство в 30-е годы проживали в местности Байтели на расстоянии примерно трех километров от того места, где сейчас стоит дом моих родителей. У них было небольшое хозяйство, состоящее из двадцати—тридцати голов овец и коз, двух—трех голов крупного рогатого

* <https://www.super.kg/article/show/33521>

скота, несколько голов кумысных кобыл и верховых лошадей, а также несколько гектаров поливных земель. Была у нас юрта, в которой жили весной, летом и осенью, а зимой — в мазанке, которую отец построил при помощи своих родственников, путем ашара»*.

Как видим, жизнь родителей Турдакуна ничем не отличалась от жизни других соплеменников. Семья Усубалиева вначала достаточно трудное существование, спасал их от голода и холода только труд, каждодневная борьба за достойную жизнь.

Вместе с тем, Турдакун в детских лет хорошо знал, что среди его дальних предков есть поистине легендарные люди. Так, дальним прапрапрадедом Турдакуна Усубалиева был знаменитый на весь Кыргызстан Тагай-бий, родонаучальник многих тейпов, родов и племен севера (а в отдельных случаях и юга) страны.

Об этом персонаже киргизской истории стоит сказать особо. Тагай-бий родился примерно в 1470-х годах (скорее всего, в 1469 году) на пастбище Сары-Бел Алайской долины. Как пишет один из первых национальных историков Осмонаалы Сыдык уулу в книге «Краткая история киргизов», изданной в 1913 году в Уфе, Тагай-бий — младший брат Адигине. Их отец Агуул был одним из близнецов (второй — Кубул или Кабыл). До сих пор правое крыло киргизов составляют потомки Агуула, а левое крыло — потомки Кубула. Их отец — Долон-бий, в честь которого назван перевал Долон по дороге Бишкек—Торугарт. В начале XV века, когда его брат Адигине был бирем, Тагай по какой-то причине направился в Кетмень-Тюбинскую долину, потом в Чуй и нашел пристанище в Кочкорской долине, рядом с мазаром Кочкор-Ата**. Ему удалось быстро завоевать авторитет и доверие среди людей. Собрав войско, он стал правителем Киргизского улуса и много лет противостоял нашествию могульских завоевателей***. Умер он около 1524 года. «Почти во всех киргизских санжыра и устных сказаниях аксакалов упоминается имя Тагай-бия, и многие киргизы себя

* Ашар (хашар) — у разных народов Центральной Азии строительство дома или другая работа, выполняемая вместе с соседями и родственниками.

** Эти местности находятся на севере Кыргызстана.

*** Могул истан — государство, созданное в XIV веке в Семиречье и Восточном Туркестане потомками монгольских ханов. Распалось в XVI веке из-за борьбы покоренных им народов, в том числе киргизов.

считают его потомками»*, — пишет один из знатоков родоплеменной структуры киргизов К. Иманалиев.

Словом, у Турдакуна Усубалиева имелась весьма впечатляющая родословная и он, судя по биографическим записям и воспоминаниям, весьма ею гордился. Некоторые из его предков так или иначе были тесно связаны с большими историческими событиями или были их прямыми участниками. Легенды и предания, услышанные Турдакуном в детстве и самостоятельно изученные в зрелые годы, не могли не волновать его, потому что в этих легендах речь шла не о семейных или бытовых перипетиях рода сарыбагышей, потомков Тагай-бия, а о проблемах общекиргизского масштаба, о национальном единении, о кыргызской государственности. В этом смысле интересна история Ормон-хана, одного из самых известных потомков упомянутого бия северных киргизов.

В середине XIX века этот прямой потомок Тагай-бия стал одним из первых ханов, который попытался подчинить своей власти все киргизские территории, тайпы и племена. Он не смог этого сделать, прежде всего в силу того, что кочевые киргизы жили слишком разрозненно и были территориально и географически разделены высокими горами и почти круглый год закрытыми перевалами между ними. Но факт получился исторически значимым — Ормон-хан предпринял первую попытку объединить всех киргизов и создать что-то вроде самостоятельного кочевого государства. На курултае (съезде) на берегах Иссык-Куля в 1842 году старейшины 12 киргизских племен выбрали его своим ханом. Ормон сумел освободить киргизов от власти Кокандского ханства, разбил вторгшегося в его земли казахского хана Кенесары и разработал свод законов, известный в народе как «Ормон окуу» — «учение Ормона». Своей столицей он сделал отбитую у кокандцев крепость Пишпек — нынешний Бишкек. Его погубила межплеменная рознь — вступив в 1854 году в конфликт с манапом племени бугу Боромбаем, он потерпел поражение и погиб.

Почему Ормона постигла неудача в его попытках объединить киргизов? Дело в том, что наступили новые, совсем другие времена, о которых знаменитый на весь Кыргызстан

* Иманалиев К. Тагай-бий (Мухаммед Киргиз) — один из основателей киргизской государственности // Акипресс, 19 апреля 2013 г. Санжыра — родословные киргизов, передаваемые устным путем на протяжении столетий.

Калыгул Бай уулу — еще один прямой предок Турдакуна Усубалиева — говорил как о трудном, тяжелом, «скорбном времени» (зар заман, тар заман). К середине XIX века основное население продолжало вести тот же пасторально-полукочевой образ жизни, что и раньше, и оставалось в массе своей неграмотным, лишенным возможности получить нормальное образование и полноценно развиваться. Падение Кокандского ханства, во властной верхушке которого всегда на равных участвовала киргизская знать и которое представляло собой отжившее явление феодальной истории Средней Азии, было явлением бесспорно положительным. Вместе с тем вхождение киргизских земель в состав Российской империи в 1863 году ничуть не способствовало улучшению жизни народа и позитивным социальным сдвигам, хотя имело место немало новшеств, которых не было раньше. Эти новшества как в быту, так и в жизни общества вызывали весьма противоречивые чувства, прежде всего потому, что свободное и независимое прошлое безвозвратно уходило и на его место приходило нечто совершенно новое.

Говоряfigурально, это была встреча с новой эпохой, с совершенно чужой, но весьма продуктивной цивилизацией. Установление новых порядков, о которых ходили разные мифы и легенды в народе, пошатнуло фундаментальные устои кочевой жизни, устоявшиеся представления о мире и социальных взаимоотношениях. Известна точка зрения на этот счет Чингиза Айтматова, который в самом факте присоединения — пусть и не вполне добровольного, к Российской империи — видел безусловный положительный момент истории.

На глазах разрушались привычки и традиции, формировавшиеся в течение многих столетий. Подвергалось серьезнейшим испытаниям практически все: и образ жизни, и мировоззренческие стереотипы, и социальные модели. Именно этот социально-политический разлом, психологический стресс на фоне происходящих изменений из-за все более неприкрытой, даже агрессивной колониальной политики России послужил идеино-тематической почвой для творчества киргизских мыслителей, акынов, прорицателей, получивших название заманистов. «Заман» на русский язык переводится как «эпоха», но в понимании заманистов это слово означало тревожную, скорбную, несвободную эпоху. Калыгул Бай уулу, прпрадед Усубалиева, был одним из тех киргизов, кто крайне враждебно относился к самому

факту сближения с русской властью, с русскими людьми, видя в этом не только разрушение привычного образа жизни, но и конец национальной истории киргизов; свободы, самостоятельной жизни.

Но история не стоит на месте и в жизни нет ничего неизмененного, что очень наглядно демонстрирует биография Турдакуна Усубалиева, главного героя нашей книги. Да, его предок Калыгул был самым яростным противником сближения с русской административной системой, с принципами и ценностями империи. Но этот поборник свободы и самостоятельного существования киргизов навряд ли мог предположить, что один из его потомков посвятит свою жизнь тому, чтобы это сближение произошло как можно глубже, как можно теснее, видя в этом главный источник национального возрождения и социального благополучия.

«Советская национальная государственность, — писал Усубалиев, — открыла перед народами Средней Азии, в том числе перед киргизским народом, широкие перспективы для быстрого экономического и культурного подъема, ликвидации фактического неравенства в этой области. Всемирно-историческое значение национально-территориального размежевания состояло еще в том, что советская государственность стала близкой и понятной трудящимся массам, подняла их активность. Органы Советской власти начали функционировать на национальных языках. С первых же дней установления Советской власти было аннулировано решение царского правительства об объявлении русского языка государственным языком в Туркестане. Тысячи, десятки тысяч батраков и бедных дехкан начали активно участвовать в работе Советов, управлении государственными делами. Плодотворные результаты национально-государственного размежевания среднеазиатских народов все больше сказывались на их развитии, они быстрыми темпами стали ликвидировать свою экономическую и культурную отсталость».

Турдакун Усубалиев фактами и цифрами доказывал, что только за десять лет, прошедших после национально-территориального размежевания, облик Средней Азии изменился неузнаваемо. Во всех республиках, в том числе Кыргызстане, настойчиво проводились работы по созданию промышленных очагов. Мощно двинулось сельское хозяйство, прежде всего благодаря огромному вниманию, которое уделялось на развитие орошаемого земледелия. С каждым годом наращивалась техническая база сельского хозяйства.

Одновременно с ростом экономики шел быстрый подъем культуры среднеазиатских народов. Росли кадры во всех отраслях хозяйства и культуры», притом особая забота проявлялась о подготовке и воспитании кадров из коренных национальностей. «Практические результаты национальной политики со временем национально-государственного размежевания не оставляли камня на камне утверждение шовинистических элементов о том, что местное население Средней Азии, в том числе киргизы якобы не приспособлены, вернее неспособны к фабрично-заводскому труду, заниматься наукой, искусством, развивать культуру и т. д.». Эти слова принадлежат Усубалиеву, потомку Калыгула-прорицателя, убежденного противника сближения с Россией.

ДЕТСКИЕ И ЮНОШЕСКИЕ ГОДЫ

Как отмечено выше, о детстве и юношеских годах Турдакуна Усубалиева мало написано и недостаточно известно. Да и сам герой нашей книги считал, что в его детстве, в школьные годы не было ничего неординарного, что сам он ничем не отличался от сверстников. По его мнению, склонность к учебе и расположность к серьезным знаниям проявились у него лишь в институтские годы.

Впрочем, послушаем самого Усубалиева: «Учился в Кочкорской средней школе. Ничем, ни учебой, отметки были разные, ни прилежанием не отличался от своих одноклассников. После уроков играл вместе со сверстниками, дрался, лазал по горам.. Ничего примечательного и запоминающегося. В 1938 году, после окончания девятилетки, тогда это разрешалось, я поступил в Киргизский педагогический институт на факультет киргизского языка и литературы, где наряду с классикой изучали и мировую литературу. Без ложной скромности скажу, что в институте я учился упорно и настойчиво, почти все время проводил в библиотеке. Каково было мое удивление, когда после окончания первого семестра в 1941 году, на страницах республиканских газет вместе с шестью фамилиями сталинских стипендиатов, я нашел свою фамилию. А как я радовался, когда мне выдали стипендию за весь 1940 год! Это была огромная сумма, я накупил подарков родителям и купил патефон и несколько пластинок. Эту диковинку в доме заводили без конца».

Что до родителей Турдакуна, нужно сказать, что это были очень простые люди, так и не научившиеся ни писать,

ни читать. Но важно отметить то, что и отец, и мать отличались мощной генетикой, прекрасным здоровьем. Усубалы Кененсарыев прожил ровно 105 лет, мать Рапия Байгазиева тоже была долгожительницей. Поэтому неудивительно, что Первый секретарь ЦК КП Киргизии дожил до 96 лет и до конца своих дней был в здравом и ясном уме и продолжал читать, писать и думать.

Его родители вырастили десять детей, но выжили не все. Отец Усубалы был простым, трудолюбивым, но себе на уме человеком, который ни разу не попал в газетную полосу, не давал каким-то образом о себе знать. Конечно, он радовался успехам сына, своими глазами видел, как республика преображается, как хорошо стали жить люди. Усубалы ушел из жизни в 1988 году, а его брат Акдей умер незадолго до Великой Отечественной войны, когда ему перевалило за 90.

Семья жила в классической киргизской юрте, в которой жили весной, летом и осенью. Зимой перебирались в мазанку, которую Усубалы построил при помощи своих родственников, путем ашара. Вместо окон там был небольшой проем в стене, заклеенный прозрачной желтоватой бумагой, потому что стекла не было не только в горном Кочкорском районе, а вообще во всем Кыргызстане, как Первый секретарь пишет в своих мемуарах. Но юному Турдакуну, выросшему в традиционной юрте, даже это казалось необыкновенным и чудесным.

Забегая вперед, следует сказать, что эта скромность в быту осталась с ним и в его звездные годы. Став Первым секретарем ЦК КП Киргизии, Турдакун Усубалиев построил для родителей добротный, но никак не выбирающийся из общего ряда одноэтажный дом в той же Кочкорке. Он состоял из пяти небольших комнат, включая кухню, был обставлен сугубо деревенски, категорически без каких-либо излишеств — дорогостоящих восточных ковров, импортной мебели, золотых или серебряных столовых приборов и т. д. Усубалиев, имея все возможности, не стал создавать родителям «буржуазный» быт, покупать сверкающие свежими красками автомобили, одевать их в импортные наряды. Будучи могущественной главой республики, он и сам жил достаточно скромно, никогда не позволяя себе лишнего. Можно предположить, что именно эти качества, этот стойкий жизненный принцип, не позволивший хоть один раз сменить имидж или стиль, хотя бы прическу, галстуки, шляпы или костюмы, уберег

Усубалиева от разных соблазнов и он не заработал имидж советского пресыщенного босса, местечкового «хана» или какого-нибудь «батьки».

А в 1930-е годы семья Усубалиевых тем более жила и питалась очень скромно и очень просто. Никаких разносолов, как вспоминает наш герой. Топили очаг соломой и кизяком, комнату освещало пламя из печи. Использовалась и лучина, горевшая на животном масле. «Вспоминаю об этом, и мне самому не верится, что все это было в моей жизни, все это происходило со мной. Но свет того очага я помню и сегодня», — пишет Турдакун Усубалиевич в мемуарах.

Им приходилось туда, особенно в голодные 1930-е годы. «До сих пор помню, — писал Турдакун Усубалиевич уже на склоне лет, — печальную картину жизни населения нашего айла, который состоял примерно из ста глинобитных мазанок, построенных из саманного кирпича. Помню, что бывали дни, когда смотришь на село и не видишь дыма из дымоходов — над всеми домами чистое, холодное небо. Значило это только одно — днем ни в одном доме не готовят пищу. Если в каком-то доме вдруг и задымит дымоход, то это для всех служило сигналом — там готовится пища и туда валом валили ребятишки, а хозяйка дома делилась с ними всем тем, что варились в казане. Люди редко ели хлеб, его не хватало. Многие семьи вместо хлеба пили чай с толокном (дробленым жареным зерном ячменя), питались лишь ячменной похлебкой».

С малых лет вместе с отцом и братьями Турдакун по мере сил участвовал в ведении домашнего хозяйства, делал все, что надо, — носил воду, таскал дрова, пас скотину, собирая в поле навоз и лепил кизяки — незаменимое топливо для обогрева и приготовления пищи.

Он начал учиться в 1929 году. В центре Кочкорки, в предреволюционное время носившей название Столыпина, была одноэтажная четырехклассная начальная школа. В большом селе проживало и немало русских. В школе были классы учащихся киргизской и русской национальности, занятия киргизского и русского классов чередовались. Киргизские ребята учились в первой утренней смене, а русские — во второй. На следующей неделе, наоборот, киргизы учились во второй смене, а русские ребята — в первой утренней. Взаимоотношения школьников были очень дружными, и, как вспоминал Усубалиев позже, не было ни одного скандального случая, который возник бы на национальной почве.

Понимал ли Турдакун тогда, что ему сильно повезло с учебой, поскольку со школьных лет русская речь была хорошо знакома его слуху? Думаю, что нет. Он осознал это позднее, в те годы, когда он в 1935 году, после окончания семилетней школы, уехал во Фрунзе, где поступил на рабфак (рабочий факультет) при педагогическом институте. Он понял, как ему повезло с русским языком, когда сам начал учить детей, временно приостановив учебу на рабфаке в 1936 году из-за острой нехватки учителей в киргизской глубинке.

К сожалению, мы не располагаем никакими сведениями о том, о чем он тогда мечтал, что лелеял в своей юной душе — всегда немногословный, когда речь о себе, и почти закрытый для стороннего взгляда Усубалиев на сей счет не оставил ничего интересного. Но можно с большой долей уверенности предположить, что еще в 1930-е молодой Турдакун почувствовал клокочущий ритм нового времени и взялся за книги, за образование. Стихотворный клич одного из родоначальников киргизской литературы Мукая Элебаева «Томлюсь» был услышан и взят на вооружение и молодым Турдакуном:

Я от тягостных дум устаю,
Боль в душе постоянно таю.
Даже кажется: выхода нет,
Перед дверью закрытой стою.

Сердце ноет и точит тоска,
Цель заветная так далека!
Мне бывает обидно до слез,
Что тропы к ней не знаю пока.

Я, бедняга, к учебе стремлюсь,
Я без крыльев оставаться боюсь —
Вдруг не вырастут вовсе они,
Вдруг я напрасно бьюсь и мечусь?

Где лекарство от грусти моей?
Сердце ноет и ноет сильней.
Для таких вот, как я, говорят,
Где-то запертых нету дверей.

До меня доходила молва:
Дарят знанья Ташкент и Москва.
День и ночь я тоскую о них,
Кругом ходит моя голова.

Своего я добиться решил,
Не жалея упорства и сил.
Если б кто-нибудь мог угадать,
Как мне мир без ученья не мил!

Не приходит на память еда,
Сон сбежал неизвестно куда.
Я могу умереть от тоски,
Кто глаза мне откроет? Когда?

(Перевод Ю. Смышляева)

Словом, 1930-е годы были теми годами, когда грамотность, умение писать и читать решали все и считались самыми высшими ценностями жизни. Турдакун стал именно таким молодым человеком, окончив впритык к началу Великой Отечественной войны Киргизский учительский институт.

Да, он рос как все дети и подростки своего возраста, но необычным было одно — его тяга к знаниям, его усидчивость, его, так сказать, характерологическая стабильность, что создавало еще с юношеских лет впечатление надежности, устойчивости, стойкости. Этот имидж он сохранил, с очень небольшой коррекцией, до конца своей жизни.

ВЕЛИКИЙ ЦИВИЛИЗАЦИОННЫЙ ПЕРЕЛОМ

Говоря о годах юности, годах учебы Усубалиева, необходимо обратить внимание на одно очень важное обстоятельство. Дело в том, что именно в 1920—1930-е годы происходил самый важный исторический перелом в жизни киргизов — в быт и жизнь входила новая цивилизация. В буквальном смысле. И самыми важными и узнаваемыми приметами этой новой цивилизации были те самые мазанки из саманного кирпича с земляным полом и встроенным внутри, а не вне дома очагом, а также книги и тетради. Тысячелетняя юрта медленно, но верно уходила из жизни, уступая место пусть примитивным, но стационарным жилищам вроде того, что имела семья Усубалы. Потом появились и раздельные комнаты с застекленными окнами и плотно закрытыми дверьми. Потом, уже будучи ветераном киргизской политики, Усубалиев скажет, что без русского языка, без русско-европейской культуры невозможно было бы совершить тот впечатляющий культурно-образовательный скачок, что имел место в Кыргызстане в XX веке.

«Вспомним, — писал он в 2000 году в своем обращении к народу Кыргызстана в связи со спорами в парламенте по поводу придания русскому языку статуса официального, — как в Киргизии началась борьба за ликвидацию неграмотности. В стране не было ни одного киргиза с высшим образованием, и в качестве преподавателей были приглашены специалисты из России. Для нас, киргизов, киргизский и русский языки были как правая и левая руки. А потом благодаря русскому языку цивилизованное мировое общество все больше узнавало о народе Кыргызстана, его истории, экономике и культуре. В свою очередь, киргизский народ приобщался к достижениям мировой цивилизации, обогащал свою материальную и духовную культуру через русский язык». В качестве подтверждения Усубалиев приводил разительные цифры, которые действительно не могли не впечатлять. Таких цифр он знал десятки, если не сотни, и поэтому очень трудно было бы с ним поспорить в части фактологии.

Особый размах борьба за грамотность приобрела с середины 1929 года, примерно в то время, когда Турдакун посещал школу в своей Кочкорке, а потом рабфак, и поэтому можно считать, что ему сильно повезло и в этом смысле. Если говорить обобщенно, то желание учиться и овладевать русским языком захватило в те годы умы и сердца не только молодежи, но и старшего поколения, стало своеобразной национальной идеей в киргизском общественном сознании.

Нелишним будет привести общизвестную статистику: за 10 лет, с 1925 по 1934 год, в Киргизии было построено более 400 школ, ассигнования на просвещение возросли с 592,5 тысячи до 28581,2 тысячи рублей. К 1934 году в республике уже не было ни одного крупного населенного пункта, в котором бы не имелось школы. К началу 1940-х годов свыше 90 процентов населения республики были грамотными. В последующие годы также продолжалось обучение взрослых в школах, и Кыргызстан постепенно стал республикой сплошной грамотности. С другой стороны, сама жизнь настоятельно диктовала необходимость формирования национальных кадров, ибо судьба реализации политической и идеологической линии партии в решающей мере зависела от кадров, призванных мобилизовать людей на претворение ее в жизнь.

Это было трудное, тревожное, полуогодное, но в то же время светлое, полное надежд и перспектив, время. Труд-

ное потому, что республика только начала обустраиваться, обзаводиться своим народным хозяйством. Но учились все. Киргизы с большим опозданием, но не менее бурно переживали свою великую эпоху Просвещения. Вне всякого сомнения, это был период пробуждения киргизского народа, а если судить по меркам большой истории, время цивилизационного поворота, выбора нового пути и совершенно иной, чем прежде, парадигмы развития.

Это было пассионарное время, время энтузиастов и мечтателей. В то же время осознания горьких истин, ясного понимания собственной отсталости, унизительного состояния жизни киргизского народа. Это было и время критической оценки — иногда чересчур огульной — «темного» прошлого и жажды обрести новое светлое будущее. Знаменитые наши подвижники 1920—1930-х годов усматривали только один способ достижения этих целей — учеба, знание и еще раз знание. Клич Владимира Ленина (он и сейчас очень уважаемая историческая фигура в Кыргызстане) «Учиться; учиться и еще раз учиться» глубоко проник в сознание киргизов, и это решило все.

Говоря о киргизском просветительстве, следует отметить и его историческое своеобразие. Дело в том, что оно совпало со сменой эпох. А смена эпох (культурных, политических, социально-экономических и т. д.) всегда сопровождается болезненным конфликтом устоявшихся стереотипов, привычек, адатов и культур со всем цивилизационно новым. Как показывает история, этот процесс протекает порой очень болезненно. Слабая сторона всячески сопротивляется, в первое время не желая идти ни на какие уступки, на какой-либо компромисс. Так проявляется консерватизм в его классическом виде. Его сторонники, кроме желания ничего не менять в жизни, имеют в активно ими оберегаемой системе свои политические, социальные и иные интересы.

Но в конце концов оказывается, что у сильной стороны действительно много привлекательных, практически полезных и прогрессивных преимуществ. Наличие того, чего не было раньше и в чем была реальная жизненная нужда, все равно пробивает себе дорогу и в конечном итоге так или иначе самоутверждается. Как отмечал еще Арнольд Тойнби, новые веяния, новые цивилизационные силы проникают и самореализуются именно там, где старые позиции наиболее слабы, уязвимы и обветшали.

Примерно так или почти так произошло и с киргизской кочевнической культурой рубежа XIX и XX веков. Культур-

но-охранительное сопротивление великих заманистов в лице Калыгула, Арстанбека, Молдо Кылыча и других было сопротивлением обреченных, потому что они видели и предугадывали, что силы тут несопоставимы и победа нового «замана», то есть новой эпохи, практически неизбежна. Проклиная «зар заман», заставляя людей тревожиться своими мрачными предсказаниями и догадками, иные из заманистов потом сами переходили на письменную форму акынства, на сочинение книг, собирали библиотеки и активно проповедовали грамотность и учебу.

Да, это было эпохой Просвещения, но — подчеркнем — киргизской эпохой Просвещения, по типологии схожей с тем, что имело место в Европе как минимум двести лет назад со своей идеологией и ценностями. Но эта эпоха, к великому счастью, не обошла стороной Кыргызстан и всю Центральную Азию или, как минимум, российский Туркестан. Разумеется, о полном типологическом сходении идеологии европейского, в том числе русского Просвещения с идеально-тематической, идеологической направленностью киргизской литературы и культуры рубежа XIX и XX веков не может быть речи. Речь идет лишь о совпадении некоторых ключевых моментов, типологических сходений, позволяющих говорить о наличии и роли в социально-духовном развитии народов Востока просветительских идей. Поэтому нужно считать великим благом, что эта эпоха все же наступила в этой части Азии благодаря прежде всего России, Советской власти. Эта власть неизменно возводила на пьедестал почета всех великих просветителей России и Европы, заставляла изучать их идеи в школах и вузах. Имена Вольтера, Руссо, европейских социалистов-утопистов Сен-Симона, Оуэна и других знал каждый нормальный школьник. В их числе был и будущий Первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Турдакун Усбуалиев.

Реальным воплощением киргизского просветительства стали знаменитый ликбез, национальный всеобуч, «культурная революция» 1920—1930-х годов. По всей видимости, именно в эти годы люди начали лучше понимать и острее осознавать, что массовая темнота, безграмотность и невежество виной всему тому, что им пришлось пережить, что творилось на киргизской земле в недавнем прошлом. В целом желание учиться охватило все слои кыргызского населения, а позже превратилось, как отмечено выше, в настоящую национальную идею.

Турдакун, с малых лет наслышанный о злодеяниях царских властей и их жестоком отношении к местному населению, сразу поверил в освободительные лозунги и радикальные призывы большевиков, позже — коммунистов. И все время учился, причем учился очень хорошо и преложно. Призыв своего кумира Владимира Ильича Ленина, обращенный к молодежи, он воспринял всей душой и преложным умом.

Эти слова в те далекие 1930-е годы повторялись как заклинание, как молитва, везде и всюду, на всех уровнях.

ПАРТИЯ КАК РЕЛИГИЯ

Незадолго до окончания учительского института молодой Турдакун подает заявление о вступлении в члены большевистской партии, и его без проблем принимают. Да и он прекрасно понимал, что другого пути в выборе жизненной стратегии просто нет. То, что делала партия, ему нравилось, и ему хотелось быть в гуще событий, не отставать, а быть впереди.

«В 1940 году партийная организация нашего института приняла меня кандидатом в члены ВКП(б), — пишет Усубалиев. — Впервые я вместе с другими кандидатами был в райкоме партии на беседе у секретаря райкома, затем нас пригласили на заседание бюро райкома, где было немало людей. Коленки дрожали, про себя думал: какие вопросы зададут и отвечу ли на них правильно? Сказал бы мне кто-нибудь в тот день, что я стану, спустя годы, первым секретарем ЦК республики, я бы счел это издевательством, на смешной... Зав. отделом райкома, который нас приглашал на беседу, зачитал наши анкетные данные и решение партийной организации института. Председательствующий — первый секретарь райкома — обратился к своим коллегам: будут ли вопросы? Особых, сложных вопросов не было, никого из нас “в угол не загоняли”. Все прошло спокойно. Присутствовавшие члены бюро райкома проголосовали за утверждение постановления парторганизации института. Кажется, через неделю, нам в райкоме вручили партийные билеты кандидата в члены ВКП(б). Годичный кандидатский стаж был испытательным сроком. За это время меня проверяли, как говорится, со всех сторон: мое личное поведение, моя учеба, выполнение партийных поручений находились под контролем партийной организации института,

затем Кочкорского райкома партии. Испытательный срок я выдержал. В декабре 1941 года бюро Кочкорского райкома партии приняло меня членом ВКП(б)».

После окончания вуза он получает направление в родной Кочкорский район на должность завуча (заведующего учебной частью) средней школы. Но спустя всего два месяца Усубалиев получает новое назначение и становится заместителем заведующего отделом пропаганды в Нарынском окружном комитете компартии. Через пару месяцев комсомольского активиста вызывают на собеседование во Фрунзе и после подробных, детальных вопросов и собеседований утверждают на должность инструктора отдела пропаганды и агитации Компартии Киргизии. Ему, жаждущему обучать грамоте своих земляков и сельских детей, школьная работа в качестве завуча очень нравилась, да и в Нарыне было достаточно интересно, но наверху думали иначе. А время было военное, о личном интересе и психологическом комфорте не могло быть и речи. Так он прибыл во Фрунзе и начал работать на самом ответственном участке партийно-государственного управления.

Таким образом, судьба широко улыбнулась ему: Турдакун бесповоротно вовлекся в политику, причем в самое трудное для своего народа время. Вообще этот год, грозный и тревожный год для всех народов СССР, стал для Турдакуна поистине судьбоносным. Суть в том, что по возрасту и зову долга он должен был отправиться на фронт, но острая нужда в кадрах, в грамотных организаторах жизни глубокого тыла заставили оставить его в тылу.

Шла Великая Отечественная война против фашистской Германии. Руководящие партийные, советские, хозяйствственные работники, как и все мужчины призывающего возраста, ежедневно, с 6 до 8 часов утра проходили военную подготовку в поле, на окраине райцентра. В числе их был и Турдакун, несмотря на то что в институте уже проходил теоретическую и практическую военную подготовку. Все ждали своей очереди отправиться в действующую армию. Райвоенкомат, согласно разнарядкам республиканского военкомата, отправлял призывников в армию по группам.

В Нарынском районе проводилась постоянная агитационно-пропагандистская работа по разъяснению населению положения на фронтах. Разъяснялись, например, вопросы о характере Великой Отечественной войны советского народа, почему и с какой целью гитлеровцы напали на Советский Союз, какая помощь нужна советской армии в

войне против фашизма, какие государства поддерживают Советский Союз, а какие воюют на стороне гитлеровской коалиции, и многие другие. Нужны были пропагандисты и агитаторы, имеющие необходимую образовательную подготовку. Между тем, во всем районе было всего два или три человека, имеющих вузовскую подготовку.

«В конце декабря 1941 года, — вспоминает Усубалиев, — я был вызван на бюро райкома партии, и меня утвердили зам. зав. отделом пропаганды и агитации райкома партии. Через два дня по вызову Тянь-Шаньского обкома партии приехал в гор. Нарын и после беседы у секретаря обкома по пропаганде со мною, на заседании бюро обкома партии было утверждено постановление бюро Кочкорского райкома партии об утверждении меня зам. зав. отделом пропаганды и агитации райкома. Так я оказался на партийной работе».

Будучи ответственным партийным функционером, он с головой окунулся в жизнь страны, о которой у него еще не было исчерпывающего представления. Он своими глазами видел, как Кыргызстан, веками изолированный от остального мира в силу своего географического положения и исторической судьбы, даже находясь далеко от реального эпицентра мировой войны, вдруг стал неразрывной частью этого воюющего мира. Слова «фашизм», «Гитлер», «Европа», «Москва», «Союзники», «Рузвельт», «Черчилль» прочько вошли в повседневный лексикон местного населения. Как ни парадоксально, война еще более ускорила и без того быстрый процесс включения киргизского народа «в мировое кочевье», говоря словами русского критика Е. Сидорова, вывела его на новый уровень миросознания. Кыргызстанцы, как и весь советский народ, терпели и голод, и холод, и разруху.

Об этом лучше всех сказал, пожалуй, Чингиз Айтматов: «Я помню митинги первых дней войны. Общая ответственность за судьбу страны становилась персональной. Прямо с митингов уходили из райцентра колонны добровольцев. В этом суть. Как теперь я понимаю, каждому человеку, великому и малому, на фронте и в тылу нашлось свое историческое место в этой грандиозной, всенародной борьбе... Война явилась не только глобальной исторической вехой, разделившей XX век на две части — на довоенный и послевоенный период человечества, но и явилась судьбою, участию каждого человека, жившего в ту пору, мерилом его поступков и нравственных ценностей. Война предстала перед

лицом буквально каждого из людей. Не знаю никого, кто обошел бы войну так или иначе»*.

В таких условиях приходилось работать молодому партийному функционеру Усубалиеву, и он видел, как вся многонациональная держава объединилась, напрягая все свои силы, как беда всех сплотила и сблизила. Это было очень ценным жизненным и политическим опытом, ставшим основой его мировоззрения и базовых морально-нравственных убеждений. И когда он говорил о Коммунистической партии как об объединяющей силе и «вдохновителе всех побед и достижений советского народа», в этом не было никакого пустословия или излишнего пафоса. Хотя эти слова очень часто звучали из его уст и уст советских руководителей во главе со Сталиным, как навязанное в зубах газетное клише, правды в них было действительно много. Да, они из-за частого употребления постепенно утрачивали свою первоначальную свежесть и убеждающую силу, но никто не подвергал сомнению их смысловую верность. Так Коммунистическая партия стала его, Турдакуна, партией, а коммунизм стал его руководящей идеей, верованием и глубинным убеждением.

Как было сказано выше, только что закончивший институт Усубалиев именно в первый год войны, в 1941-м, сделал свой первый шаг по карьерной лестнице — стал заместителем заведующего отделом Кочкорского райкома Нарынской области. Достаточно скоро его доростили до инструктора Центрального комитета Коммунистической партии Киргизии. Это было по тем временам достаточно серьезным карьерным ростом. Молодой, но усидчивый и неутомимый Усубалиев попал в «кадровый резерв» республиканской номенклатуры.

Тут мне придется еще раз сетовать на закрытого, не любящего делиться своими переживаниями и эмоциями Турдакуна Усубалиевича. Суть в том, что он не оставил никаких воспоминаний или письменных свидетельств личного характера о военных годах. Но, судя по его быстрому подъему по карьерной лестнице, по тому, как его сразу после войны отправили специальным решением республиканского ЦК в Высшую партийную школу при ЦК ВКП(б), на то имелись серьезные основания. Следовательно, молодой человек из Кочкорского района горной Нарынской области севера Киргизии показал себя очень перспективным и многообещающим национальным кадром. «Я был

* Айтматов Ч. Статьи, выступления, интервью. М., 1988. С. 47—48.

молод, — лаконично пишет он в воспоминаниях. — Мне казалось, что я успею и смогу сделать многое. Сейчас, оглядываясь назад, понимаю — та юношеская энергия помогала мне идти только вперед, помогала в любые трудные дни. В тот же день, когда я был утвержден инструктором ЦК, на грузовой машине уехал в район. В райкоме сдал свои дела. Пришел домой, рассказал о переменах в жизни. Через два дня вернулся во Фрунзе, приступил к работе. В аппарате ЦК проработал один год и один месяц, с мая 1942 года по июнь 1943 г. Квартиры не было, многие новые сотрудники ЦК, в том числе я, очень долго жили в единственной в те годы гостинице “Кыргызстан”, не имеющей хотя бы минимальных условий для проживания. Затем меня поселили в совсем крохотной комнатушке в одном из домов, которую хозяин квартиры вынужден был освободить в порядке уплотнения. Тогда невероятно трудно было с жильем»*.

Шла война. Более 360 тысяч человек, или четвертая часть населения Кыргызстана, ушли на фронт, еще 30 тысяч трудились на военных предприятиях за пределами республики. Во Фрунзе и другие города прибыли 300 тысяч беженцев из прифронтовых и оккупированных территорий. В числе эвакуированных было много ученых, деятелей культуры, известных людей. И всех надо было расселить, устроить. В те годы Фрунзе был совсем небольшим городом, в нем проживало в 1940 году 104,5 тысячи человек, и его жилой фонд состоял в основном из одноэтажных садовых домов, а капитальные жилые дома, построенные из кирпича, можно было сосчитать по пальцам.

Вообще грозный 1941 год и победный 1945-й для будущего лидера социалистического Кыргызстана Турдакуна Усубалиева стали годами очень символичными и вдвойне значимыми. Говоря образно, он вышел на магистральную дорогу большой политической карьеры, имея для этого не плохую основу и жизненный опыт. Во-первых, он с полным на то основанием считал, что с колоссальным трудом и огромной кровью добытая победа над фашизмом — и его победа. Все четыре года и ему приходилось работать, не смыкая глаз, днем и ночью. Во-вторых, именно в 1945 году его отправили в Москву для работы в центральном аппарате партии. Все-таки опыт организаторской работы военных лет был очень весомым аргументом для карьерного роста.

* Усубалиев Т. О нашем времени и о делах моей жизни. Бишкек, 2003. С. 51.

Нужно было подкрепить этот опыт новыми знаниями, новыми управленческими технологиями, впечатлениями от посещения Москвы, увидеть которую стремились все советские люди.

Хочу заметить еще об одном примечательном факте истории, о котором еще много будет написано в этой книге. На шахматной доске политики произошло примечательное движение фигур: именно в 1945 году из соседнего Узбекистана Исхака Рazzакова перевели в Кыргызстан в качестве председателя Совета министров Киргизской ССР. Этому вне всякого сомнения выдающемуся деятелю предстояло наладить послевоенную жизнь республики. И он сумел это сделать.

Действительно, с его приходом к власти в Кыргызстане начали происходить заметные изменения. Было много новшеств и в экономике, и в культуре. Нагрянули и неизбежные во всех больших делах упущения и недостатки. Спустя много лет историки напишут, что этот яркий и харизматичный деятель, занимавший высшие посты во властной иерархии в течение 16 лет, оставил за собой целую эпоху и очень хорошую память о себе.

Но ни один из этих двух выдающихся личностей общегосударственного масштаба не предполагал, что спустя примерно десять лет один из них вернется из Москвы, а другой, освободив ему место, уедет туда же, откуда прибыл его будущий преемник.

Но до этого еще надо было дождаться. Надо было пережить немало непростых испытаний, в том числе последний период сталинских лет, потом постсталинское короткое, но бурное переходное время, потом эпоху хрущевской «оттепели». Что до Усубалиева, то он искалесил тысячи километров по большому Союзу, ему пришлось учиться и еще раз учиться, и вернуться во Фрунзе, в Кыргызстан, спустя двенадцать лет; в качестве московского «свежака», на которого все смотрели и с уважением, и с опасением, и с надеждой.

МАРШРУТ ФРУНЗЕ—МОСКВА—ФРУНЗЕ: НА РАННИХ ПОЕЗДАХ

Из числа слушателей партшколы, куда в 1943 году отправился Усубалиев — а их было около семисот человек разных национальностей из разных регионов Советского Союза — готовили политкомиссаров. Как известно, Сталин

и другие советские лидеры придавали очень большое значение политрукам, которые отвечали за идеологический и моральный климат в военной среде. Кстати говоря, во время войны очень многие политруки показали себя истинными героями, проводили среди солдат действительно очень большую и нужную работу. После окончания учебы этих 700 политруков со всего Союза должны были отправить прямо на фронт. Но пока они учились, война закончилась, вспоминал позднее Усубалиев. Поэтому вся эта группа получила различные служебные назначения.

В той большой группе, кроме Турдакуна, учились еще двое уроженцев Кыргызстана — это Кулуйпа Кондуchalova, ставшая «киргизской Фурцевой», то есть многолетним и легендарным министром культуры Киргизии, а также Асылбек Алтышбаев, сделавший очень успешную научную карьеру, став академиком и вице-президентом Академии наук Киргизской ССР. Но Турдакуна оставили в Москве, в аппарате ЦК КПСС, где он проработал целых 12 лет.

Попасть в Москву на учебу со всех точек зрения было огромным везением, хотя Турдакуну везло во всем: сразу после школы он поступил на рабфак, потом в единственный тогда в республике вуз — Киргизский учительский институт, который окончил как раз к началу войны. Но главным везением стало то, что Усубалиев не был отправлен на фронт, как многие его сверстники, а стал работать на руководящих должностях в тылу и даже заслужил медаль за доблестный труд во время Великой Отечественной войны.

Работой в столице он был очень доволен. Объездил почти весь Советский Союз, видел, как живут другие народы, какая у них культура, достижения, проблемы. При этом все время учился, обогащал свой багаж знаний и навыков практических и теоретических. Фактически Москва его полностью преобразила, настолько, что этого хватило на всю оставшуюся жизнь. Он полюбил Россию, русский народ и русский язык, для изучения которого новыми поколениями киргизов он потом сделал действительно очень много. Полюбил русскую и мировую культуру, стал заядлым поклонником музыкальной классики, особенно оперы. «Аида» Джузеппе Верди была его самой любимой оперой, слушать которую он никогда не уставал, заставляя и своих детей проникнуться ее содержанием и идеями. Именно в Москве он стал настоящим книголюбом, собирая и прочитывая от корки до корки тома классиков и не только классиков. Он, понимая, как важно ему быть в курсе дел советского народ-

ного хозяйства, искал и покупал книги по узким отраслям, как, например, «Пчеловодство», «Коневодство», «Иrrигационные сооружения» и т. д.

Словом, годы в Москве остались в его памяти самыми счастливыми, невероятно полезными и незабываемыми. Если бы не Москва, он не стал бы тем, кем он стал потом, признавался он потом. Если у Турдакуна Усубалиевича был на свете самый любимый город; за исключением Фрунзе, переименованного потом в Бишкек, то им, вне всякого сомнения, была Москва. Ее широкие улицы, театры и музеи, величественный МГУ, Кремль с его курантами, рубиновыми звездами и часами, аэропорты и вокзалы, встречавшие и провожавшие его и в годы учебы, и в военное время, и в годы его карьерного взлета, стали для него почти родными.

Как вспоминал герой нашей книги, эти два года учебы в высшей партийной школе по объемам учебной программы можно было приравнять к четырем-пяти годам вуза. Ежедневно прослушивались 5—6 часов лекций, а следующая за ними самостоятельная работа занимала 8—10 часов. Такой нагрузки не давало ни одно другое учебное заведение страны. «Мы, слушатели, сдавали зачеты и экзамены не только по предметам, которым нас обучали. За два года каждый слушатель делал три-четыре письменных доклада на семинарах по отдельным проблемным вопросам марксизма-ленинизма, диалектического и исторического материализма и политэкономии. С лекциями перед слушателями выступали самые лучшие силы общественных наук — академики, профессора, доктора наук, видные партийные, государственные и общественно-политические деятели. Помню, многие выступления просто завораживали нас, мы слушали, затаив дыхание. Так, например, до сих пор в моей памяти сохранились лекции академика по ряду историко-политических наук АН СССР Тарле Евгения Викторовича о Наполеоне. Его фундаментальная книга «Наполеон» и сейчас стоит на книжной полке моей личной библиотеки. Помню, как простым доступным языком рассказывали академик Глеб Максимилианович Кржижановский об энергетике, о перспективах ее развития в стране, а академик Владимир Афанасьевич Обручев — о состоянии развития геологической и географической науки*. Таким

* Усубалиев Т. О нашем времени и о делах моей жизни. Бишкек, 2003. С. 57.

образом, будущих руководителей обучала настоящая научная элита страны.

Однако учеба в большой столице в те годы была сопряжена со многими, в том числе чисто бытовыми проблемами. В 1943—1944 годах в Москве было холодно, не хватало топлива. Например, жители города сами заготавливали на зиму дрова. Этим занимались и слушатели высшей партишколы, готовящей руководящих работников. Как вспоминает Усубалиев, однажды они поехали на лесозаготовку в Калининскую область, остановились в одном заброшенном русском селе. Тогда он впервые увидел, как живут люди в российской глубинке. Им приходилось очень тяжело, заметил он. Основной их пищей была картошка, да еще жидкая похлебка. У них редко был даже ржаной хлеб. Примерно таким же было там питание и у слушателей партишколы; при этом ежедневно каждый из них обязан был заготовить шесть кубометров леса. Задание выполняли ежедневно.

Тут я должен хотя бы в общих чертах описать то, почему Москва и весь этот период жизни будущего Первого секретаря навсегда остались для него годами и личного счастья, и внутренней гармонии. Дело в том, что он был в этом великом городе не один, а со своей единственной и пожизненной любовью — с Гульджаке.

Тут нужно послушать самого Усубалиева: «Мы, я и моя жена Гульджаке Ниязалиева, прожили в Москве десять лет после учебы. А всего более 12 лет. Эти годы сохранились в нашей памяти, как незабываемый период, давший нам много человеческого счастья. Мы прожили столько лет в Москве — являющейся одним из главных центров мировой цивилизации. Не скажу, что у нас был полный материальный достаток, что мы ни в чем не нуждались. Но это на нашем настроении никак не сказывалось. Зарплата, которую я получал в ЦК, обеспечивала для моей семьи хоть скромные, но безбедные жизненные условия. Вначале нам дали одну комнату в общей квартире, затем, когда родились дети (два сына), предоставили двухкомнатное жилье, но все в той же «коммуналке». А в начале 50-х годов дали двухкомнатную отдельную квартиру со всеми удобствами, что, конечно, явилось признаком должной оценки моей добросовестной работы за истекшие годы в аппарате ЦК. Повторюсь, что для нас главным было не богатые бытовые условия — то, что мы имели, было достаточно для полного счастья»*.

* Усубалиев Т. Указ. соч. С. 108.

Москва дала чете Усубалиевых очень много. Даже перечислить все было бы очень затруднительно, потому что впечатлений было полно, интересных встреч и открытий огромное количество, прочитанных книг — еще больше. И все-таки для Усубалиева одним из главных духовных обретений была, как ни удивительно, классическая музыка. Он и до Москвы был большим поклонником музыки, особенно национальной киргизской, но жизнь в столице помогла ему глубоко погрузиться в мир Моцарта и Бетховена, Верди и Чайковского. Меломан Усубалиев до конца своей жизни обожал слушать любимых ему композиторов, углубляясь в мир оперного искусства, инструментальной музыки. В пятом томе его собрания сочинений на тему музыки написаны десятки страниц, причем видно, что человек каждое музыкальное произведение знает не понаслышке, а глубоко, с большой душевной отдачей. Так же была предана культуре и музыке, изящным искусствам Гульджаке.

Гульджаке Ниязалиева — отдельная тема в биографии этого многолетнего руководителя Киргызстана. Среди близких знакомых этой семьи существует твердое убеждение, что если бы не Гульджаке и не тот крепкий тыл, который обеспечивала эта незаурядная женщина для Первого секретаря, ему сложно было бы выдержать огромное напряжение, во всем успевать, выглядеть таким уверенным и непоколебимым в глазах общества, партийной многоокой элиты.

Как вспоминает Первый секретарь, они с Гульджаке познакомились в Москве, когда учились в партийной школе. Благо эта молодая, добрая, с открытым и обаятельным лицом красивая женщина была из среды партийных работников. Перед приездом в Москву на учебу она уже успела поработать литературным сотрудником вновь созданного журнала «Кыргызстан аялдары» («Женщины Киргизстана»), потом инструктором Токмакского райкома партии. Но приезд в Москву на полугодовую учебу стал поворотным пунктом не только в ее карьере, но и в личной жизни.

Они познакомились на встрече киргизского землячества в Москве, и оба потом удивлялись, как легко они друг друга поняли, будто они давно знали друг друга. Сначала дружеские, совершенно товарищеские отношения быстро переросли в нечто такое, о чем они оба вынуждены были подумать всерьез. Позже стало ясно, что они друг без друга не могут и не должны расставаться. И тут нужно подчеркнуть, что к тому времени оба состояли в браке. Турдакун

был женат, имел ребенка. Расставанию их с прежними спутниками не способствовали ни патриархальные, несмотря на все революционные изменения, нравы киргизского общества, ни партийная мораль, строго осуждавшая романы и разводы в партийной среде.

Можно только представить, каких переживаний и невров стояло им в то суровое сталинское время пойти на разоржение брака и осмелиться соединить судьбы. Но они пошли. Гульджаке вернулась домой в Токмак и объявила о своем решении. Она была настолько тверда в своем решении, что никто не мог ее остановить. То же сделал и Турдакун Усубалиев. Оба прекрасно знали, что этот шаг может обойтись им дорого, сломать карьеру и судьбу. Это было действительно суровое время.

В этой связи вспоминается характерное интервью Чингиза Айтматова, который тоже пережил аналогичную личную историю и сказал о тех суровых временах следующее: «То время и та обстановка проявлениям любви не способствовали, тот режим такие душевые всплески не приветствовал. Все укладывалось в жесткие рамки, определенные партией. Ведь моя юность и молодость прошли в сталинские и послесталинские времена»*. Это было действительно так. Но Турдакун с Гульджаке оказались более смелыми и решительными, чем Айтматов с Бибисарой Байшеналиевой, которые так и не смогли связать судьбы узами брака.

По сохранившейся единственной фотографии, которую, как рассказывают дети Усубалиева, Первый секретарь хранил как реликвию, как талисман, можно видеть двух оптимистично настроенных молодых людей. У обоих лица полны надежды, уверенности, хотя в облике Гульджаке наблюдается определенная озабоченность. По-видимому, женщины по природе своей более осторожны в своих поступках, переживают такие события острее, чем мужчины. На лице молодого Турдакуна написаны только радость и уверенность в том, что все будет хорошо.

Нужно отметить, что Гульджаке Ниязалиева была одна из восходящих звезд своего времени, если к политработникам применимо такое сравнение. Во-первых, она была дочерью первого наркома юстиции тогда еще Киргизской АССР. Ташы Кудайбергенов, будучи очень грамотным и образованным человеком для своего времени, с молодых лет был связан с политикой, был делегатом X съезда РКП(б) в

Москве, где выступали Ленин, Каменев, Троцкий, Бухарин. Кстати говоря, в итоговых документах этого съезда есть и цифры о национальном составе делегатов, и там указано: «1.7 процентов киргизы». Надо думать, в этом проценте был указан и родной отец Гульджаке.

Ташы Кудайбергенов попал в тюрьму в 1938 году, потом освободился, но опять угодил туда же. Он долгие годы томился в ГУЛАГе, чудом выжил. Отец Гульджаке был освобожден в год смерти Сталина, в 1953 году, но с сильно подорванным здоровьем. Ему пришлось остаться в Москве для лечения, и там же он скоро умер.

А свою фамилию Гульджаке взяла у Ниязалиы Барбыкова, родственника ее отца, который ее воспитал, поставил на ноги. Родители отдали ее на воспитание другому человеку, потому что боялись, как бы и ребенок не пострадал из-за опального родителя. Поэтому они даже скрывали место ее жительства, увезли ее в Пржевальск (ныне Каракол), отправили даже на время в Ташкент. Она была единственной среди детей Т. Кудайбергенова, которая окончила школу и получила нормальное образование. К моменту знакомства с Турдакуном Гульджаке уже вступила в стезю партработника среднего звена и работала инструктором Токмакского райкома партии. В Москву она приехала на полугодовое повышение квалификации в партийную школу.

Мы не можем сказать, что у них завязались тесные отношения сразу, что это было любовью, как говорят, с первого взгляда. Но учеба, так называемая «самоподготовка», когда слушатели партшколы часами сидели над томами Маркса, Энгельса и Ленина в читальных залах, общие взгляды на жизнь и на политику не могли не сблизить их и не побудить ближе узнать друг друга. Все кончилось тем, что они полюбили друг друга и поняли, что лучше быть вместе, чем порознь. Хорошо, что все это происходило в Москве, там, где, повторяя слова классика, они были хотя бы отчасти свободны от «всеуслышащих ушей и всевидящих глаз» местного сообщества. Во Фрунзе все бы обстояло гораздо сложнее. Москва все-таки была менее отягощенной путями местных условностей, чем Киргизия. Там они легче пошли на смелый шаг, решили быть вместе.

Это была очень счастливая пара — и вместе с тем очень крепкая семья. Там же, в Москве, родились их дети: сыновья Сыргак и Ермек, дочь Бермет. И все же Гульджаке пришлось больше заниматься детьми, семьей, чем политикой. Но она верила Турдакуну. Она верила в его возможности, в

* Ибраимов О. Чингиз Айтматов. М., 2018. С. 150.

его характер и настойчивость. Вместе с тем, у них не было иллюзий, что все в их жизни будет гладко, без препятствий, «как по маслу». Так оно и получилось.

Автор этих строк до сих пор помнит слова многолетнего помощника Усубалиева Александра Иванова, писателя и издателя, автора книги о своем шефе «Верхом на облаках» о том, что работа Первого секретаря ЦК КП была адской, что Усубалиев-руководитель всегда жил в колоссальном напряжении. Наверное, так оно и было. Но это напряжение снималось и сводилось на нет благодаря дружной семье, прежде всего верной спутнице жизни Гульджаке, с которой можно было обсуждать любую тему и проблему и услышать толковый, звездный совет.

Пройдет много лет, и они вернутся во Фрунзе, и Гульджаке будет назначена директором республиканского Музея изобразительных искусств, станет весьма уважаемой коллегой знаменитой Ирины Антоновой, многолетнего директора московского музея имени А. С. Пушкина, будет дружить с великим скульптором Коненковым, с именитыми советскими музейщиками, превратит свой музей в настоящий храм, где хранятся уникальные экспонаты, картины, различные артефакты. Но это будет потом...

Годы, проведенные в Москве, наложили такой глубокий отпечаток на сознание Турдакуна, что он вернулся в родные пенаты совсем другим. Он впитал культуру, усовершенствовал свой русский язык, научился работать в большом коллективе и, как сказали бы в то время, «закалился» идейно. И все же Москва в его памяти и памяти его супруги осталась прежде всего огромным центром культуры и науки, в том числе музыки и других искусств. «Москва научила меня и мою жену очень многому», — вспоминал Усубалиев в последние годы жизни, явно испытывая ностальгию по молодым годам, по романтике послевоенных советских лет. — Московский период нашей жизни никогда не забудется, это было для нас самое счастливое время. Проживая в Москве, мы с каждым годом открывали для себя все новые сферы жизни, испытывали все новые и новые чувства, ранее нами неизведанные. Москва была и одним из мировых центров науки и искусств. Она поразила безмерно, очаровала нас своей великой музыкальной культурой, вобравшей в себя шедевры мира, и мы стремились понять ее, в какой-то мере, в пределах наших возможностей, обогатить свой культурный уровень, развить интеллект. В этих целях за время проживания в Москве мы не

раз бывали на спектаклях всех ее театров. До сих пор живы в моей памяти впечатления, которые произвел на нас Большой театр — крупнейший центр русской, советской и мировой музыкально-театральной культуры. Не раз бывали мы в музыкально-оперном театре имени Станиславского и Немировича-Данченко. На сценах этих театров мы прослушали несколько десятков лучших произведений мирового оперного и балетного искусства. Нас завораживали прослушанные музыкально-дramатические произведения, содержание которых воплощено в сценических музыкально-поэтических образах и выражалось с помощью оркестровой и вокальной (сольной и хоровой) музыки».

В его памяти навсегда сохранились спектакли мирового оперного и балетного искусства. Он с волнением писал, как трудно передать словами в полной мере то высокое эстетическое наслаждение, которое доставляли произведения мировой оперной и балетной классики. Удивительно и незабываемо художественное воздействие произведений классики: чарующая вокальная мелодия, выразительность и красота пения, яркая мелодическая образность и доступность слушателям.

Политик, в то же время заядлый меломан Усубалиев считал, что музыка — единственный всемирный язык, его не надо переводить. На нем душа говорит с душою. «Вот музыка классика Дмитрия Дмитриевича Шостаковича, с которым я, будучи руководителем республики, имел честь быть знакомым и принимать его в республике, как самого почетного гостя. В 1963 году он подарил нам свое замечательное произведение — увертюру «На киргизские-русские темы» с дарственной надписью. Это сочинение часто исполнялось у нас на концертах. Его партитура хранится в государственном архиве республики.

Шостакович мне говорил: «Любителями и знатоками музыки не рождаются, а становятся». Вот уже прошло много лет с того времени, когда я читал это высказывание великого композитора. И могу сказать, что каждая мысль, содержащаяся в этом высказывании, истинная правда. Мы, я и моя жена, стали любителями музыки, открыли себе новый, прекрасный мир, мир чарующих звуков и голосов, ранее не слышанных мелодий. И нам посчастливилось не раз слушать такие произведения Моцарта, как бытовая комическая опера «Свадьба Фигаро», веселая, трагикомическая опера «Дон-Жуан», опера «Волшебная флейта». Музыка этих опер настолько пленительна, что вызывает желание

слушать ее бесконечно. Ее жизнерадостные тона, лиричность мелодий незабываемы. Содержание опер отражает передовые идеи своей эпохи, неиссякаемую веру в торжество света и справедливости, воспевает гуманистические идеалы, олицетворение разума, добра, гармонии и др.

Потрясающее впечатление испытывали мы, когда слушали героическую оперу гениального немецкого композитора Людвига Бетховена "Фиделио" — одно из величайших созданий мирового музыкального искусства. Захватывает слушателя Девятая симфония Бетховена. И нам повезло, что мы именно в Москве слушали почти все знаменитые произведения этого великого композитора».

Словом, 12 лет за пределами республики — это был достаточно большой срок для семьи Усубалиевых. Державная Москва им не могла не нравиться, но Турдакун все равно тянуло домой, в Кыргызстан. А там происходили очень важные события. Послевоенная республика жила интересной жизнью, строилась, обновлялась, реализовались многие перспективные проекты. Все эти процессы Турдакун отслеживал внимательно, даже вдвойне внимательно и с большой личной заинтересованностью, сидя в Москве, но совершенно обоснованно связывая свое будущее с родной республикой.

Усубалиеву хотелось домой, там жили его родители, родственники, друзья. И когда ему предложили вернуться, он сразу согласился.

Это было в 1955 году.

РЕДАКТОР, МЭР СТОЛИЦЫ, МОСКОВСКИЙ «СВЕЖАК»

Десять лет работы в Москве, на так называемой Старой площади, то есть в Центральном комитете, в святая святых КПСС — это был очень серьезный политический капитал для Турдакуна Усубалиева. Можно предположить, что и для партийной Москвы он считался своим, кадром испытаным, отлично подготовленным, готовым работать в любом качестве и на любом уровне. А в глазах местной партийно-советской элиты он однозначно воспринимался человеком с большим политическим будущим. О нем говорили, судачили в кулуарах, местные аналитики строили свои догадки.

Когда он приехал во Фрунзе, его сразу приняли Первый секретарь ЦК КП Киргизии И. Р. Раззаков и второй

секретарь ЦК КП Киргизии В. Н. Чуркин. Они провели с ним соответствующую беседу, были подчеркнуто вежливы и любезны, предложив возглавить главную республиканскую газету «Советник Кыргызстан». Предложение со всех точек зрения было логичным, учитывая базовую специальность московского «свежака» с институтским дипломом по специальности «язык и литература». Фактически в учительском институте его готовили для преподавательской работы по киргизскому языку и литературе. Он сразу согласился.

И тут самое время поговорить о таланте Турдакуна Усубалиева-публициста, аналитика, пишущего одинаково профессионально как на родном киргизском, так и на русском. Тому свидетельством увесистые, очень толково, в высшей степени аргументированно, почти без ошибок написанные тома его сочинений. Киргизский язык был его родным языком, и он прекрасно владел им, писал на нем, выступал. И все же он до конца своей жизни больше писал и говорил на русском. Отразилась давняя привычка, в том числе московская. О том, как он ценил и любил русский язык и как много сделал для его внедрения и всестороннего изучения в Кыргызстане, уже упоминалось в предыдущих главах и будет речь после.

Он писал не только грамотно и профессионально, но как настоящий ученый, как истинный политический и экономический аналитик. Читая его статьи и выступления, в особенности поздние работы, можно получить настоящее удовольствие от добротной фактологии, аккуратности в ссылках, точности в цифрах и статистических данных, которые он знал почти наизусть. Он в своих трудах приводит столько фамилий, названий, цитат и изречений, статистических данных, всяких показателей, что диву даешься. По всему видно, что человек все время читал, делал закладки, вырезки, собирал материалы, причем с большой аккуратностью и системно.

По-видимому, он знал и понимал, что когда-то и лидерству наступит конец, будет и критика, будут и атаки на него, что нужно заготовливать факты и свидетельства в свою защиту. Это и произошло: атаки и наветы не остановились тогда и сейчас, когда пишется эта книга. Но еще при жизни по всем вопросам, по которым его обвиняли, он дал свой ответ. Ему было бы очень тяжело ответить на все нападения и многочисленные журналистские наскоки, если бы он не копил материалы и не собирал как минимум копии документов, которые имели важное значение.

Но он был испытанный боец, что называется тертым калачом. Одна из его статей, например, начинается так: «В 1991 году распался Великий Советский Союз. И после этой страшной трагедии в нашей истории мои недруги распоясались, стали наглыми, начали распространять против меня гнусные обвинения, на что я вынужден вновь предложить вниманию читателей партийно-государственные документы, факты и аргументы». И приводятся факты, факты и еще раз факты, против которых очень трудно возразить. Вернее, можно, но не с таким обилием аргументов, фактов и свидетельств, как делал это Усубалиев.

Бывшие соратники Первого секретаря до сих пор вспоминают, каким тщательным редактором он был, как он работал с документами, справочной литературой, какую проявлял внимательность к деталям и аккуратность, доходящую до фанатизма.

В газете «Советтик Кыргызстан» ему пришлось поработать совсем недолго. Уже через год отлично проявивший себя московский «свежак» получил новую, очень ответственную и перспективную должность. В марте 1956 года бюро ЦК Киргизии утвердило его заведующим отделом пропаганды и агитации ЦК. Эта отрасль партийной работы была как раз его коньком. И за время его работы добротную идеологическую и научно-теоретическую подготовленность не могли не заметить. Десятилетняя московская подготовка быстро дала о себе знать. Это означало, что Усубалиев готов на куда большие дела и роли.

Заведующим агитпропа он проработал около двух лет. В 1958 году на Фрунзенской городской конференции его без колебаний избрали первым секретарем столичного горкома партии. Тем самым он уже выбился в высшую партийно-советскую элиту республики. Среднего роста, с черными смолянистыми волосами, всегда аккуратный и подтянутый Турдакун Усубалиев уже вошел в состав политического бюро республики в качестве его полноправного члена. Его заметили и запомнили. Не только местная элита, но и простые граждане республики. Когда проводились парады трудящихся, он стоял в ряду руководителей Киргизии, а на больших заседаниях сидел в президиуме, ничем не подчеркивая своего значения, но терпеливо ожидая своего часа.

Читателям, не заставшим советское время, тем более те далекие уже годы, когда Турдакун Усубалиев вернулся из Москвы и начал работать в аппарате киргизского ЦК, будет интересно знать, какими были типичные партийные

функционеры 1950-х годов. Вот что пишет в этой связи академик В. М. Плоских: «К 50-м годам XX века политическая элита Кыргызстана отличалась наработанной годами готовностью к самым неожиданным поворотам. Психологический портрет типичного функционера тогдашней власти в Киргизской ССР характеризовался двумя чертами: искренней преданностью Компартии и готовностью исполнять ее приказы, порой идущие вразрез с базовыми идеологическими установками марксизма. Говорят ли это об отсутствии принципиальности? Скорее нет. Есть масса свидетельств проявления высоких моральных качеств ряда лидеров коммунистической партии. Нельзя назвать этих людей и неспособными критически мыслить исполнителями. У многих партийных функционеров во времена репрессий выработалась привычка к двойной морали, но в их среде было немало достойных и честных людей. Пример, как сохранить целостность личности в условиях метаморфоз политической системы, является собой одна из самых значимых политических фигур XX века — бывший Первый секретарь Компартии Киргизской ССР Турдакун Усубалиев»*.

Когда Усубалиева утвердили первым секретарем столичного горкома партии, в республиканской столице проживало более 200 тысяч человек, из них 80% были представителями некоренного населения. Киргизов-горожан было очень мало. Фрунзе фактически был русским городом, где киргизы себя чувствовали как бы чужаками. Местное население, как и прежде, жило в основном в селах. «Если честно признаться, город мало походил на столицу», — писал впоследствии Усубалиев. — Поэтому одним из вопросов стоял вопрос о благоустройстве города. Три с половиной года я проработал на этой должности. Конечно, работы было много, были положительные результаты. Начались сдвиги в развитии экономики и культуры города, повышения благосостояния горожан, но этого было мало. Требования росли, а недостатки оставались. Должен заметить, что работа в партийном аппарате хотя и была очень трудной, но не скучилась на события, вызывавшие порой одновременно смех и досаду. Как руководитель я понимал, что творится безобразие, а чисто по-человечески смеяться хотелось — такие глупые ситуации складывались. Ведь простые человеческие чувства и мне не чужды, только сдерживать себя приходи-

* <https://usubaliev.files.wordpress.com/2017/06>

лось намного чаще. Но я для себя уяснил одно, что всю оставшуюся часть моей жизни я посвящу своему народу»*.

Будущему Первому секретарю удалось сделать не так много в качестве главы города, но всегда требовательный к себе Усубалиев все-таки был доволен своей работой в этой должности. Этот период был для него бесценной жизненной школой. Главное, он приобрел опыт общения с рабочими, интеллигенцией, в целом с населением города, научился понимать их проблемы, нужды и запросы. За время работы изучил город вдоль и поперек, не было ни одной улицы, которую Усубалиев не знал от начала и до конца, ни одного объекта, где бы он ни бывал. Этот опыт ему пригодился очень сильно, когда он встал во главе республики. Но это было позднее.

После трехлетней работы в качестве первого секретаря горкома Фрунзе политическая карьера Усубалиева готова была подняться еще выше по ряду причин. Прежде всего, Москва по праву рассматривала его своим кадром, своим воспитанником, отлично знающим новые тренды в политике и партийной идеологии, за десять лет впитавшим в себя культуру и дух большой столицы. С другой стороны, новому советскому лидеру Н. С. Хрущеву, сменившему Сталина после драматических передряг в Кремле, нужно было расставить на местах своих людей, освежить атмосферу и привести к управлению страной новое поколение. После Сталина, который почти тридцать лет стоял во главе СССР и покинул высший пост страны только из-за своей смерти, слишком многое нужно было переделать и реорганизовать. И Хрущев начал с кадров, которые, по выражению того же Сталина, решали все.

РАЗЗАКОВ И УСУБАЛИЕВ: СВЕТ И ТЕНИ

5 мая 1961 года в жизни Турдакуна Усубалиева, да и не только его, произошло важнейшее событие. В зале заседаний бюро ЦК Компартии Киргизии собирались все члены бюро в полном составе. Происходил так называемый партактив. Зал тихо гудел. Люди переглядывались, о чем-то перешептывались, по взъяненным лицам видно было, что произойдет сегодня что-то очень важное. Да и признаки

были очевидными: в зале вместе с членами бюро ЦК находились заведующий отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, присутствовали такие важные партийные шишки из Москвы, как секретарь ЦК КПСС Виталий Николаевич Титов, первый заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Петр Филиппович Пигалев. Заметно волнуясь, заседание бюро ЦК открыл Первый секретарь ЦК Исхак Раззакович Раззаков и сразу, без предварительных речей, предоставил слово Титову, который выступил с пространным докладом, очень критически высказавшись о делах республики...

Но перед тем, как разобраться в сути речи московского высокопоставленного функционера, необходимо хотя бы вкратце рассказать о том, каким руководителем, какой личностью был предшественник Усубалиева — Исхак Раззакович Раззаков.

Раззаков в истории советского Киргизстана — фигура очень значительная и важная. Начнем с его биографии, которая не может не вызвать глубокого уважения к нему даже на первый взгляд.

Уроженец юга Киргизстана Исхак Раззаков прошел большой, почти легендарный жизненный путь. Родился он 25 октября 1910 года в селе Хоросан Бокса-Исфанинской волости Ходжентского уезда Туркестанского края (ныне Ляйлякского района Баткенской области) в семье шахтера. Это места, где исторически бок о бок жили и живут киргизы, узбеки, таджики. Говоря другими словами, там, где родился Исхак, и сейчас заметно смешение культур, традиций, языков.

Детство его было очень тяжелым. Он лишился матери, когда ему было всего три года, отца потерял в пятилетнем возрасте по пути в Ташкент, куда они держали путь в поисках лучшей доли. Так он совсем маленьким ребенком остался один среди совершенно чужих и незнакомых людей. Как и многих сирот того времени, Исхака спасли добрые люди, отдавшие его в сиротский дом, где он и воспитывался. Но он не засиделся на одном месте, перебираясь из одного места в другое. Головокружительная жизненная одиссея, наконец, опять привела его в Ташкент, в школу-интернат. Потом, после школы, он поступил в Узбекский институт просвещения в Ташкенте.

Исхак был одаренным юношой, поэтому многие советовали ему учиться, рекомендовали школам и интернатам. Бывая то в Киргизстане, то в Узбекистане, то в Таджикистане,

* <https://usubaliev.org/2017/04/14/Кыргызстан-в-моем-сердце>

лось намного чаще. Но я для себя уяснил одно, что всю оставшуюся часть моей жизни я посвящу своему народу»*.

Будущему Первому секретарю удалось сделать не так много в качестве главы города, но всегда требовательный к себе Усубалиев все-таки был доволен своей работой в этой должности. Этот период был для него бесценной жизненной школой. Главное, он приобрел опыт общения с рабочими, интеллигенцией, в целом с населением города, научился понимать их проблемы, нужды и запросы. За время работы изучил город вдоль и поперек, не было ни одной улицы, которую Усубалиев не знал от начала и до конца, ни одного объекта, где бы он ни бывал. Этот опыт ему пригодился очень сильно, когда он встал во главе республики. Но это было позднее.

После трехлетней работы в качестве первого секретаря горкома Фрунзе политическая карьера Усубалиева готова была подняться еще выше по ряду причин. Прежде всего, Москва по праву рассматривала его своим кадром, своим воспитанником, отлично знающим новые тренды в политике и партийной идеологии, за десять лет впитавшим в себя культуру и дух большой столицы. С другой стороны, новому советскому лидеру Н. С. Хрущеву, сменившему Сталина после драматических передряг в Кремле, нужно было расставить на местах своих людей, освежить атмосферу и привести к управлению страной новое поколение. После Сталина, который почти тридцать лет стоял во главе СССР и покинул высший пост страны только из-за своей смерти, слишком многое нужно было переделать и реорганизовать. И Хрущев начал с кадров, которые, по выражению того же Сталина, решали всё.

РАЗЗАКОВ И УСУБАЛИЕВ: СВЕТ И ТЕНИ

5 мая 1961 года в жизни Турдакуна Усубалиева, да и не только его, произошло важнейшее событие. В зале заседаний бюро ЦК Компартии Киргизии собрались все члены бюро в полном составе. Происходил так называемый партактив. Зал тихо гудел. Люди переглядывались, о чем-то перешептывались, по взъяненным лицам видно было, что произойдет сегодня что-то очень важное. Да и признаки

были очевидными: в зале вместе с членами бюро ЦК находились заведующий отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС, присутствовали такие важные партийные шишки из Москвы, как секретарь ЦК КПСС Виталий Николаевич Титов, первый заместитель заведующего отделом организационно-партийной работы ЦК КПСС Петр Филиппович Пигалев. Заметно волнуясь, заседание бюро ЦК открыл Первый секретарь ЦК Исхак Рazzakovich Раззаков и сразу, без предварительных речей, предоставил слово Титову, который выступил с пространным докладом, очень критически высказавшись о делах республики...

Но перед тем, как разобраться в сути речи московского высокопоставленного функционера, необходимо хотя бы вкратце рассказать о том, каким руководителем, какой личностью был предшественник Усубалиева — Исхак Раззаковиch Раззаков.

Раззаков в истории советского Кыргызстана — фигура очень значительная и важная. Начнем с его биографии, которая не может не вызвать глубокого уважения к нему даже на первый взгляд:

Уроженец юга Кыргызстана Исхак Раззаков прошел большой, почти легендарный жизненный путь. Родился он 25 октября 1910 года в селе Хоросан Бокса-Исфанинской волости Ходжентского уезда Туркестанского края (ныне Ляйлякского района Баткенской области) в семье шахтера. Это места, где исторически бок о бок жили и живут киргизы, узбеки, таджики. Говоря другими словами, там, где родился Исхак, и сейчас заметно смешение культур, традиций, языков.

Детство его было очень тяжелым. Он лишился матери, когда ему было всего три года, отца потерял в пятилетнем возрасте по пути в Ташкент, куда они держали путь в поисках лучшей доли. Так он совсем маленьким ребенком остался один среди совершенно чужих и незнакомых людей. Как и многих сирот того времени, Исхака спасли добрые люди, отдавшие его в сиротский дом, где он и воспитывался. Но он не засиделся на одном месте, перебираясь из одного места в другое. Головокружительная жизненная одиссея, наконец, опять привела его в Ташкент, в школу-интернат. Потом, после школы, он поступил в Узбекский институт просвещения в Ташкенте.

Исхак был одаренным юношой, поэтому многие советовали ему учиться, рекомендовали школам и интернатам. Бывая то в Кыргызстане, то в Узбекистане, то в Таджикистане,

* <https://usubaliev.org/2017/04/14/Кыргызстан-в-моем-сердце>

он блестяще выучил узбекский и таджикский языки. К примеру, узбекским он овладел настолько хорошо, что профессионально переводил с русского на узбекский язык произведения русских классиков или наоборот с узбекского на русский. Неудивительно, что он преподавал в том же Узбекском институте просвещения в Ташкенте с 1929 по 1931 год.

Но судьбу его решила учеба в Москве. Дело в том, что в 1931 году его направили на учебу в Московский институт Госплана им. Г. М. Кржижановского, где он получил специальность экономиста-плановика. Вернувшись обратно в Ташкент, который в то время считался признанной столицей всей Средней Азии, он проходит путь от заведующего группой отдела топлива Госплана Узбекской ССР (1936) до председателя облплана Ферганской области, заместителя председателя, а затем и председателя Госплана Узбекской ССР. Фактически политическая карьера его состоялась в Узбекистане, где он занимал самые ответственные государственные должности в годы Великой Отечественной войны. Его яркая харизма, выдающиеся ораторские способности, чувство юмора, красноречие, находчивость в трудных жизненных обстоятельствах довольно скоро превратили его в одного из самых популярных иуважаемых деятелей предвоенных и военных лет. Его, близкого друга и соратника Юлдаша Ахунбаева, легендарного лидера Узбекистана, хорошо знали и в Москве, в Кремле. Знали, что родом он из Кыргызстана, что он мечтает вернуться в родные края и хочет помочь своей республике. Хотя, подчеркнем еще раз, Узбекистан для него был почти родной землей, которую он искренне и сердечно любил и которая его спасла в трудные годы, дала образование, вырастила.

И в 1945 году его мечта сбылась — решением Политбюро ЦК КПСС 35-летний Исхак Раззаков был направлен в Киргизию и назначен на пост председателя Совета министров республики. Деятельный и дальновидный Раззаков очень много сделал для народного хозяйства послевоенного Кыргызстана. Высоко оценив его активность, лидерские и человеческие качества, политическое руководство СССР в 1950 году утвердило его на должность Первого секретаря ЦК КП Киргизской ССР. На этом посту он проработал ровно одиннадцать лет. Это были годы, когда создавалась база национальной экономики, закладывались настоящие основы науки и профессиональной культуры Кыргызстана. За эти годы (с 1950 по 1961) были построены и введены в действие многие промышленные объекты, осваивались

пустующие земельные угодья, строились новые заводы, фабрики, шахты, электростанции, ирригационные системы, школы, жилые дома, театры.

В актив Исхака Раззакова можно зачислить завод сельскохозяйственного машиностроения имени М. В. Фрунзе, высокогорную стратегическую дорогу Фрунзе—Ош, Лебединскую, Аламединскую, Пржевальскую ГЭС, заводы «Киргизавтомаш», Ошский электромеханический завод, обувная фабрика в столице, строилось Орто-Токайское водохранилище и т. д. При нем завершилось строительство БЧК — Большого Чуйского канала, который и поныне является жизненно важной артерией севера Кыргызстана. По его инициативе открылись знаменитый Киргизский политехнический институт, медицинский институт, Киргизский госуниверситет, сельхозинститут, женский педагогический институт и многие другие вузы и ссузы. При нем страна стала totally учащейся республикой, где звание студента было настолько гордым, что родители мечтали только об одном: чтобы дети учились в институте. В 1956 году Киргизская ССР была награждена первым орденом Ленина.

Но, как всегда бывает, имелись и недостатки. Самое главное, в СССР происходила очень серьезная политическая трансформация. Великая страна с трудом пыталась изживать наследие сталинизма. Н. С. Хрущев начал реабилитацию жертв Большого террора 1937—38 годов. Его знаменитая речь о культе личности и его последствиях все еще звенела в ушах и осмысливалась в головах. Он шумно, с присущими ему эмоциональностью и авантюризмом очищал Кремль от ярых сталинистов, одного за другим отстранял от руководящих должностей республик прежних кадров. В их числе оказался и Исхак Раззаков.

Все считали, что он засиделся на своем посту, оттого иногда позволял себе лишнего, переходя порой красную линию дозволенного. Оглядываясь назад, можно сказать, что он, возможно, был лидером, который впервые начал думать и действовать самостоятельно, с учетом национальных интересов Кыргызстана, особенно его коренного населения. Отсюда и его инициатива о преподавании киргизского языка в русских школах, его постоянные публичные разговоры о подготовке кадров из коренного населения и т. д. Он был в этих вопросах явно ангажирован, даже чепречур. И это заметили в Москве, которая к тому времени уже думала несколько по-другому, ставила перед собой несколько иные приоритеты. Грузин Сталин пусть и был на

словах большим русским патриотом, но самой своей личностью олицетворял практическую возможность равенства нерусских наций с русскими. Хотя вся страна дружно молчала о тридцатилетней диктатуре генералиссимуса, но в недрах этого испуганного, ущемленного, глубоко подавленного сознания жил тихий протест. Протест прежде всего русских. И этот негласный протест своими действиями выражал эмоциональный Никита Хрущев. Вдруг выяснилось, что в «братской семье советских народов» никто не смог отменить национальные интересы и обиды, которые во всей красе проявились позже, в годы горбачевской перестройки и гласности.

Разумеется, чтобы отстранить «засидевшегося» Иsha-ка Раззакова, составили большую бумагу с перечислением самых разных экономических показателей, которые говорили об упущениях, невыполненных планах и нормах, отставаниях, определенных идеологических прегрешениях. Например, в той бумаге было такое выражение: «потерял остроту политического чувства». Но в ней не было самого главного: взяточничества, кумовства, лености или разгильдаяйства киргизского руководителя. По сути, Кремль хотел освежить кровь, вдохнуть в жизнь республики новый импульс, новое дыхание. Наверное, это действительно нужно было сделать. И сделали.

Вот отрывки из того политического документа от 6 мая 1961 года, послужившего основанием для отстранения от должности Раззакова. Документ называется «О записке ЦК КПСС «О положении дел в Киргизской ССР». Он достаточно просторный, и приводить его целиком нет смысла. В нем, например, отмечается, что ЦК КПСС глубоко вскрыл имеющиеся серьезные недостатки в работе ЦК и Совета министров республики, лично товарищей Раззакова и Дикамбаева по руководству народным хозяйством и культурой, указал на наличие крупных ошибок в организационно-партийной и идеологической работе, особенно в подборе, расстановке и воспитании кадров. Эти ошибки и недостатки якобы привели к тому, что многие отрасли народного хозяйства республики, особенно сельское хозяйство на протяжении ряда последних лет развивались крайне медленно. Производство и заготовки сельскохозяйственных продуктов в колхозах и совхозах значительно отставали от темпов роста, предусмотренных семилетним планом.

В постановлении также говорилось, что план развития поголовья овец и коз за два года семилетки выполнен только

на 83,7%. За два последних года потери от падежа составили 1 млн 200 тыс. голов овец и коз, потому что ЦК и Совет министров республики не проявляли необходимой заботы и настойчивости в создании прочной кормовой базы. «Бюро ЦК допустило политическую беспечность и близорукость, проглядев серьезную засоренность кадров органов милиции, суда, прокуратуры, торговли и некоторых учреждений государственного аппарата людьми нечестными, взяточниками и проходимцами. Бюро ЦК КП Киргизии считает, что в записке ЦК КПСС правильно указывается на то, что в республике имели место факты проявления местничества и нарушения государственной дисциплины со стороны ЦК и Совета министров и лично т.т. Раззакова и Дикамбаева, а также серьезные ошибки в проведении национальной политики» и т. д.

Таких обвинений в постановлении много. Например, бюро ЦК отмечало серьезные недостатки в развитии промышленности и строительства. Оказалось, что значительно ниже, чем предусмотрено контрольными цифрами семилетки, развивается нефтяная промышленность и производство стройматериалов. Большое число предприятий ежегодно не выполняет государственные планы выпуска продукции. Многие предприятия, выполняя план «по валу», не выполняют заданий по номенклатуре и ассортименту. План капитальных вложений из года в год не выполняется, в результате чего производственные мощности своевременно в действие не вводятся. За два последних года недодано против государственного плана 113,4 тысячи квадратных метров жилой площади. План строительства школ в прошлом году выполнен только на 64%, больниц, поликлиник — на 31%, детсадов и яслей — на 59%.

В записке ЦК КПСС отмечалось, что ЦК и Совет министров республики не проявляют необходимой заботы о сохранности социалистической собственности, в результате чего на промышленных предприятиях и стройках, в торгующих организациях Киргизской ССР за последнее время широкие размеры приобрели растраты и хищения государственных средств и материальных ценностей. Вот такой получился документ.

И бюро ЦК КП Киргизии решило:

1. За допущенные крупные ошибки и недостатки в руководстве партийной организацией республики освободить т. Раззакова И. Р. от обязанностей первого секретаря и члена бюро ЦК КП Киргизии.

2. За неудовлетворительное руководство Советом Министров республики, допущенные серьезные недостатки в руководстве народным хозяйством, проявление местничества и нарушение государственной дисциплины снять т. Дикамбаева К. Д. с поста председателя Совета Министров Киргизской ССР.

Вывести т. Дикамбаева К. Д. из состава членов бюро ЦК КП».

Однако в этом партийном документе был такой очень важный пункт:

«Поручить т. Усубалиеву Т. выступить на пленуме ЦК КП Киргизии с докладом о настоящем постановлении бюро ЦК».

Вот такое постановление и было принято. Исхака Раззакова сняли с поста первого руководителя республики.

Что можно сказать в этой связи? Да, сняли с работы человека. Так обычно и бывает в политике — когда хотят избавиться от кого-то, придумывают что-то, находят какие-то упущения, ошибки. Вопрос в таких случаях заключается в другом: нанесла ли такая кадровая замена какой-то ущерб стране, была ли она ошибочной или неразумной.

Это ключевой вопрос, и ответ на него в данном конкретном случае, конечно же, отрицательный. Ущерба не было. Не было и какой-то непоправимой ошибки. Как показали последующие годы, Турдақун Усубалиев оказался на высоте положения и никак не подвел страну. Да, он оказался более везучим и политически живучим, проработав на высшей политической должности Кыргызстана без малого четверть века и оставив за собой целую эпоху. И в экономике, и в науке и культуре, и в промышленности.

Таким образом, этот ставший знаменитым майский пленум 1961 года прошёл без каких-либо эксцессов. Не было каких-либо вышедших за принятые рамки выступлений или демаршей. В Советском Союзе это раз и навсегда закончилось еще на ранних этапах правления Сталина. Если кто-то и был против, публично это никогда не выражалось. Так прошел и этот пленум. Сам Раззаков выступил вполне в мирном тоне, сдерживая обиду, достойно и без видимых эмоций. Человек, за свою жизнь видавший многие виды, и на этот раз сумел без эксцессов принять удары судьбы.

Он в своей заключительной речи скажет: «Я эту критику воспринимаю как большую товарищескую, партийную помощь. Не хочу делать никаких реверансов, это характеризовало бы меня случайно попавшим на пост первого

секретаря. Я это понимаю. Натворил — держи ответ, как положено коммунистам, не увиливай и не уходи от ответственности. Я хотел просить пленум поддержать, но бюро уже вынесло решение, что меня нужно освободить от поста первого секретаря. Мне надо было, видимо, на этот путь встать гораздо раньше, от этого выиграли бы общие интересы. Повторяю, бюро приняло постановление не по моей просьбе, а само сочло необходимым, обсудив записку бригады ЦК КПСС, что Раззакова дальше нельзя держать на посту первого секретаря. Со всеми политическими и организационными выводами решения бюро ЦК совершенно согласен и хотел просить, чтобы это было с таким же единодушием поддержано членами пленума»*.

После выступления И. Раззакова был объявлен полуторачасовой перерыв на обед.

Во время перерыва представитель Москвы В. Титов пригласил Усубалиева к себе. В кабинете он был вместе со своим первым заместителем П. Пигалевым. Секретарь ЦК КПСС сказал, что беседовал и обменивался мнениями со всеми членами и кандидатами в члены бюро по вопросу, кого рекомендовать избрать Первым секретарем ЦК. Все, дескать, единодушно назвали кандидатуру Турдақуна Усубалиева, а председателем Совета министров — Болата Мамбетова.

Так состоялась эта судьбоносная беседа. И в тот момент едва ли кто-то догадывался, что они избирают человека, который пересидит и переживет почти всех их и оставит высший пост республики только в 1985 году. Нет, не догадывались.

Как уже отмечалось, когда Исхака Раззакова сняли с должности, особого ропота и тем более открытого недовольства со стороны населения или местной элиты не наблюдалось. Все думали, что раз так надо, то пусть — верхам виднее. Популярность предшественника Усубалиева выросла позднее, когда уже последний засиделся, когда, как обычно это бывает, прошлое ожило в умах людей в своих самых приятных проявлениях. Так произошло и с Раззаковым в годы перестройки и особенно в ранние годы независимости, когда свобода слова, вернее, ее настоящий разгул захлестнули все вокруг. В эти годы противниками Турдақуна Усубалиева был создан некий ореол страдальца, если не мученика, вокруг личности Раззакова. Его представляли как несправедливо обиженного, выброшенного за борт

* Стенографический отчет пленума ЦК КП Киргизии. С. 190.

патриота Кыргызстана. Кстати, примерно то же самое произошло с Султаном Ибраимовым, председателем Совета министров Киргизской ССР времен Усубалиева, а чуть позднее — с Насирдином Исановым, занимавшим эту же должность уже в эпоху Аскара Акаева. Дело в том, что оба погибли в зените своей политической карьеры и, как обычно бывает, сработал глубоко затаенный в человеческих душах инстинкт — ведь ранняя смерть или трагическая гибель человека, тем более человека известного, всегда задевает тонкие струны наших душ. Всем кажется, что у человека все было впереди, что главную песню ему только предстояло спеть, но полет прервался. Кроме того, намеренно создавалось впечатление, что увольнение Раззакова — исключительно результат хитрых и нечестных инсинуаций его преемника. Это очень задевало Усубалиева, который будто бы совершил политический подкозырь под столь выдающегося человека и нахально занял его место.

Сейчас, по прошествии многих десятков лет, когда живых свидетелей событий не осталось, восстановить реальную картину или детали этого дела почти невозможно. Но можно сказать без колебаний: если и была подковерная работа по отстранению Раззакова, то его преемник оказался достойной заменой. С другой стороны, все это политика, а политики без борьбы не бывает. Мало кто отдаст власть добровольно или принесет ее другому на тарелочке с золотой каемочкой. Ее берут предвыборной борьбой, интригами, а то и силой. Поэтому мы можем в чем-то подозревать Усубалиева, за что-то упрекать, хотя никаких фактов или аргументов у нас нет, но вынуждены признать: он действовал как настоящий политик, как честолюбивый деятель, который знал, чего хочет, и добился своего. Подчеркну при этом еще раз: никакими конкретными фактами и доказательствами его вероломства или способности устраивать дворцовые перевороты мы не располагаем. Просто победил тот, кто был сильнее, умелее, проворнее. Как сказал бы известный советский журналист, у каждого шаха есть, как выясняется, свой аятолла...

Интересно, что говорит по этому поводу сам Турдакун Усубалиев. Вот выдержка из одной его статьи: «Да, сделать это выпало мне (он имеет в виду доклад по итогам изучения деятельности И. Раззакова. — О. И.). Почему именно мне? На этот вопрос можно ответить вопросом же: а почему бы это сделать не мне, бывшему в то время работнику ЦК КПСС и первому секретарю горкома партии республикан-

ской столицы, а также в достаточной мере (разумеется, в пределах моей тогдашней компетенции) изучившему социально-экономическое состояние республики, знавшему не понаслышке многих ее работников и глубоко осознавшему свою причастность к ее судьбе?»

Я не знаю, как читатель воспримет этот пассаж, но я в этих словах четко услышал интонацию настоящего политика, сильного деятеля, цель которого — покорить все новые и новые вершины в карьерной лестнице. Я сам был в политике долгие годы и знаю, что говорю. Прочти я другие слова, какие-то отсылки на «судьбу», на «цепь случайностей», что-то вроде «не хотел, но, увы...», я был бы весьма разочарован в Усубалиеве.

Но продолжу цитирование Первого секретаря: «Сейчас я понимаю, что именно этот момент, когда я докладывал о выводах бюро ЦК, внесших решительные перемены в судьбе республики, стал теперь, по истечении десятилетий, для моих недоброжелателей отправной точкой для критики меня: мол, он выступил с докладом на пленуме ЦК и тем самым расчистил себе путь, чтобы стать во главе ЦК Компартии... Что ж. Вероятно, теми, кто тогда занимался кадровыми вопросами в стране, это мое качество — быть готовым к обучению, быть готовым к восприятию нового, передового, работать с полной отдачей своих сил, было замечено. И еще: я всегда сильно, нежно, но не громко и без высоких слов любил свою родину. Годы работы в Москве дали мне очень многое в чисто профессиональном и просто человеческом плане, но они также оставили во мне сильное ощущение щемящей тоски по родине. И я, когда предоставилась возможность, готов был служить ей без никаких колебаний и до конца дней своих»*.

Разбирая взаимоотношения двух выдающихся государственных деятелей Кыргызстана, хотелось бы остановиться еще на одном очень чувствительном моменте, который сильнее всего задел Турдакуна Усубалиева. Это вопрос о киргизском языке и об отношении к историческому прошлому в постраззаковское время. Оппоненты Усубалиева очень любят ставить ему в вину излишнюю популяризацию русского языка, что является правдой, и упрекают в том, что Исхака Раззакова будто бы сняли именно за его решение обучать детей киргизскому языку в русских школах. Так ли это?

* Усубалиев Т. О нашем времени и о делах моей жизни. Бишкек, 2003. С. 195—196.

Да, это политически обустроено решение было принято еще при Раззакове 18 августа 1958 года за его подписью, но уже через год оно было по каким-то причинам отменено.

Вот документы:

«Постановление ЦК КП Киргизии и Совета Министров Киргизской ССР от 18. 08. 1958 г. «О введении преподавания киргизского языка в русских школах республики».

Учитывая большое практическое значение изучения киргизского языка учащимися русских школ и идя навстречу многочисленным пожеланиям учителей и родительской общественности, ЦК КП Киргизии и Совет Министров Киргизской ССР постановляют:

1. Ввести в 1958—59 учебном году изучение киргизского языка в 3—10 классах русских школ республики, выделив для этого по 2 часа в неделю на каждый класс за счет соответствующего увеличения учебного плана школы.

2. Обязать Министерство просвещения (тov. Тургунова):
а) до 1 сентября 1958 года создать программу по киргизскому языку для 3—10 классов русских школ и обеспечить ее все школы республики;

б) в течение сентября—октября 1958 г. провести месячные курсы по переподготовке преподавателей киргизского языка в русских школах, обратив особое внимание на овладение киргизской разговорной речью и методикой ее преподавания в школе;

в) в декадный срок разработать и довести до школ методические указания по преподаванию киргизского языка в русских школах.

3. Обязать Министерство культуры Киргизской ССР (тov. Бочкарева) совместно с Министерством просвещения (тov. Тургуновым) подготовить и издать к 1 декабря 1958 г. учебники по киргизскому языку для 3—4, 5—7, 8—10 классов русских школ.

4. Считать утратившими силу постановление ЦК КП Киргизии от 17 сентября 1954 года № 25/8 «О преподавании киргизского языка в русских школах республики» и постановления ЦК КП Киргизии от 28 марта 1957 года и от 18 апреля 1957 года «Об обязательном изучении киргизского языка киргизами, обучающимися в русских школах».

Секретарь ЦК КП Киргизии И. Раззаков
Зам. Председателя Совета Министров
Киргизской ССР В. Степкин
18 августа 1958 г.»

Выясняется, что это постановление было отменено примерно через год, но не при Усубалиеве, а еще при Раззакове.

Вот тот злополучный документ, который дорого обошелся предшественнику Усубалиева:

«Об отмене постановления ЦК КП Киргизии и Совета министров Киргизской ССР от 18.08.1958 г. «О введении преподавания киргизского языка в русских школах республики»:

1. Отменить постановление ЦК КП Киргизии и Совета Министров Киргизской ССР от 18 августа 1958 г. «О введении преподавания киргизского языка в русских школах республики».

2. Обязать Министерство просвещения Киргизской ССР при изучении языков в школе строго руководствоваться принятым Законом Верховного Совета Киргизской ССР от 28 мая 1959 г. «Об укреплении связи школы с жизнью и о дальнейшем развитии системы народного образования в Киргизской ССР».

3. Обязать Министерство просвещения Киргизской ССР трудоустроить высвободившихся преподавателей киргизского языка.

Секретарь ЦК КП Киргизии В. Степкин
Председатель Совета Министров Киргизской ССР
К. Дикамбаев

Таким образом, обвинение Турдакуна Усубалиева в чуть ли не враждебном отношении к киргизскому языку оказалось неправдой. Но совершенно бесспорно и то, что при нем отношение к русскому языку было более чем благоприятным. В последние годы своей карьеры Первый секретарь ЦК КП явно потерял чувство меры, открыв целый институт с прекрасным новым зданием — ПИРЯЛ, то есть Педагогический институт русского языка и литературы. Это так.

То, что Турдакун Усубалиев был наряду с великим нашим двуязычным писателем Чингизом Айтматовым самым активным и могущественным пропагандистом русского языка, спору не подлежит. Но вопрос заключается в следующем: можем ли мы за наш хороший русский язык и не очень хороший киргизский язык обвинять именно Усубалиева? Нет, конечно. Во-первых, Усубалиев не был столь близоруким и не мог выступать против киргизского языка. Во-вторых, все-таки мы должны учесть реальные исторические обстоятельства и ведущие тренды того или иного

времени, обсуждая такие проблемы, как языки или языковое строительство. Возьмем того же Айтматова. Одно то, что он благодаря своему таланту и прекрасному русскому языку сделал фантастическую писательскую карьеру, было такой рекламой, перед которой никто не мог устоять. Это было такое время. Оно дошло до своего пика, высшей точки именно в усубалиевско-айтматовское время. И у нас нет никакого основания сетовать на это. Это было то же, что произошло с русскими в начале XIX века, когда они, говоря словами Льва Толстого, «не только говорили на изящном французском, но и думали по-французски». Но, как считают знатоки русской истории и литературы, выгод от этого все-таки было больше, чем потерь.

Думаю, такое утверждение будет справедливо и в случае с киргизами, говорившими по-русски и думавшими по-русски. Сейчас эта эпоха приходит к своему историческому концу, и никто не берется сказать, хорошо это или плохо. Все покажет время.

Теперь вкратце о том, как сложились отношения Усубалиева с Раззаковым после освобождения последнего от должности Первого секретаря ЦК. Нет оснований сказать, что они были теплыми, но было бы несправедливо говорить об их вражде. Во-первых, Исхака Раззакова по его просьбе перевели в Москву. После снятия с должности он не захотел оставаться жить и работать в Кыргызстане и попросил предоставить ему возможность переехать в Москву, где ему была выделена четырехкомнатная квартира в центре. ЦК КПСС направил его заведующим подотделом Госплана СССР. В общем, нельзя было сказать, что бывшего руководителя Киргизии совсем выбросили за борт. Так или примерно так обстояло дело со всеми уволенными с поста руководителями при Хрущеве и Брежневе.

Как показывают документы, Усубалиев все-таки принимал определенное участие в судьбе своего предшественника. Вот что он пишет: «Будучи первым секретарем ЦК КП Киргизии, я по-человечески помогал И. Р. Раззакову в решении его бытовых нужд и запросов. У него здоровье, как говорили врачи, было слабое. Он часто болел здесь, во Фрунзе, и в Москве. Однажды, когда я находился в Москве, участвуя в работе очередного Пленума ЦК КПСС, утром, примерно в 9 часов, в номере гостиницы "Москва", где я остановился, раздался телефонный звонок. Поднимая трубку и слышу голос И. Р. Раззакова. Мы поздоровались. Он настоятельно попросил встречи со мною, сказал, что

звонит из вестибюля гостиницы. Я попросил его подняться в номер. Мы встретились. Сразу видно было, что это — не тот человек, которого я знал всего лишь 5 лет тому назад. Он сильно изменился, постарел. Он взволнованно рассказал, что долго болел, около года, все время находился в больнице. Врачи признали его нетрудоспособным, инвалидом труда первой группы. С работы в Госплане СССР уволен в соответствии с трудовым законодательством, получает 120 рублей пенсии. На 57-м году жизни, — говорил он, — стал инвалидом по труду. Руководство Госплана СССР отказалось ходатайствовать перед соответствующим союзным органом об установлении ему персональной пенсии, так как он проработал там недолго, около 5 лет. И он обратился ко мне с просьбой ходатайствовать об установлении ему персональной пенсии. Я ему ответил: ваш вопрос, как вы сами понимаете, непростой, но я постараюсь поговорить с секретарями ЦК КПСС, на прием к которым записался. Сейчас еду в ЦК. На этом мы попрощались.

Приехав в ЦК, я сразу зашел в приемную секретаря ЦК КПСС И. В. Капитонова. Здесь ожидали приема несколько секретарей обкомов и ЦК союзных республик. Дошла очередь и до меня. С Иваном Васильевичем я посоветовался по ряду важных для нас вопросов. В конце беседы рассказал ему о разговоре с Раззаковым И. Р. и спросил, нельзя ли помочь ему в улучшении его материального положения. Иван Васильевич ответил, что он хорошо знает его работу на посту первого секретаря ЦК КП Киргизии, причины освобождения и что этот вопрос не может внести на секретариат ЦК без согласия Генерального секретаря ЦК. И закончил: вы, наверное, будете на приеме у Леонида Ильича, вот и дождите ему свою просьбу.

В тот же день, вечером, меня принял Леонид Ильич Брежnev. Каждый раз после Пленума ЦК и сессии Верховного Совета он, как правило, принимал, в первую очередь, первых секретарей ЦК Компартий республик, многих крупных обкомов партии, получал информацию, что называется из первых уст, о положении дел на местах. Он подробно спрашивал о том, как идет в республике выполнение плановых заданий в промышленности, особенно в сельском хозяйстве, строительном производстве. Потом спросил, какие у меня есть вопросы к нему. У меня была записка, адресованная на его имя.

Я рассказал Леониду Ильичу о Раззакове о том, что был 5 лет Председателем Совета Министров республики

и 11 лет первым секретарем ЦК КП Киргизии. В его работе имелись серьезные недостатки и ошибки, которым была дана принципиальная партийная оценка на пленуме ЦК в 1961 году. Наряду с этим он в период своей работы прилагал немало усилий для развития экономики и культуры республики. Последние пять лет был заведующим подотделом Госплана СССР, сейчас не работает в связи с плохим состоянием здоровья, признан нетрудоспособным, получает 120 рублей пенсии как инвалид труда. Он испытывает большие материальные затруднения, жена не работает. Мы просим вас поручить Комиссии при Совете Министров СССР рассмотреть и решить вопрос об установлении И. Р. Раззакову персональной пенсии. Леонид Ильич сказал, что он его совсем не знает, не встречался с ним, хотя работал в соседней республике — Казахстане. Если бюро ЦК КП Киргизии поддерживает вашу просьбу, то тогда вносите свое предложение в ЦК КПСС. Секретариат ЦК рассмотрит этот вопрос».

В конечном итоге после ходатайства ЦК КП Киргизии Совет министров СССР установил Раззакову персональную пенсию союзного значения в размере 250 рублей, что было самой высокой пенсией в те годы, устанавливаемой для бывших первых секретарей ЦК Компартий и председателей Совета министров союзных республик. Материальное положение Раззакова после установления ему персональной пенсии значительно улучшилось. В соответствии с положениями о пенсионерах союзного значения, он получал продукты питания в лечебной столовой Совета министров СССР на льготных условиях. Он и члены его семьи были прикреплены к спецполиклинике 4-го главного управления Министерства здравоохранения СССР, каждое лето он вместе с женой отдыхал в подмосковном санатории Совета министров СССР «Лесные дали». Об этом тоже пишет Усубалиев.

Известно, что в начале 1970-х годов, спустя 10 лет после снятия с поста, Исхак Раззаков приехал с сыном в республику, посмотрел, что произошло за эти годы. Ему оказали вполне радушный прием, разместили в госрезиденции, в новой правительственный гостинице «Ала-Арча», которая была построена уже без него. По словам Усубалиева, ЦК, Президиум Верховного Совета и Совет министров оказали Раззакову немалую материальную помощь. Ему была предоставлена путевка в санаторий «Чолпон-Ата» на берегье озера Иссык-Куль. За них закрепили автомаши-

ну ГАЗ-24 «Волга». После месячного отпуска он поездил по всей республике в сопровождении управляющего делами Президиума Верховного Совета. Везде, куда он приезжал, ему оказывали большое внимание.

Когда через семь лет после посещения Киргизии Исхак Раззаков скончался, руководство Киргизии во главе с Усубалиевым не могло не реагировать на скорбное событие. Да и герой нашей книги хорошо понимал, что делегация из Киргизии обязательно должна принимать участие в похоронных мероприятиях. Первый секретарь распорядился отправить в Москву группу родственников покойного, его хороших знакомых и кое-кого из правительства. В группе были Казы Дикамбаев — заместитель председателя Госплана Киргизской ССР, работавший вместе с Исхаком Раззаковичем в качестве Председателя Совета министров Республики, член бюро ЦК КП Киргизии, а также земляк Исхака Раззаковича, председатель колхоза «Кулунду» Ляйлякского района Ташбалтаева, секретарь Сулюктинского горкома партии Ниязматова, постоянный представитель Совета министров Киргизской ССР в Москве К. Аташов и др. Все расходы, связанные с организацией похорон бывшего руководителя республики, оплачивались из госбюджета.

К сожалению, официального некролога так и не было опубликовано. Это, безусловно, было ошибкой Усубалиева. Многие сочли этот факт доказательством мстительности Первого секретаря, его нежелания придать кончине своего предшественника официальный характер. Позднее, когда любой рядовой журналист мог раскритиковать Усубалиева или устроить ему чуть ли не допрос в виде интервью, он всячески старался привести определенные доводы и аргументы в оправдание этого. Но звучало это очень неубедительно. Да, от имени ЦК было отправлено письменное соболезнование, но это было чистой формальностью. Первый секретарь мог позвонить кому-нибудь из членов семьи, как-то утешить их, но он это не сделал. Не сделал ни одного шага для того, чтобы похоронить Исхака Раззакова на киргизской земле, а не в Москве. Вообще имя Раззакова при Усубалиеве было окружено полным молчанием. Именно это молчание способствовало тому, чтобы появились самые разные догадки и толки, и не в пользу Усубалиева. Как выяснилось потом, никаких убийственных фактов для создания полосы молчания вокруг Раззакова не было. Такое отношение к прошлому в отношении не только Раззакова,

но всего «неудобного» прошлого было характерно тогда не только для Кыргызстана, но и для всего Советского Союза. Потом, в годы перестройки, эти закрытые или забытые страницы прошлого назвали очень просто, но точно — «белые пятна истории». Конечно, история Раззакова не может быть отнесена к таким пятнам, но в целом такая политика официального Кремля так или иначе отразилась в идеологии усубалиевского Кыргызстана.

На прямой вопрос, почему некролог не был опубликован, Усубалиев все-таки ответил, и ответ был следующим: все вопросы, связанные с Раззаковым, решались только с согласия союзного центра. При этом было особо подчеркнуто, что ЦК КПСС не дал согласия на опубликование некролога о кончине Раззакова. Об этом знали все члены бюро ЦК тех лет, пишет Усубалиев. Действительно, тогда жесткая централизация власти отражалась и в вопросах, связанных с деятельностью первых руководителей республик, краев и областей. Что касается организации похорон Исхака Раззаковича, то это дело было поручено постоянному председателю Совета министров Киргизской ССР в Москве Аташову Курманбеку Казиевичу, отвечал Усубалиев. «Я поручил ему немедленно поговорить с женой, дочерью и сыном Исхака Раззаковича, если они желают, то Исхака Раззаковича похороним во Фрунзе. Об этом же говорил Казы Дикамбаеву, который возглавлял делегацию республики для участия в похоронах. В тот же день вечером мне позвонил Аташов и сказал, что жена и дети Исхака Раззаковича выразили благодарность за большое внимание. Поскольку они живут в Москве и для них желательно похоронить Исхака Раззаковича в Москве. Воля его семьи уважительна. Похороны состоялись в Москве»*.

ОТ ХРУЩЕВА ДО ГОРБАЧЕВА: ВЕХИ СОЗИДАНИЯ

Памятный майский пленум 1961 года ЦК Компартии Киргизии положил начало целой эпохе в истории Кыргызстана. В истории всего СССР эту эпоху принято называть по-разному. Историки культуры дали ей достаточно точное название «хрущевская оттепель», блестяще отмеченная появлением легендарных ныне «шестидесятников», продол-

женная потом брежневскими годами «застоя» и завершившаяся горбачевской политикой перестройки и гласности.

Это были годы стабильного роста советской экономики, весьма амбициозных планов и проектов и очевидных для всего мира успехов: в освоении космоса, в ядерной физике, в строительстве поистине грандиозных объектов промышленности и, конечно, в области культуры. Рост экономики сопровождался заметным ростом национального самосознания народов, что, в свою очередь, привело к тому, что началось соперничество между союзными республиками за ресурсы, за лучший кусок из союзного бюджета, особенно когда дело касалось строительства престижных сооружений вроде аэропортов, театров, музеев, заводов и фабрик. Это было, впрочем, весьма полезное соперничество. Была, к примеру, такая традиция в отчетных докладах союзного уровня, когда перечислялись имена самых известных деятелей культуры республик, которые действительно составляли славу советской многонациональной империи. Например, выдающаяся когорта советских писателей и поэтов 1960—1970-х (А. Вознесенский, Е. Евтушенко, В. Аксенов, Б. Окуджава, Ч. Айтматов, Р. Гамзатов, Б. Ахмадулина, Н. Думбадзе, К. Кулиев, М. Карим, Д. Кугультинов, О. Сулайменов и др.) воочию представляла эту замечательную во всех отношениях литературную эпоху на мировой арене.

Историки киргизской культуры и науки эти пиковые 1960—1970-е годы называют по-своему: «Серебряным веком» республики, имея в виду тот мощный экономический, культурно-образовательный и научный подъем, который пришелся на этот период. Тогда творили такие писатели и поэты, как Ч. Айтматов, С. Эралиев, Т. Касымбеков, О. Султанов, С. Джусуев и другие, такие кинодеятели, как Т. Океев, Б. Шамшиев, Г. Базаров, М. Убукеев, мастера оперы и балета Б. Минжилкиев, Б. Бейшеналиева, К. Сартбаева, А. Мырзабаев, А. Токомбаева, Ч. Базарбаев, артисты драмы М. Рыскулов, Д. Куюкова, Б. Кыдыкеева и т. д. За эти годы поднялись на достаточно высокий уровень наука, образование, культура. А стоял во главе республики в этот замечательный период развития герой нашей книги Турдакун Усубалиев. Этого исторического факта ни отрицать, ни умалять или перечеркнуть невозможно и не нужно. Однако этот период развития Кыргызстана очень важно рассмотреть в контексте всего XX столетия.

Когда в начале книги мы употребляли выражение-эпитет «золотой век», то имели в виду все это незабываемое во

* <https://usubaliev.org/2017/11/13/т-усубалиев-ответ-клеветникам/>

всех отношениях столетие. Этот век — период киргизского национально-культурного возрождения — причем это понятие не обязательно ассоциировать или типологически связывать с эпохой Возрождения или Ренессанса, которое имело место в Европе. Понятие «киргизское национальное возрождение» можно воспринимать как эпитет или как некую аналогию или параллель, но можно считать и самостоятельным научным обозначением с целью более полного и точного определения для того, чтобы описать и оценить эту важнейшую эпоху в истории киргизов.

Эта эпоха, безусловно, началась еще в 1920—1930-е годы, но исторически завершилась к концу XX века, с распадом СССР и возникновением независимой киргизской государственности в 1991 году. В этом большом контексте постсталинский период, особенно 1960—1970-е годы, был периодом, когда СССР де-факто завоевал статус мировой сверхдержавы, обладающей ядерной мощью, уверенно вышедшей в космическое пространство, с населением, абсолютное большинство которого было грамотным и уверенным в своем будущем. Советская культура этих двух десятилетий была на удивление разнообразной, интенсивно развивающейся. В то же время наблюдалось явление, которое мы бы обозначили как процесс растущей культурно-национальной самоидентификации народов, имеющей тенденцию неуклонного роста, хотя все говорили и заявляли с высоких трибун, что культуры народов СССР «едины по содержанию и национальны по форме», что они «идейно монолитны».

В 1960-е годы в Кыргызстане наступило время новых стандартов жизни, образования и культуры. «Грамотность» была заменена понятием «образованность». Идея получения высшего образования настолько сильно захватила страну, что многие вузы страны, открытые после войны, были буквально переполнены молодыми киргизами, страстно желающими получить высшее образование и иметь профессиональную квалификацию. В эти годы именно вузы превратились в настоящие очаги культуры и подготовки новых специалистов; в них, собственно, и ковалось будущее страны, а слово «студент» стало поистине магическим словом, синонимом успеха и сопричастности к некоему высокому престижу, мощно притягивая к себе молодежь, новые поколения кыргызстанцев.

Только в 1950—1970-е годы в республике открылись около сорока высших и среднеспециальных учебных за-

ведений. В 1954 году была создана Академия наук Киргизской ССР, сыгравшая огромную роль в развитии науки, как фундаментальной, так и прикладной. С бурным техническим перевооружением народного хозяйства, со строительством различных производственных сооружений, жилья, объектов энергетики и агропромышленного комплекса сильно вырос престиж инженерно-технического образования, точных и естественных наук. Политика общесоюзной научно-технической, экономической и промышленной интеграции на уровне СССР связала всех воедино, в том числе и Кыргызстан, в единый процесс развития всей советской страны.

Профессиональные театры, открывавшиеся и во Фрунзе, и в других городах, постепенное налаживание подготовки культурных кадров в лучших вузах Советского Союза и в самом Кыргызстане способствовали тому, чтобы появились имена, которыми гордилась вся страна. Киргизский государственный театр оперы и балета, академические театры драмы, причем не только киргизской, но русской и узбекской, а также музыкальные центры, различные художественные коллективы, появление теле- и радиовещания создали самую благоприятную среду для культуры, для появления массового спроса на нее.

Кыргызстан в эти годы постепенно становился двуязычной страной, где все говорили не только на родном киргизском, но и на русском. Конечно, необходимо признать, что престиж русского языка был очень велик не только потому, что на это нацеливалась мощная государственная пропагандистская машина. Овладение русским языком стало делом сугубо практического значения, потому что он был языком межнационального общения в громадной стране по имени Советский Союз, занимавшей одну шестую часть суши. Язык Пушкина и Толстого стал языком, прорубившим окно в большой мир литературы, науки и информации, своеобразным интеллектуальным ресурсным проектом для киргизов, сыгравшим столь значительную роль во всех сферах жизни республики. Разумеется, все прекрасно понимали, что без русского трудно сделать карьеру, добиться успеха, почти невозможно заниматься серьезной наукой. В условиях этой поистине неравной конкуренции киргизский язык оказался в очень трудном положении. И надо отдать должное писателям и журналистам, критикам и литературоведам, деятелям науки и культуры, которые на нем создавали свои произведения, на который

переводили сотни литературных текстов с других языков. В конечном счете киргизский язык пережил стадию бурного и активного роста, расширения своего лексического и изобразительно-выразительного арсенала.

Как уже сказано, начало 1960-х годов ознаменовалось приходом в литературу нового поколения писателей, поэтов, драматургов, безусловным лидером которых стал Чингиз Айтматов, чье выдающееся творчество сыграло поистине эпохальную роль в пропаганде русского языка. Именно об этой замечательной эпохе спустя годы Турдакун Усубалиев напишет в одной из своих статей: «Кыргызстан никогда не был так силен, как в 60—70-е годы». Это правда. И тут не обойтись без хотя бы самых важных и показательных цифр, которые отражают неуклонный рост экономики Кыргызстана тех лет.

Начнем с важнейшей отрасли экономики — энергетики. Если в начале 1960-х годов, с которых начинается период правления Усубалиева, все электростанции Кыргызстана выработали всего лишь 871,6 млн киловатт-часов, то в 1985 году производство электроэнергии составило 10 472,3 млн киловатт-часов. Чтобы производить эффективную, экологически чистую и дешевую электроэнергию, были построены линии электропередачи различных классов напряжений общей протяженностью 53 320 км. Полностью выполнена программа электрификации всей республики. За 25 лет были построены такие гиганты энергетики, как Токтогульская ГЭС, до сих пор являющаяся краеугольным камнем национальной экономики, ТЭЦ в Бишкеке, в Оше, не считая таких мощных гидрооборужений, как Курпайская ГЭС, Уч-Курганская ГЭС, Ат-Башинская ГЭС, Таш-Кумырская ГЭС, Шамалды-Сайская ГЭС и др.

В 1985 году общий объем промышленной продукции составил 6,2 млрд рублей против 443 млн рублей в 1958 году и 600 млн рублей в 1962 году. Промышленность республики объединяла более 130 различных отраслей, выпускающих 3700 промышленных изделий. Республика ежегодно поставляла свои промышленные изделия в более чем 50 стран дальнего зарубежья на десятки миллионов иностранной валюты. Если в 1959 году промышленная продукция республики поставлялась только в девять стран мира, в основном Азиатского континента, то в 80-х годах самые разнообразные промышленные изделия Кыргызстана поставлялись в 19 стран Европы, 18 стран Азии, 16 стран Латинской Америки и Африки, всего в 53 зарубежные

страны. Это и электротехнические и физические приборы, сельскохозяйственные машины и металорежущие, станкостроительные и иные инструменты, электродвигатели и многое другое.

Новых сооружений, жилых домов, объектов культуры и науки, промышленных зданий, заводов и фабрик строились с очень большими темпами и с размахом. Обычно очень аккуратный и прилежный к цифрам Турдакун Усубалиев в своих воспоминаниях приводит такой длинный, занимающий десятки страниц перечень этих сооружений и объектов, что их воспроизводить или копировать для иллюстрации достижений нашего героя заняло бы слишком много места в данной книге.

Без преувеличения это были годы стабильного роста и экономики, и промышленности, и сельского хозяйства, и культуры. Важно было и то обстоятельство, что Усубалиев строил очень доверительные отношения с Кремлем, с новыми генсеками, с руководителями союзного Совета министров, с профильными министерствами и ведомствами, как, например, с Госпланом, с Госстроем, с Министерством финансов. С другой стороны, всегда стабильный, очень аккуратный и исполнительный Усубалиев для Москвы был очень подходящим кадром. Он создал в республике свою достаточно успешную и деятельную команду кадров очень высокого класса. Очень многие вопросы с успехом решал его многолетний талантливый министр финансов Алиаскар Токтоналиев, выдающийся плановик Сопубек Бегалиев, легендарные строители гидрооборужений Казбек Хуриев и Зосим Львович Серый, такие исполнительные и высокопрофессиональные руководители, как Алас Жумагулов, Ян Ефимович Фишер, Андрей Андреевич Иордан, Арстанбек Дуйшев, Акматбек Суюмбаев, Мукаш Омуралиев, Жумгалбек Аманбаев, Апсамат Масалиев и др. Они сильно помогли Турдакуну Усубалиеву в его руководстве страной. Без них добиться успеха и выполнять народно-хозяйственные планы, которых строго требовала Москва, было бы невозможно.

За трудовые достижения и добрые экономические показатели Усубалиев неоднократно награждался орденами и медалями высокого ранга. В разные годы он был награжден четырьмя орденами Ленина, орденом Октябрьской Революции, двумя орденами Трудового Красного Знамени. Он был также удостоен высокой награды Монгольской Национальной Республики — ордена «Сухэ-Батор».

«Киргизский серебряный век», к которому Усубалиев имеет самое прямое отношение — это и век интенсивного роста национального самосознания. По мере того как Кыргызстан развивался, само по себе, как бы по естественной логике вещей, росло самоуважение граждан республики, особенно киргизов. В их числе был наш герой, жизнь и деятельность которого всегда находились в самом эпицентре всех событий и процессов. Наряду с многочисленными позитивными изменениями ему нередко приходилось ощущать и то, о чём другие не ведали. Например, он не мог не чувствовать некое неравенство в отношении к республикам со стороны Кремля, где крупным, промышленно развитым субъектам СССР открыто уделяли больше внимания, чем к республикам маленьким и не очень богатым ресурсами. Это особенно чувствовалось, когда речь шла о дележе большого союзного пирога в виде инвестиций, вложений в капитальное строительство, в обустройство престижных сооружений.

Так получилось у Усубалиева с новым планом исторического центра города Фрунзе, столицы республики. Ходить по инстанциям и выпрашивать деньги, ресурсы, согласие кремлевских чиновников, многие из которых страдали излишним самомнением и «имперскими» замашками, были субъективны, а то вообще смотрели на маленькие республики свысока, — все это было делом не слишком приятным. Но терпеливый и неутомимый Усубалиев продолжал свое хождение по кабинетам — другого выхода не было. В его воспоминаниях есть место, которое нужно непременно процитировать: «Советский период, конечно, не был простым. Развитие государственности происходило по законам диалектики, путем преодоления различных, порой неимоверно труднейших противоречий. Так, например, национальный суверенитет Кыргызстана, как и других союзных республик, был не полным, а урезанным. В этой связи достаточно сказать, что такая высшая функция национального суверенитета, как осуществление внешнеполитических и экономических отношений, являлась только прерогативой союзного центра. Иначе не могло быть в условиях централизованного союзного государства, субъекты которого добровольно передали союзному центру многие важные функции национальной государственности. У создавших единый Союз национальных союзных республик были не только огромные достижения в своем социальном, экономическом и культурном развитии. Вместе с тем их

народы, в том числе и киргизский народ, испытывали горечь немалых поражений*. Конечно, в этих словах ничего не сказано о том, какие противоречия легли тяжким бременем на союзные республики, как их руководители испытывали чувство унижения, когда какой-то московский чиновник смотрел на «окраины» как на обузу, а на их руководителей — на банальных просителей бюджетных ресурсов, денег, должностей, наград, льгот и т. д. Например, известно, как один московский высокопоставленный чиновник, ни-что же сумняющееся спросил у Усубалиева: «Зачем вам филармония?», — когда последний заходил к нему о поддержке строительства большого культурного центра во Фрунзе. Еще более оскорбительным был вопрос: «А зачем киргизам орган?» Усубалиев и это вытерпел ради страны, но добился того, чтобы была построена филармония, а в ней был добротный орган, привезенный из Чехословакии.

Но можно себе представить, какое чувство унижения, одновременно злости и негодования испытывал Усубалиев, когда на московской Старой площади один высокопоставленный партийный чин задал ему убийственный по наглости и хамству вопрос: «Почему здания центра вашего Фрунзе вы отделали белым мрамором?» Проглотив эту наглую бесцеремонность московского чинуши, он вежливо ответил в том смысле, что отделка фасадов административного здания ЦК и правительства, театров, музеев, библиотек, спортивных сооружений диктовалась экономическими расчетами. Он терпеливо объяснил, что для Киргизии характерен резко континентальный климат с частой сменяемостью положительных и отрицательных температур, что облицовка зданий природным камнем значительно повышает их долговременность и т. д. Он также добавил, что частичное благоустройство центра города осуществлялось по аналогии со строительством подобных зданий в столицах братских республик с применением естественных материалов: мрамора, гранита, известняка. Но это вызвало у партийного чиновника еще больше раздражения и недовольства. Тогда он приводит другой аргумент: решение об отделке зданий естественным камнем было принято еще и потому, что республика располагает огромными (миллиарды кубометров) запасами гранита, мрамора, известняка, что в ней построен и работает мощный завод по их обработке, что эти камни всегда поставлялись в другие братские

* Усубалиев Т. О нашем времени и о делах моей жизни. С. 752.

республики тысячами квадратных метров, причем полированными и отшлифованными. И заканчивает: вот мы и решили небольшую часть этих облицовочных камней использовать для собственных нужд Кыргызстана... Но такие аргументы Москва периода Михаила Горбачева не была готова воспринимать.

Нетрудно понять поэтому, почему именно в конце 1970-х и начале 1980-х в союзных республиках зрело понимание избыточности вмешательства Москвы в их дела, а это неизбежно порождало другой вопрос: что есть союзная республика? Каковы пределы вмешательства Центра и, с другой стороны, полномочия и степень самостоятельности субъектов СССР? Насколько опасна мысль о реальном суверенитете и так ли она крамольна, как кажется? У автора этих строк нет прямого доказательства того, что и Усубалиев начал всерьез помышлять о суверенитете и отделении от большого Союза, но нет никакого сомнения в том, что мысль о суверенизации подспудно, но все-таки зрила в умах местных руководителей, интеллектуалов, образованных людей. И Усубалиев не был исключением. Будь он в руководстве Кыргызстана в начале 1990-х, я уверен, он не стал бы отвергать идею о суверенитете. Вместе с тем он никогда не пошел бы на разрыв экономических и культурных связей с Россией и другими республиками, потому что лучше многих знал, что разрыв связей — это экономическая смерть, самоубийство. Но Ельцин со своими соратниками решили пойти именно по пути разрыва, избрали так называемую «шоковую терапию» не только для своего народа, но и для бывших соседей по СССР.

Таким образом, Турдакун Усубалиев времен Брежнева и даже Горбачева все еще верил, что изначальные советские постулаты о равенстве республик, наций и этносов незыблемы, а если они не всегда очевидны, то виноваты в этом только чиновники, бюрократы, но не партия. И был абсолютно искренен, когда писал: «Оглядываясь назад, скажу, что мы несколько сдерживали приоритет киргизской нации. Не хотели, чтобы положение лиц коренной национальности было бы более защищенным, что ли... Мы хотели, чтобы в нашей республике все были бы по-настоящему равны. Возможно, существовали другие мнения. Но лично я свято верил в то, что все люди — братья, что нет ни одной нации, у которой должно быть больше привилегий. Поэтому было отменено обязательное обучение киргизскому языку в русских школах, поэтому были бесконечными

споры с учеными о том, стоит или не стоит делить культурное наследие по национальным признакам. Считаю ли я свою тогдашнюю позицию по этим вопросам ошибочной? В общем-то — нет, не считаю. Нельзя было навязывать язык насилием. Надо было искать иные формы его распространения, и мы их искали».

Таким вот коммунистом и был Турдакун Усубалиев. То есть он был настоящим интернационалистом, глубоко верил в это почти до конца жизни. Именно поэтому постсоветским правым и левым националистам он казался чуть ли не врагом киргизской, титульной нации, киргизского языка и т. д.

Согласимся ли мы с тем, что именно его приверженность высоким идеям братства народов позволила в течение долгих двадцати четырех лет уберечь Кыргызстан от межэтнических стычек и трений, развиваться стабильно и уверенно? Безусловно, да. Но, с другой стороны, его святая вера в братство республик и народов привела к излишней русификации, к различным запретам, в том числе запрету на свободное изучение культурного наследия прошлого, даже когда дело касалось его прародителя Калыгула Бай уулу; других выдающихся заманистов, киргизских просветителей первого советского поколения и т. д. Конечно, такая политика замалчивания была характерна для всего Советского Союза «застойных» и более ранних лет, но многое здесь зависело и от позиции руководства отдельных республик.

Хотя культура Кыргызстана при Усубалиеве развивалась ускоренными темпами, в ней уделялось мало внимания национальным традициям. Взять, например, город Фрунзе 1970-х годов. Он фактически ничем не отличался от обычных российских городов аналогичного масштаба и населения. Мало того, что сама столица называлась Фрунзе, все три района города носили некиргизские имена: Ленинский, Свердловский, Первомайский. Такими же были и главные улицы города: Советская, Московская, Киевская, XXII партсъезда и т. д. Остальные менее престижные, но все же центральные улицы назывались именами Гоголя, Пушкина, Белинского, Толстого, Некрасова, даже Радищева и Рылеева... Единственная киргизская школа во Фрунзе и то носила имя Пушкина, а библиотеки — имена Ленина и Крупской.

Конечно, это был явный перебор. Это уже было не братством народов, а сплошной русификацией. Говоря другими словами, киргизская, местная культура просто-напроп-

сто стала жертвой пресловутой дружбы народов. Конечно, Турдакун Усубалиевич все это никогда не хотел признавать, но когда Чингиз Айтматов предложил новый фрунзенский аэропорт назвать именем народного героя Манаса, он с большим удовольствием согласился. То же самое было и с центральной площадью столицы — ныне площадью Ала-Тоо.

Все это позволяет утверждать, что Турдакун Усубалиев был сыном своего времени, убежденным солдатом своей партии, и трудно его в этом обвинять. Спустя годы нам легко его критиковать, но понять его, воспринять искренность его побуждений, в том числе и связанных с ними ошибок, мы, наверное, можем.

УСУБАЛИЕВ И КИРГИЗСКИЙ «СЕРЕБРЯНЫЙ ВЕК»

Если оглянуться на относительно короткую советскую историю в целом, то становится ясно, что 1960—1970-е годы — лучшие годы развития страны. Именно в эти годы надежды людей на достойную жизнь и более полную личностную самореализацию действительно начали сбываться. Победоносно закончившаяся война, связанный с ней трудовой энтузиазм людей, технический прогресс, способный, как вещала советская идеологическая машина, приблизить и реализовать самые высокие коммунистические идеалы, укрепляли в людях веру в будущее, гордость за великую страну. В 1960-е СССР окончательно стал мощной ядерно-космической державой, промышленный рост и механизированное сельское хозяйство обеспечили людей едой и — в значительной степени — товарами потребления. Поэтому понятно, что в таком благоприятном социально-экономическом контексте Киргизия имела все шансы для интенсивного развития, в том числе для межкультурного обмена и экономического взаимодействия.

Вот далеко не полный список таких контактов на высшем уровне: декада русской советской музыки (1963), Неделя советского киноискусства в Кыргызстане (1963), фестиваль искусств «Весна Ала-Тоо» («Ала-Тоо жазы», 1966, 1967, 1974), декада украинской литературы (1968), Фестиваль искусств народов СССР (1970), декада узбекской культуры и искусства (1970), Дни культуры Латвии (1971), Фестиваль искусства народов СССР в связи с 50-летием страны (1972), Дни культуры Таджикской ССР (1976). В ре-

спублике побывали Л. Соболев, Я. Смеляков, А. Софронов, А. Жаров, С. Баруздин, С. Смирнов, В. Кочетов, О. Гончар, Д. Павлычко, Н. Зарудный и другие писатели, такие видные деятели культуры, как Д. Шостакович, В. Мурадели, С. Юткевич, В. Санаев, И. Моисеев, Т. Хренников, В. Соловьев-Седой. Многие из них, особенно Д. Шостакович и В. Мурадели, по-настоящему полюбили киргизское искусство, оба написали на кыргызскую тему музыку, а хор грузинского композитора «Славься, Кыргызстан!» по сей день самое часто исполняемое произведение. Творческие контакты таких личностей с местными деятелями культуры очень благотворно отразились в развитии культуры всей республики. Имели важное значение гастроли Киргизского государственного театра оперы и балета в Кремлевском дворце съездов (1968), Дни культуры и искусства Киргизской ССР в Москве (1967), декада киргизской литературы и искусства в Узбекистане (1969), в Украине (1971), в РСФСР (1972) и мн. др.

Это двадцатилетие в истории киргизской культуры и искусства принято называть киргизским «Серебряным веком» (по аналогии с русской поэзией начала XX века), по времени уместившимся в два творчески насыщенных десятилетия. Автор этих строк считает, что этот период начинается, если быть очень точным, с публикации рассказа Чингиза Айтматова «Лицом к лицу» в московском журнале «Октябрь» в 1957 году, с начала писательского триумфа киргизского писателя. Потом были напечатаны «Джамиля», «Первый учитель», «Тополек мой в красной косынке», «Материнское поле» и др. Так начался этот великолепный век. Причем слово «век» не следует путать со столетием, то есть с целым веком, не забывая про образную нагрузку слова.

Турдакун Усубалиев как-то раз признался в том, что в киргизском «Серебряном веке» есть и его прямая заслуга, что было правдой. «Мне доставляет несказанное удовлетворение тот факт, что врожденный великий писательский талант Чингиза Торокуловича Айтматова широко раскрыл свои крылья в годы моей работы в республике, именно в этот период он создал свои замечательные произведения, поднялся до уровня всемирно известного писателя, читаемого почти во всех цивилизованных странах мира. Я по-человечески радовался его творческим успехам. Без ложной скромности могу сказать, что я имел непосредственную причастность к его творческой, общественно-политической

и государственной деятельности. Подставлял ему свое плечо, когда возникала необходимость в этом, поддерживал во всем, в чем он нуждался, старался защищать от тех, кто пытался как-то опорочить, бросить тень на его деятельность».

Да, это было поистине роскошное двадцатилетие в смысле развития киргизской культуры. Наступил самый благополучный период в развитии Советского Союза и советского Кыргызстана в его составе. Начались во многом неповторимые 1960-е с их оптимистически-приподнятым, романтическим настроением, когда население облегченно вздохнуло при виде растущей экономики, благополучия, стабильности социально-политического развития. В период покорения космоса, превращения СССР в мировую супердержаву, когда культура и наука, «физики» и «лирики» из периферии выдвинулись в центр внимания общества, произошло относительное выравнивание экономического и культурного роста союзных республик, уровня жизни народов и т. д. Все эти изменения вселили в сознание людей уверенность в будущем, росло самоуважение, укреплялся общесоветский патриотизм.

В этой связи Турдакун Усубалиев, глава республики периода «Серебряного века», говорил в одном из своих выступлений следующее: «Народ, у которого все культурные сокровища в недавнем прошлом концентрировались только в устном народном творчестве, создал за годы Советской власти развитую профессиональную литературу, театральное, музыкальное, изобразительное искусство, кинематограф. В республике, где до революции не было даже своей национальной письменности, издаются тысячи книг на киргизском языке. Ныне только общественных библиотек насчитывается более 6 тысяч с книжным фондом около 40 миллионов экземпляров. Письменная художественная литература киргизского народа формировалась под благотворным влиянием передовой культуры русского и других народов СССР. Русская литература, подобно мощному маяку, ярко освещала путь, по которому пошли киргизские советские писатели. Многие национальные писатели нашли себя, стали замечательными художниками слова, испытывая благотворное воздействие русской классической и советской литературы. Широко известны своими талантливыми произведениями Герой Социалистического Труда народный поэт Киргизской ССР Аалы Токомбаев и народный писатель Киргизской ССР Чингиз Айтматов. В творчестве Айтматова характер, корни национальной культуры

представлены мощно, сочно, ярко показаны история киргизского народа, мир современника-киргиза, поднятого советским строем к высотам социального и духовного развития. Его произведения переведены почти на все языки братских народов страны, а также на языки 80 стран мира*.

Действительно, профессиональное искусство сформировалось в Кыргызстане только при Советской власти. Первая театральная студия, преобразованная через пять лет в музыкальный театр, а впоследствии в государственный театр оперы и балета, была открыта в 1926 году в городе Фрунзе. А в годы «Серебряного века» оперное и балетное искусство стали неотъемлемой частью киргизской культуры. Выросла целая когорта первоклассных оперных певцов, артистов балета, режиссеров-постановщиков. С. Кийизбекова, С. Бекмуратова, А. Мырзабаев, К. Чодронов, Б. Минжилкиев, К. Сартбаева, Д. Жалгасынова, Т. Сейталиев, М. Ахунбаев, У. Сарбагышев, Ч. Базарбаев, А. Токомбаева, Р. Чокоева и другие были так же популярны в народе, как и знаменитые комузисты или акыны-импровизаторы. Мировая оперная и балетная классика не сходила со сцен фрунзенской оперы, и сияющие имена Бизе, Верди, Чайковского, Глинки, Бородина, Прокофьева, Хачатуряна были хорошо известны среди любителей музыки.

Словом, для Киргизии 1960—1970-е годы оказались годами самой активной и успешной интеграции в общесоюзные культурно-экономические процессы. Главным рычагом и решающим фактором такой интеграции выступил, как никогда раньше, русский язык, ставший и языком межнационального общения, и своеобразным окном, через которое открылось огромное многообразие мира литературы, науки, информации. Не будет преувеличением утверждать, что изучение русского языка, полноценное овладение всеми его богатыми ресурсами в эти годы стало чуть ли не самой захватывающей идеей, самой высокой мечтой для киргизской молодежи. Какую роль в этом деле сыграл Турдакун Усубалиев, уже неоднократно отмечалось выше.

Что касается 1970-х годов и начала 1980-х, то это был один из самых интересных периодов развития киргизского общества по нескольким причинам. Прежде всего, это было десятилетие, которое продолжало жить по инерции бурных и обнадеживающих 1960-х с их космической одиссеей, ядерными испытаниями, холодной войной между за-

* <https://usubaliev.org/2017/11/18/усубалиев-т-путь-равный-векам>

падным миром и социалистическим лагерем, между НАТО и странами Варшавского пакта. В своем социально-экономическом развитии СССР в 1970-е годы достиг своего пика, во многом благодаря удачной мировой конъюнктуре цен на нефтепродукты и другое сырье из Союза, что совпало с бурной индустриализацией развитых стран Запада, ростом потребления советских энергоносителей и сырья. Но это был и предкризисный период всего советского общества, который получил название «застоя», хотя на официальном уровне считалось, что советское общество вступило в эпоху так называемого «развитого социализма».

Однако парадокс 1970-х, а потом и 1980-х годов заключался в том, что именно плотно затянутый информационный занавес, наоборот, активизировал интерес к «другим» культурам, шире — к общечеловеческим ценностям, к тому, чтобы найти общие точки соприкосновения между странами и культурами. Советская страна поистине была самой читающей, но начался период, когда люди с удвоенным интересом читали западную литературу, нежели отечественную, что стало характерной приметой этого времени. Это было необходимостью более общего, духовно-интеллектуального порядка. Постепенно появилась целая плéяды несогласных из числа писателей, ученых, деятелей культуры. Известный американский писатель, позднее один из участников знаменитого «Иссык-Кульского форума» 1986 года Джеймс Болдуин так сформулировал эту ситуацию: «Сегодня нет более важной проблемы, чем возможность преодолеть ограничения, связанные с национальными границами, национальными стереотипами, и если можно так выразиться, с ограничениями, принятыми сегодня на языке политики и социальных систем»*.

Турдакун Усубалиев сыграл очень важную роль в этих далеко идущих процессах, всячески поддерживая известных деятелей культуры Кыргызстана «Серебряного века». Да, с некоторыми из них у него были проблемы, говоря точнее, обнаружилось несовпадение позиций по ряду вопросов — это тоже было.

Так получилось с классиком киргизской литературы Тугельбаем Сыдыкбековым, который открыто критиковал не только стиль руководства Усубалиева, но и всю политику Советского Союза, о чем мы расскажем в отдельной главе данной книги. Попутно заметим, что по взглядам

* Цит. по кн.: Иссык-Кульский Форум. Фрунзе, 1987. С. 10.

Сыдыкбеков был настоящий диссидент, хотя он никогда не отрицал роль Советской власти в культурно-экономическом возрождении Кыргызстана. Споря с классиком по вопросу языкового строительства, исторического наследия, теряя капризы лауреата Сталинской премии по литературе 1949 года, Первый секретарь тем не менее не устраивал знаменитому романисту какие-либо гонения, не пытался оказать на него давление. Да, он сильно не старался для того, чтобы присудить Сыдыкбекову высокого звания Героя Социалистического Труда или ордена Ленина за заслуги перед киргизской литературой, когда писателю исполнилось 60 лет; но намеренной мести или какого-либо скрытого преследования не было. Первый секретарь правомерно считал, что он в этой республике ответствен за все, в том числе и за культуру, и те эпизодические вмешательства в дела культуры, в которых его обвиняли после, вытекали из общих принципов управления в автократической стране.

Это было характерной особенностью всей советской державы, и Усубалиев в таком идеологическом контексте никак не был исключением. Да, он мог быть намного более жестким диктатором или киргизским Сталиным, не допускающим борьбы аргументов, вообще дискуссий в принципе, но он, к счастью, им не стал. Повторюсь, он мог быть таким и тем самым нанести поистине непоправимый урон национальной культуре. Но у него хватало ума и терпимости, чтобы не устраивать в отдельно взятом маленьком Кыргызстане некое ханство или оруэлловский «скотный двор». Будучи глубоким поклонником классической музыки, заядлым читателем, приверженцем светской культуры, Усубалиев с удовольствием следил за успехами киргизских музыкантов, артистов, художников, писателей, скульпторов и архитекторов. Попутно заметим, что почти все общесоюзно известные артисты и писатели являлись депутатами либо Верховного Совета СССР, либо республиканского. Мы уже не сможем посчитать, сколько писателей, поэтов, работников культуры получали при нем звания, в том числе и союзного значения, квартиры, машины и т. д. Но все это было.

В то же время у нас нет основания сказать, что Усубалиев во всем Союзе был впереди всех, лучше и умнее всех. Нет, конечно. Но факт состоит в том, что по числу деятелей культуры, получивших звания народных артистов СССР и Героев Социалистического Труда Кыргызстан отставал только от России и Грузии. В этом были свои причины, в

том числе чисто бюрократического характера. Говоря откровенно, в Кремле к большим и промышленно развитым республикам относились по-одному, а к небольшим, как Кыргызстан или Туркменистан, по-другому. И тут приходилось пускать в ход связи, человеческие отношения, дипломатию. Даже в таких непростых, если не сказать неравных, условиях опережение по числу народных артистов многих более населенных и экономически развитых республик говорит само за себя.

Как пишет Усубалиев в своих воспоминаниях, ему пришлось обходить немало кремлевских кабинетов, чтобы выхлопотать звания Героя Социалистического Труда классику киргизской литературы Аалы Токомбаеву, а потом Чингизу Айтматову. Труднее пришлось с последним, потому что в 50-летний юбилей в СССР еще никому не присуждали такое звание (об этом более подробно будет написано в другой главе).

Таких примеров много, и обо всем рассказывать нет особого смысла. Возникает вопрос: осознавал ли Первый секретарь, что он — свидетель, прямой и очень важный участник наивысшего подъема отечественной культуры, именуемого «Серебряным веком»? По-видимому, да. Когда читишь его по-усубалиевски пафосную и очень партийную книгу «Путь, равный векам: Советскому Кыргызстану 60 лет», написанную в типичном стиле хрущевско-брежневской эпохи, поневоле убеждаешься в том, что действительно было сделано очень много. В этой книге очень наглядно, на примере цифр, диаграмм и сравнений показана и его собственная эпоха — эпоха «Серебряного века».

Но к концу этого десятилетия советская экономика начала терять свой прежний динамизм. Тому было много причин. Одна из них, конечно, холодная война, повлекшая за собой экономическую стагнацию, изнурительную гонку вооружений. Хотя и была совершенно очевидной необходимость проведения каких-то серьезных реформ, но политическое руководство страны не решалось на них. Так зародилось растущее сомнение в том, реально ли советская политическая и экономическая система эффективна и конкурентоспособна или она нуждается в решительных коррективах и преобразованиях.

Много вопросов возникало и в других сферах, в частности в культуре. Несмотря на огромные достижения в ряде областей духовной и материальной культуры, чрезмерная заидеологизированность чувствовалась во всем. Многие

хорошо понимали, что идеиний монополизм марксизма, политический диктат и цензура во всех сферах культуры изрядно девальвировали многие достижения в области литературы и в художественном творчестве. В национальных литературах продолжали доминировать традиции безудержного восхваления преимуществ советской политической системы, соединенные с огульным осуждением дооктябрьского прошлого. Тем временем, как отмечено выше, возрос вполне объяснимый интерес к западной культуре, в целом к феномену западной демократии, свободной от идеологической ангажированности. Сейчас видно, что это было модой, неким поветрием, увлечением, но не более того. И все же долгие десятилетия политики террора и репрессий, жесткой формы диктатуры создали все условия для того, чтобы страна сама себя дискредитировала в глазах собственных граждан и мировой общественности.

Н. С. Хрущев, позднее раскритикованый за «волюнтаризм», попытался придать Советскому Союзу некое человеческое лицо. Небольшая порция свободы, которую отпустил Хрущев советскому обществу, дала возможность деятелям литературы и искусства высказываться смелее, чем раньше, касаться тем и идей, ранее запрещенных. Это глубоко всколыхнуло культуру и способствовало появлению целого ряда крупных фигур как в искусстве, так и в литературе. Позднее их начали называть «шестидесятниками», имея в виду десятилетие, в котором они громко заявили о себе и получили широкое общественное признание. Об этом Нодар Думбадзе, выдающийся грузинский писатель, как-то раз писал: «Критика, который находится в гуще литературных событий Грузии и игнорирует своеобразие «шестидесятников», критиком считать просто нельзя! Я же лично убежден, что шестидесятые годы в истории грузинской литературы являются порой чрезвычайно яркой и насыщенной»*. То же самое можно было бы сказать и о киргизской литературе означенных лет.

Если бы не было этой пусть очень относительной свободы и более лояльного отношения к художественному творчеству, не было бы ни Ч. Айтматова, ни С. Эралиева, ни Т. Касымбекова, ни К. Джусубалиева, ни Р. Рыскулова, ни М. Байджиева, ни Дж. Садыкова, ни других крупных фигур киргизской литературы второй половины XX века. Такая же благоприятная ситуация сложилась в других отраслях

* Вопросы литературы, 1978, № 1. С. 160.

культуры — в кинематографе, музыке и театре, скульптуре, живописи, архитектуре, в оперном и балетном искусстве.

Тон всей советской культуре задавала такая же выдающаяся когорта деятелей литературы и искусства в России, в странах Балтии и Закавказья, в Средней Азии. С шумом, вперемежку с политическими скандалами, на волне резкой критики и столь же неприкрытых восторгов заявили о себе Е. Евтушенко, А. Вознесенский, В. Аксенов, Б. Окуджава, Б. Ахмадулина, О. Сулейменов, Ф. Искандер, Э. Неизвестный и другие. Это было время, когда Б. Пастернаку присуждалась Нобелевская премия по литературе, а творчество А. Ахматовой и М. Цветаевой, несмотря на немилость официальных властей, вызывало все больший интерес и, читая их, люди учились по-другому смотреть на вещи, на историю, в том числе и советскую.

Результат не заставил себя ждать: целый ряд молодых киргизских писателей еще в 1960-е годы не считали нужным строго придерживаться мировоззренческих и идеино-эстетических установок классического социалистического реализма горьковско-маяковско-фадеевского образца, а на многие вещи и события смотрели другими глазами. Лидерами этого движения были, вне всякого сомнения, Чингиз Айтматов, в определенной степени поздний Тугельбай Сыдыкбеков, осмелившийся поднять древний пласт киргизской истории в романе «Голубой сюжет» (написан в 1960-е годы, но вышел отдельным изданием только в 1989 году), вслед за ними Суонбай Эралиев, автор программной поэмы «Путешествие к звездам» (1966) — классического произведения киргизского поэтического модернизма. В 1960-е заявили о себе Кубат Джусубалиев, чья нашумевшая повесть «Солнце не окончило автопортрет» (1967) положила начало эзистенциалистским поискам в киргизской прозе. В этом десятилетии возникли фигуры Тологона Касымбекова, создавшего целую школу исторического романа, Рамиса Рыскулова, признанного мэтра нашего поэтического авангардизма, Мара Байджиева, автора пьесы «Дуэль», а позднее драмы «Древняя сказка», внесшего в киргизскую драматургию новаторский дух, иную театральную эстетику.

В творчестве Айтматова, как в фокусе, запечатлелась вся сложная, в то же время великая история страны, ее слезы и радости, иллюзии и разочарования, ее важнейшие вехи и периоды и, наконец, трагический, неожиданный конец. Разумеется, все это было не только лично пережито им и его семьей, но и пропущено через его ум и сердце,

описано в произведениях, ставших всемирно известными и вошедшими в золотой фонд мировой литературы XX века.

Автор этих строк считает, что киргизский «Серебряный век» исторически завершился ко времени, когда начался брежневский «застой» и с ним связанный кризис большого Союза, когда наступил период политики перестройки и гласности. К этому времени и Турдакун Усубалиев оставил свой пост Первого секретаря Коммунистической партии Киргизской ССР. Это произошло 2 ноября 1985 года.

УСУБАЛИЕВ И АЙТМАТОВ: ИЗ ИСТОРИИ ОТНОШЕНИЙ

Однажды Чингиз Айтматов публично назвал Усубалиева «главным строителем города Фрунзе». Это было искренним признанием огромных заслуг Первого секретаря в развитии столицы Киргизстана, хотя, справедливости ради, нужно было бы сказать, что Усубалиев много сделал и для других городов республики. Что же касается многолетнего руководителя республики, то он почти во всех докладах, официальных речах и отчетах на партийных съездах воздавал должное таланту Чингиза Торекуловича. Отдельная тема — присвоение писателю высокого звания Героя Социалистического Труда в связи с его 50-летним юбилеем. Среди советских писателей Героев Труда было немало, но все они удостаивались этого высокого звания в куда более преклонном возрасте.

Но сказать, что взаимоотношения этих двух знаковых личностей Киргизстана всегда были безоблачными и радужными, было бы как минимум преувеличением. Отдельные представители уже ушедшего поколения Усубалиева и Айтматова любили вспоминать, например, как в середине 1960-х годов Айтматов, тогда уже лауреат Ленинской премии, очень популярный в Союзе и за его пределами писатель, депутат Верховного Совета, оказался участником своего рода заговора против Усубалиева. У автора этих строк нет резона называть имена этих «заговорщиков», тем более нет никаких документов или живых свидетелей события, но поделиться некоторыми его штрихами и деталями стоит.

Все дело заключалось в том, что 1960-е годы в общем и целом были неким романтическим, взлетным временем, очень многое тогда казалось достижимым и достаточно простым — нужно было только захотеть. Легендарные «ше-

«шестидесятники» явно торопили время, очень популярным было выражение «Время, вперед!», взятое из В. Маяковского. Об этом неповторимом времени хорошо написал Андрей Вознесенский:

Я не знаю, как остальные,
но я чувствую жесточайшую
не по прошлому ностальгию —
ностальгию по настоящему.
<...>

Что прошло, то прошло. К лучшему.
Но прикусываю, как тайну,
ностальгию по настоящему,
Что настанет. Да не застану.

Эта «ностальгия по настоящему» в разных республиках Союза проявлялась по-разному, если иметь в виду тех же «шестидесятников». Кто-то, как Эрнст Неизвестный или Василий Аксенов, открыто конфликтовал с режимом, который в итоге вытолкнул их из страны, кто-то, как уже упомянутый Вознесенский, хоть и фрондировал иногда, но в целом следовал принятым правилам игры. Очень своеобразно эта «nostальгия по настоящему» проявилась у Чингиза Айтматова, который еще в то время живо интересовался политикой, как бы примеряя на себе мантию одного из руководителей республики. По-другому нельзя объяснить тот факт, что, створившись с рядом влиятельных чиновников высшего и среднего звена, он, в то время корреспондент газеты «Правда» по Киргызстану, попытался добраться до приемной самого Леонида Ильича Брежнева, Генерального секретаря ЦК КПСС. В теории, известнейший писатель, корреспондент главной партийной газеты страны, мог попасть на прием к Генеральному секретарю и высказать ему свое мнение о чем угодно и о ком угодно, в том числе и о руководителе республики. Мог он и сместь с поста или сильно пошатнуть кресло тогдашнего Первого секретаря ЦК КП Киргизии, то есть Турдакуна Усубалиева.

Согласно легенде Чингиз уже был на подъезде к личной аудиенции у Леонида Ильича, но всегда осведомленный и имеющий весьма надежные и прочные связи с Кремлем Усубалиев обо всем узнал и предпринял нужные меры. Говоря другими словами, он воспользовался прерогативой и полномочиями первого руководителя республики, в буквальном смысле слова на несколько минут опередил представителя киргизских «заговорщиков» и первым попал на

прием Генерального секретаря ЦК. Понятное дело, он все объяснил, обо всем доложил и быстро ретировался. Что он сказал тогда Брежневу и потом участникам «заговора», в частности Чингизу Айтматову, — об этом история молчит. Очень возможно, что они оба сделали вид, что ни о каком заговоре речи не было, равно как и о желании каким-то образом сместь Усубалиева.

Словом, ничего особенного в жизни республики не произошло, все текло и продолжалось по-прежнему, за исключением молниеносного увольнения почти всех участников «заговора», кроме одного — то есть Айтматова. А также того, кто выдал далеконидущий замысел своих же товарищей. Этот человек сохранил свою работу и должность, остальные лишились всего.

Повторюсь, так ли было все или это обычная околоволнительская мифология, никто точно не знает. Но все знакомые политической кухни Киргызстана тех лет единодушно подтверждают, что какой-то замысел, похожий на это, все-таки вынашивался, хотя из него ничего не вышло.

Сказался ли этот эпизод на отношении Турдакуна Усубалиева к Айтматову? По-видимому, нет. Прежде всего потому, что Первый секретарь знал и ценил талант Чингиза Торекуловича и радовался за него. К тому же у него не было никаких доводов или улик, чтобы открыто обвинить писателя в участии в политическом заговоре.

Будучи воспитанным в сталинско-брежневских традициях, Турдакун Усубалиевич тем не менее проявил явную толерантность и человеческое понимание, когда у Айтматова случился общеизвестный роман с Бибисарой Бейшеналиевой, великой киргизской балериной. История эта была «секретом Полишинеля», да и по-другому быть не могло, ибо участниками этого вполне драматического действия были чересчур известные люди этой небольшой республики. Будь Усубалиев злонамеренным партократом и человеком пуританских взглядов, он мог сильно попортить нервы писателю, то и дело вызывая на ковер и угрожая различными карами. Но он этого никогда не делал. Возможно, он вспоминал свой давний роман с Гульджаке Ниязалиевой, женщиной замужней, с которой он, тоже состоящий в браке, встречался, а потом и женился на ней. Не исключено и то, что Усубалиев все-таки сделал скидку на творческую натуру великого писателя, поэтому делал вид, что не замечает всем известную любовную историю. Единственное замечание, которое позволил себе Турдакун Усубалиевич,

это то, когда он, стоя у гроба Бибисары рядом с Чингизом, который рыдал на глазах всей публики, попросил его все-таки сдерживать себя. Но тот никак не смог сдержаться.

Усубалиев с пониманием отнесся и к тому, что Айтматов оставил свою первую жену и очень киношно объявил городу и миру о новой молодой жене и двух детях — разрешил показать на телевидении, как он с женой и детьми гуляет в каком-то живописном уголке. Сделано это было весьма разумно, хотя и неожиданно для многих.

Цену такой толерантности можно по достоинству оценить, вспоминая разводы других членов партии, которые после этого фактически прощались с политической карьерой. Бывали случаи и похлеще, когда людей исключали из партии, выгоняли с работы, устраивали публичные разборки. Но Чингизу Айтматову удалось избежать всего этого благодаря мудрости и человеческому пониманию Турдакуна Усубалиева.

В конце своей жизни Чингиз Торекулович, отвечая на вопрос журналиста, говорил, что то было великой историей любви. Критик Валентин Пустовойт спрашивает у писателя:

«— Меня потрясла история вашей любви с Бибисарой Байшеналиевой, описанная вами в книге “Плач охотника над пропастью”. Как вы думаете, почему безоглядно, с полной самоотдачей мы, как правило, влюбляемся только один раз в жизни?

— Видимо, наступает такой момент духовного созревания, созревания чувств. Это вершина духа, вершина самопонимания. Понимания того, что дается жизнью. Да, это великкая история любви в моей жизни. Незабываемая. И это было вершиной... Но что было, то было...»

Далее литератор интересуется:

«— Случалось ли, что любовь вызывала какой-то резкий поворот в вашей судьбе?

— Не могу такого сказать. Ведь учите, что та обстановка (советская. — Прим. авт. статьи) проявлениям любви не способствовала, тот режим такие душевые всплески не приветствовал. Все укладывалось в жесткие рамки, определенные партией. Ведь моя юность и молодость прошли в сталинские и послесталинские времена.

— Была ли у вас несчастная любовь? Боялись ли вы после нее влюбляться?

— Наверное, я это уже пережил.

— Кстати, как вы думаете, почему несчастная любовь так долго помнится?

— Это же трагедия, личная трагедия.

— А почему воспоминания о ней всплывают в памяти со сладкой болью?

— Потому что то, что грезилось, то, что приближалось, то, что уже имело свое место в сердце, вдруг разрушилось. И это оставляет особый след в сознании. Несбывшаяся мечта...»

И писатель завершает свою мысль так: «Любовь — богиня будущего. Без любви не может быть будущего у человека. Любовь — основа жизни. Не будет любви — не будет связанных с нею страстей. И жизнь человека станет опустошенной. И потом, не будет любви — не будет детей, фактора, связующего нас с будущим. Все, что дано природой, звездами, Космосом, — любовь в себя включает. Любовь — это симфония, точнее, мировая симфония».

Между тем, Турдакун Усубалиев умел и настоять на своем, когда надо, упорно защищать честь и достоинство своего народа. В этой связи можно привести множество фактов, но очень показателен скандал с фильмом «Первый учитель» Андрея Кончаловского, снятым в 1966 году по мотивам знаменитой повести Чингиза Айтматова «Тополек мой в красной косынке».

Дело в том, что картина, выхода которой на экраны республики ждали все, вызвала острую критику со стороны и простых зрителей, и авторитетных специалистов. Фильм показался очень тенденциозным и почти оскорбительным и Турдакуну Усубалиеву. Вот что он по этому поводу пишет: «Если судить по картине, то дореволюционная жизнь киргизского народа ничем не отличалась от того, как, например, жили и живут в мире дикие племена. Именно такое представление давал фильм о нашем народе. Это было унижительно и оскорбительно для киргизского народа. Ведь он имеет многовековую историю, самобытную культуру, замечательные народные традиции и обычаи. Ему глубоко присущи высокие человеческие качества. Все это не нашло никакого изображения в фильме. Вот почему я, как Первый секретарь ЦК, в первую очередь восстал против показа зрителям такого фильма. К этому обязывал мой долг перед народом — защищать честь и достоинство. И я не был одинок в своем суждении о фильме. Мое мнение совпало с мнением всей общественности республики». Действительно, Усубалиева искренне поддерживали многие деятели искусства и культуры Кыргызстана, начиная с известного тогда поэта Смары Шимеева до Тугельбая Сыдыкбекова, которые, не

отвергая фильм полностью, остро критиковали некоторые эпизоды, где киргизы начала XX века показаны социально и культурно одичавшими людьми. Критику достаточно остро воспринял сам Чингиз Айтматов. Из-за нелицеприятной оценки работы А. Кончаловского между ним и его давним и очень преданным другом Азизом Салиевым, известным киргизским философом и культурологом, надолго прекратились всякие отношения, хотя именно Салиев, будучи руководителем Союза писателей Киргизии, три года подряд выдвигал Айтматова на Ленинскую премию по литературе. Философу принадлежала одна из первых статей о не известном еще молодом писателе, где он называл Чингиза светлым талантом и даже сравнивал его с Бетховеном.

Нашлись деятели, которые углядели в критической позиции Первого секретаря ЦК КП республики националистический уклон. Ряд деятелей культуры и кино написали на него жалобу в ЦК КПСС, и Усубалиев был приглашен в кабинет «серого кардинала» Кремля М. А. Суслова, который задал ему суровый по тону вопрос: «Опять на вас жалуются правление Союза кинематографистов и Госкомитет по кинематографии. Почему вы запретили показ фильма “Первый учитель”?» На самом деле фильм Усубалиев не запрещал, да у него и не было таких полномочий. Просто в Кыргызстане «Первый учитель» провалился в прокате, хотя, подчеркнем еще раз, были и те, кому картина Андрея Кончаловского понравилась.

С того времени прошло более полувека, но и сейчас в картине нельзя не отметить несколько сгущенные краски, смещенные акценты, то, что в то время не могло восприниматься зрителем легко. Тем не менее фильм российского режиссера остался в истории, а талантливая актерская работа Болота Байшеналиева и Натальи Аринбасаровой является собой целую веху в истории киргизского кино. Известно, что на фильм откликнулся сам Жан-Поль Сартр, написавший рецензию, и его с удовольствием смотрят новые поколения зрителей, черпая из него сведения о том, как их предки жили примерно столетие назад и как началось наше национальное возрождение в минувшем столетии.

Подчеркнуто уважительное, бережное отношение к Айтматову со стороны многолетнего руководителя республики проявлялось неоднократно, и приятно об этом писать и вспоминать. Обо всем невозможно написать, но один эпизод, думается, точно характеризует Турдахуна Усубалиева. В его книге «Эпоха. Созидание. Судьбы» есть раздел, кото-

рый называется «Зимянин и Айтматов». В нем рассказывается история о том, как Первому секретарю пришлось обходить многие кабинеты Кремля и Старой площади, чтобы выхлопотать Айтматову звание Героя Социалистического Труда. Ни у кого не было сомнения в том, что Айтматов — один из самых известных и любимых писателей Советского Союза, что он писатель с мировым именем, лицо и гордость новой советской многонациональной литературы, но совсем непросто было получить согласие всех кремлевских чинов, от которых зависело это дело. Оказалось, что Михаил Васильевич Зимянин, секретарь ЦК КПСС, курировавший сферу культуры, был человеком весьма бюрократического склада мышления, любящим волокиту и по всякому поводу подчеркивающим свою высокую значимость.

«Надо было обсудить этот вопрос сначала с Зимянином, — пишет Усубалиев, — поскольку он — секретарь ЦК, ведающий вопросами идеологической работы. Его нельзя было обходить, потому что это он мог использовать против меня. Он принял меня, как всегда. Опять же иронические вопросы.

— Чем могу вам служить, что привело ко мне?

— Михаил Васильевич, требуется Ваша поддержка. Мы обращаемся к ЦК КПСС с просьбой по достоинству отметить выдающиеся заслуги Айтматова, рассмотреть вопрос о присвоении ему звания Героя Социалистического Труда.

Он резко ответил:

— Я не поддерживаю. К 50-летию ни одному писателю не присваивалось такое высокое звание.

— Михаил Васильевич, мне думается, что дело не в возрасте. Заслуги Айтматова большие, его произведения читаются весь мир и признают его как выдающегося писателя современности.

— Нет, нет. Вы меня не уговаривайте, я имею свое мнение. Айтматова хорошо знаю, читал все его вещи. Я лично это предложение не поддерживаю. Могу сказать, что ваше предложение не найдет поддержки у Михаила Андреевича Суслова. Если попросите наградить Айтматова орденом Ленина, то это, возможно, пройдет.

Попрощавшись, я вышел из кабинета, и поднялся на 5-й этаж. Там, в вестибюле, сел на диван, задумался над разговором с Зимянином. Передо мной встала серьезная проблема. Надо было действовать, пытаться убедить других наших высших руководителей. Я записался на прием к Л. И. Брежневу, М. А. Суслову, А. П. Кириленко, К. У. Чер-

ненко. Я был принят ими, правда, в течение почти двух дней. Они меня внимательно выслушали. Никто возражений не высказывал, в беседе оценивали Айтматова, как большого талантливого писателя. Принял меня и Л. И. Брежnev. Он внимательно прочел мою обстоятельную записку, на которую Зимянин не хотел даже взглянуть. Леонид Ильич задал ряд вопросов об Айтматове как о человеке, о писателе, его общественной деятельности. Выслушав меня, Брежнев записал резолюцию на моей записке: "Вопрос обсудить на секретariate ЦК, затем вынести на Политбюро ЦК КПСС". К нашей радости, через две недели я получил указ Президиума Верховного Совета СССР о присвоении звания Героя Социалистического Труда*.

И все же были определенные моменты, когда Первый секретарь не понимал Айтматова, терзался сомнениями и начинал думать, что его любимый писатель выполняет чьи-то поручения или кому-то подыгрывает. Чтобы понять, в чем заключалась причина размолвки между знаменитым писателем и патриархом киргизской политики, стоит прочитать еще один отрывок из воспоминаний Турдакуна Усубалиева. Он пишет: «Да простят меня Чингиз Торокулович и читатель, если я начну свой рассказ с глубоко оскорбившего и унизовившего меня события.

23–24 января 1986 года заседал очередной XVIII съезд Компартии Киргизии. Я находился на пенсии. На съезд я не был приглашен, хотя за отчетный период проработал первым секретарем ЦК, без двух месяцев, пять лет. В соответствии с Уставом КПСС я имел законное право присутствовать на заседаниях съезда. Но мое право было растоптано. 50 печатных страниц отчетного доклада ЦК, с которым выступил новый первый секретарь Масалиев, целиком и полностью были посвящены линчеванию Усубалиева — бывшего первого секретаря ЦК, разоблачению его антипартийной, антигосударственной деятельности во главе руководства республикой на протяжении почти 25 лет. В докладе не содержалось не только ни одного доброго слова в мой адрес, более того, я был изображен, как враг партии и народа. Обо мне говорили, используя лишь такие слова: «бывший первый секретарь», просто «Усубалиев», без имени и отчества, ни разу я не был назван таким словом, как «товарищ». Словом, отчетный доклад дал команду для развертывания морально-политического террора против

Усубалиева. В этом не трудно убедиться, если полистать стенографический отчет XVIII съезда Компартии Киргизии, изданный в том же 1986 году.

В обсуждении отчетного доклада одним из первых выступил Чингиз Айтматов и сказал следующее: "Прежде всего хочу поддержать в полном объеме и содержании отчетный доклад ЦК. Разговор был исключительно нелицеприятный и компетентный" (Стенографический отчет, стр. 107—118). К слову сказать, в пространной речи Ч. Айтматова также не было не только доброго, но и даже лояльного слова в мой адрес. Этим в полноте воспользовались те, кому я стал неугоден и кто ловко подтвердил свою огульную критику в мой адрес, подкрепив цитатами из упомянутой речи писателя.

Так, 29 января 1986 года первый секретарь ЦК Масалиев, докладывая ЦК КПСС об итогах XVIII съезда Компартии Киргизии, особо выделил вышеприведенные слова Ч. Айтматова. При этом в информации подчеркнуто, что отчетный доклад ЦК в полном объеме поддержан "Лауреатом Ленинской премии и Государственной премии СССР, Героем Социалистического Труда Чингизом Торокуловичем Айтматовым".

Я поступил бы несправедливо, если бы сказал, что все ораторы, выступившие по отчетному докладу ЦК, подвергали критике бывшего первого секретаря ЦК. Из 30 ораторов 23 человека вообще не назвали фамилию Усубалиева. Как стало известно мне впоследствии, все те, кто подвергал меня уничтожающей критике, заранее получили задание от нового руководства ЦК и орготдела ЦК КПСС. Но об этом будет сказано позже, в другом разделе данной публикации.

Возвращаюсь к речи Чингиза Айтматова на съезде. Прошло почти десять лет после съезда, с трибуны которого он произнес свою речь. Все эти годы меня не покидает двойное чувство: с одной стороны, я вижу, что эти слова произнесены Ч. Айтматовым, они написаны черными буквами на белой бумаге. С другой стороны, до сих пор меня не покидает сомнение, неужели это сказал Чингиз Торокулович?

Попытаюсь объяснить читателю свое сомнение. Я с Чингизом Торокуловичем Айтматовым проработал более 25 лет. Это были годы напряженного творческого труда, посвященного делу партии и народа.

Чингиз Айтматов 25 лет был депутатом Верховного Совета Киргизской ССР и Верховного Совета СССР, членом ЦК Компартии Киргизии. Он знал каждый мой шаг, ко-

* Усубалиев Т. Эпоха. Созидание. Судьбы. С. 286—287.

торый я делал в своей общественно-политической и государственной деятельности. Он, как член ЦК, часто присутствовал на заседаниях бюро ЦК, систематически получал его постановления для ознакомления; редкие пленумы ЦК и собрания республиканского актива проходили без участия и выступления Чингиза Торекуловича. Выступал на всех съездах Компартии Киргизии. Был делегатом пяти съездов КПСС, где слушал мои выступления от имени республиканской партийной организации. Айтматов всегда одобрительно отзывался о деятельности ЦК, в том числе моей как первого секретаря.

Вдруг, после 25-летней совместной работы, он сделал резкий поворот на 180 градусов, перечеркнул всю мою деятельность, теперь уже не видел в ней ничего позитивного, все для него было в черном свете. Разве это, уважаемый читатель, для меня не было громом среди ясного неба, раскатом грома?»

Действительно, Турдакуна Усубалиева с Айтматовым связывали многолетние, достаточно теплые и доверительные отношения. Они близко познакомились еще в августе 1958 года в Кронштадте, который был подшефным городом для советского Киргызстана. В те дни делегация Киргызстана направлялась к морякам Кронштадта по приглашению его командования. Среди ее членов был Чингиз Айтматов, а также Бибисара Бейшеналиева, великая киргизская балерина. Как вспоминал писатель, он именно в Кронштадте познакомился со своей будущей музой. Киргизская делегация во главе с Усубалиевым, в то время первым секретарем Фрунзенской городской партийной организации, находилась в Кронштадте около недели. Состоялись многочисленные встречи с моряками, офицерским составом, жителями Кронштадта. Часто выступал и Чигиз Торекулович, выступления которого перед моряками воспринимались очень хорошо, к нему проявляли неподдельный интерес.

С того для нас памятного года товарищеские деловые связи между Усубалиевым и Айтматовым становились все теснее, год от года укреплялись и так в течение более 25 лет. «Я, — пишет Турдакун Усубалиевич, — делал все для того, чтобы Айтматов не ограничивал себя лишь писательской работой. Я хотел, чтобы он, наряду с литературным творчеством, как можно больше и активно участвовал в деятельности республиканских творческих союзов, руководящих партийных и советских органов».

Все так, но автор этих строк много раз наблюдал, что их человеческие отношения все-таки потом восстановились. Они нормально общались, прекрасно понимали и ценили друг друга и знали свое место в истории Киргызстана. Если у Айтматова было определенное критическое отношение к деятельности республиканской партийной организации, то это было проявлением его отношения к политике партии в целом в СССР. В этом плане Чингиз Торекулович, конечно, имел очень много претензий и критики к политике КПСС, хотя к самому Усубалиеву он всегда относился ровно. Чтобы это понять, нужно читать Айтматова, особенно его публистику.

Такими сложились взаимоотношения двух выдающихся киргизов...

Турдакун Усубалиев пережил Чингиза Айтматова на семь лет, будучи старше его на одиннадцать.

ТИБЕЛЬ СУЛТАНА ИБРАИМОВА: ФАКТЫ И НЕБЫЛИЦЫ

Несмотря на внешнее спокойствие и кажущуюся скучность, жизнь Усубалиева в политике была полна драматизма. В условиях полной системной зависимости от Кремля и бесконечного согласования буквально любого проекта или начинания с Москвой ему нередко приходилось нешуточно волноваться, испытывать силу колоссального давления сверху, а то чувство самого настоящего унижения из-за того, что в центре все еще хватало самых матерых бюрократов, неповоротливых чинуш, а то и законченных шовинистов. Это с одной стороны. С другой, ему нужно было рулить республикой, где за все происходящее спрашивали именно с него. Нужно было менять нерадивых работников, кого-то наказывать, иной раз вообще выгонять с работы неисполнительных и некомпетентных людей. В результате неизбежно росло число недовольных, которые потом всячески старались ему отомстить, ворчали и злословили, мешая нормально работать. Отсюда и тянулся тот длинный шлейф обвинений и слухов, связанных с его многолетней государственно-партийной деятельностью.

Его обвиняли в самых различных прегрешениях: в истинно византийской хитрости, обеспечившей ему столь долгое пребывание на высшей должности Киргызстана; в открытом и скрытом давлении на кадры, в гонениях инако-

мислиших, и местье, а устойчивой ненависти к своему предшественнику, даже в тайных политических убийствах потенциальных соперников. Разумеется, он старался доказывать обратное и доказывал, когда появлялись такие обвинения, но это удавалось ему с трудом, потому что за четыре века правления он все-таки нажил немало злобных врагов и недоброжелателей.

Обвиняли и обвиняют Турдакуна Усубалиева и в том, что он одних поднимал, имея на то некий личный резон, а от других разными способами избавлялся. Между тем кадровые замены, увольнения или повышения — это обычная жизнь любого административно-партийного аппарата, и во всем этом вовсе не обязательно видеть личные пристрастия или корысть. Но другой вопрос, когда выгоняют явно заметного, выделяющегося среди толпы чиновника, находя для этого не вполне убедительные поводы и причины.

В годы его правления в Кыргызстане случилось несколько подозрительных, если не сказать загадочных, смертей высокопоставленных должностных лиц. Если говорить о менее значительных фигурах, смерть которых вызывает по сей день определенные толки, то следовало бы упомянуть секретаря ЦК Компартии Киргизии Казакбаева и Мураталиева, а также заместителя председателя Совмина Сакин Бегматову. Но самыми шумными и резонансными стали убийства председателя Совета министров Киргизской ССР Султана Ибраимова, а также секретаря ЦК КП Республики Бейше Мураталиева. Их нельзя было считать чиновниками, которые какими-то неведомыми путями и дорогами поднялись по служебной лестнице, порой очень ускоренно и подозрительно, не имея на то особых талантов или способностей. Они были, безусловно, личностями интересными, с явной политической перспективой, вполне соответствующими тем высоким должностям, которые они занимали. Важно отметить и то, что растили их как раз лично Турдакун Усубалиев.

Самым громким делом эпохи Усубалиева, если говорить о гибели высокопоставленных должностных лиц, было, конечно, убийство Султана Ибраимова. Оно сразу привлекло внимание всего народа, тем более что глава правительства был человеком популярным и многие уже прочили ему большое будущее. За 10 лет работы в качестве руководителя самой крупной области Киргизии — Ошской — он заработал там большой авторитет, обеспечивая хорошие экономические показатели. При нем область стала подниматься,

начали строиться дороги, жилые дома, театры, больницы и промышленные предприятия. Это ему сулило хорошую перспективу в плане карьерного роста, потому что для выходца с севера страны десятилетний опыт работы на богатом хлопкосыющем юге значил очень много. Это был действительно серьезный политический капитал.

После работы на юге Султан Ибраимов был назначен на третью по весу государственную должность — в 1978 году он стал Председателем Президиума Верховного Совета Киргизской ССР. В том же году его перевели уже на второй по значимости пост — утвердили председателем Совета министров Киргизской ССР. Все это произошло как минимум с согласия, если не при прямой поддержке Первого секретаря ЦК. Стоит заглянуть в характеристику, которую написал лично Турдакун Усубалиев и в подлинности которой потом признавался сам Первый секретарь:

«Тов. С. Ибраимов зарекомендовал себя трудолюбивым и энергичным работником, способным и принципиальным руководителем. Дисциплинирован и общителен, активно участвует в общественно-политической жизни республики... С 1961 года тов. С. Ибраимов работает министром водного хозяйства Киргизской ССР. За это время он показал себя вдумчивым и серьезным деятелем. 4 марта 1966 года на организационном пленуме ЦК тов. Ибраимов избран секретарем ЦК Компартии Киргизии. На руководящей партийной работе тов. Ибраимов зарекомендовал себя политически грамотным, принципиальным и трудолюбивым человеком. Он много внимания уделяет вопросам воспитания, подбора и расстановки кадров, принимает активное участие в общественной работе» (8 февраля 1968 г.). Еще более лестную характеристику он написал, когда рекомендовал Султана Ибраимова на должность председателя Совета министров:

Но в гибели этого видного государственного деятеля некоторые увидели чуть ли не руку Усубалиева, который якобы видел в нем своего соперника. Об этом герой нашей книги пишет следующее: «Я не могу просто подобрать подходящих слов, чтобы в полной мере выразить свое безмерное возмущение по поводу клеветнических измышлений о том, что я будто бы видел в покойном Султане Ибраимовиче Ибраимове своего "главного соперника", "претендента" на занимаемый мною высокий пост Первого секретаря ЦК Компартии Киргизии. Более кощунственного домысла, чем этот, нигде никому не сыскать. От этой гнусной клеветы

ничего не останется, если хотя бы бегло вспомнить о моем истинном, глубоко заботливом, в то же время принципиальном отношении к Султану. Я знал его давно, с 1957 года. В то время Султан Ибраимович работал в аппарате ЦК, был инструктором отдела вузов и школ. Позже, возглавляя более 10 лет крупную областную партийную организацию, Ибраимов приобрел большой опыт политической работы в массах, пользовался уважением и авторитетом трудящихся республики. За избрание Султана Ибраимовича Ибраимова Председателем Президиума Верховного Совета Киргизской ССР, а затем о назначении его Председателем Совета Министров Киргизской ССР выступил именно я, Первый секретарь ЦК Компартии Киргизии Т. У. Усубалиев. Все это убедительно свидетельствует о том, что ЦК Компартии Киргизии, лично Первый секретарь всячески помогал Султану Ибраимову в его политической карьере»*.

Как видим, Турдакун Усубалиев считал себя как минимум заботливым товарищем Султана Ибраимова, а то и благодетелем, готовым всегда помочь своему младшему коллеге до работы. Иначе и быть не могло, потому что без согласия и личной поддержки Первого секретаря ЦК в Кыргызстане не только второе должностное лицо республики, но даже районный клерк не смог бы продвинуться в своей карьере.

Султан Ибрагимов поработал на посту председателя Совмина Киргизии всего два года. Ему мало что удалось сделать на этом посту, но авторитет его ничуть не упал, и его поклонники уже потирали руки — мол, осталось совсем немного, чтобы дотянуться до первого кресла республики. В Киргизии тех времен, где наверху давно стояла устойчивая тишина, многим хотелось перемен политического курса. И тут случилось несчастье — некий террорист по фамилии Смагин 3 декабря 1980 года застрелил Султана Ибрагимова прямо в постели.

Преступник пробрался на правительственные дачу на берегу Ичин-Куна, в городе Чолпон-Ата, и, проникнув в здание через окно, застрелил сначала водителя Ибраимова. Смогущий спать в комнате на первом этаже. Затем, поднявшись на второй этаж, убийца вошел в комнату главы правительства и всадил в сияющего из комбинированного бронежилета и бруфана «Белка-3» две пули — по одной в каждую руку. Ибрагимов даже не проенулся и не понял, что про-

изошло. А преступник совершенно спокойно спустился на первый этаж, зашел в комнату, где так же безмятежно спал водитель по фамилии Вольф, застрелил и его — тоже в упор. После этого он присел на диван, стоявший в прихожей, и зачехлил свою «Белку». На шум выстрелов прибежала жена Ибраимова и мельком увидела убийцу, когда тот выскакивал в окно, через которое и проник в дом. После этого он нырнул в густую осеннюю темень Иссык-Кульского побережья...

Как пишет дочь С. Ибраимова, супругу главы правительства от верной смерти спас маленький братишко Айбек: «В тот вечер находившийся с родителями четырехлетний Айбек очень капризничал. А поскольку мама очень сильно любила и жалела отца, то решила дать ему возможность нормально отдохнуть и выспаться в спальной комнате. Она унесла Айбека в другую комнату, а сама зашла в ванную комнату для того, чтобы постирать вещи Айбека. Спустя какое-то время она вышла из ванной и неожиданно увидала, что в гостиной спокойно сидит незнакомый человек европейской внешности. Мама испугалась и стала спрашивать, к кому вы пришли? Если к Султану Ибраимовичу, то, мол, он спит. Человек молча посмотрел на нее, встал и ушел. Мама забежала в спальню и там увидела страшную картину — отец был убит. Мама кинулась вниз, в комнату водителя отца — Юры. Но и он тоже был мертв. Отчаявшись, мама бросилась наверх, схватила Айбека и выбежала из особняка, пытаясь найти людей. Айбек до сих пор помнит ту ночь, когда они бежали с мамой»*.

Убийца исчез бесследно. Здешние места ему были хорошо известны, если учесть, что он жил в городе Чолпон-Ата, в 300 метрах от правительственной дачи. Вернувшись домой, Смагин сел в машину и уехал с помощью своего отца. В результате огромных усилий правоохранительных органов Союза и республики была установлена наконец личность убийцы — Смагин Александр Михайлович. Подтвердилось, что он житель Чолпон-Аты, по национальности русский, неженатый. Проживал по улице Тоголок Молдо, дом 5, родился в 1957 году. Имел незаконченное высшее образование, без определенных занятий. Все люди, которые знали Смагина и которых допрашивали следователи, характеризовали его крайне отрицательно, как человека эгоистичного, жестокого, страдающего манией вели-

* Усубалиев Г. Эпоха: Сочинение: Судьбы. Бишкек, 1995. С. 426.

* http://akipress.org/_htm/ibraimova.htm

чия. Эта черта его характера проявилась еще тогда, когда он служил в армии, был направлен на освидетельствование и демобилизован с диагнозом «психопатия с неустойчивой компенсацией». Этот же диагноз позже был подтвержден судебно-психиатрической экспертизой Центрального научно-исследовательского института общей и судебной психиатрии имени Сербского.

Убийство столь высокопоставленного чиновника отозвалось по всему большому Союзу и породило немало догадок, а для теоретиков-конспирологов вообще нашлась обильная пища для гипотез. В январе 1981 года газета британских коммунистов «Морнинг стар», чуть ли не единственное англоязычное издание, свободно продаваемое в киосках Москвы, назвала гибель Султана Ибраимова убийством по политическим мотивам. Тут же поползли слухи, что это убийство было организовано тогдашним председателем КГБ Юрием Андроповым. По этой версии выходило, что Ибраимов был связан чуть ли не с самыми высшими политическими кругами СССР, что нити преступления тянутся с московской Лубянки, если не с коридоров самого Кремля. Суть этой версии заключалась в том, что шеф КГБ «зачищал» всех, кто знал о заговоре против Брежнева, который готовил якобы сам Андропов. В реальность такой версии мало кто верил, но долгая пауза с задержанием убийцы умножала версии, и «московский след» был одной из них.

За раскрытия преступления взялись союзные правоохранительные органы во главе с заместителем председателя КГБ СССР Филиппом Бобковым. Следствие вели такие квалифицированные сотрудники, как заместитель начальника Управления КГБ СССР И. П. Абрамов, заместитель начальника следственного отдела КГБ СССР Н. Ф. Жуков, начальник Главного управления уголовного розыска МВД СССР А. М. Волков, заместитель Генерального прокурора СССР В. В. Найденов и другие. Расследование шло очень долго. Надо отдать должное: правоохранительные органы сделали все, что могли. Это отмечает и Усубалиев в своих воспоминаниях. Для обнаружения и задержания преступника задействованы были все возможности органов КГБ и МВД республики, а также погранотряд. Не осталось ни одного куста, ни одной щели и затаенных мест на побережье. Не упускалось из виду и то, что преступник мог выбросить свое оружие в воду. В связи с этим следователи организовали тщательный осмотр акватории Иссык-Куля и пресного

озера в районе санатория Совета министров. По указанию генерала Бобкова впервые в Советском Союзе была проведена биологическая экспертиза отпечатков пальцев, дающая возможность идентифицировать человека.

Позже выяснилось, что Смагину удалось выехать во Фрунзе, потом добраться до Москвы к проживавшим там родственникам и знакомым, потом его занесло в Зауралье. В апреле 1981 года его нашли в поезде, шедшем в город Куйбышев из Челябинска: он повесился в тамбуре на собственном шарфе. Было установлено, что убийца покончил с собой, никаких признаков насильственной смерти не было обнаружено. Как установило следствие, при погибшем была обнаружена выпущенная массовым тиражом в Киргизии «Памятка депутата Верховного Совета Киргизии», где были опубликованы персональные данные о парламентариях и членах правительства, включая убитого им Ибраимова. Жители Чолпон-Аты опознали тело земляка, через отца убийцы нашли тот самый карабин «Белка» на стрельбище, где Смагин пристреливал оружие, обнаружили гильзы от патронов и несколько пуль, застрявших в деревьях, что неопровергимо свидетельствовало — Султан Ибраимов застрелен именно из этого карабина.

Таким образом, председатель Совмина республики случайно стал мишенью психически нездорового убийцы. Личных счетов у Смагина к Ибраимову быть не могло, поскольку они не были знакомы и никогда не встречались. В ходе обыска в доме преступника была найдена тетрадь с записью рукой Смагина: «Я буду убивать киргизов, где бы они мне ни попались», что навело следователей на мотив преступления. С процессуальной точки зрения дело было раскрыто. Однако сам факт, что преступник был найден уже мертвым, а потому лично признаться в содеянном не мог, породил в Киргизии недоверие к результатам расследования.

Дочь Ибраимова Гульмира написала книгу «Султан Ибраимов», в которой описывается жизнь государственного деятеля и косвенно, если не прямо, развивается версия о заказном убийстве отца. Но никаких фактов или доказательств не приводится. Гульмира Ибраимова, в частности, пишет: «В ту ночь много странного произошло. Полагалось, чтобы рядом были телохранители. Они выехали в тот вечер охранять отца на Иссык-Куль из Фрунзе, но министр МВД Габидуллин им почему-то сказал, чтобы они не торопились. Поэтому они и заночевали в Токмаке. В самой резиденции

в тот вечер была снята милиция. Одним слово, много чего такого непонятного выяснилось позже. Кроме того, мама не опознала в фотографии Смагина того человека, которого видела в ночь убийства. На что следователь популярно объяснил, что она в тот момент находилась в состоянии аффекта и все перепутала. Но факт остается фактом: она не опознала ружье, она не опознала Смагина... На мой взгляд, отец стал жертвой тех, кто видел в нем своего соперника. После его смерти гонениям подверглась вся семья. Никто не мог противостоять этому. Знаете, и тогда все боялись власти. Нас преследовали довольно долго, практически до прихода Масалиева»*.

Это, конечно, трагическая история. Что же касается возможной роли в ней Турдакуна Усубалиева, то верить следует только фактам. А факты говорят о том, что к данному преступлению он никак не мог иметь какое-либо отношение. Если даже имел, то он бы не смог координировать работу всех следственных и правоохранительных органов СССР, убедить их не вскрыть корни преступления на уровне председателя КГБ СССР Ю. В. Андропова и В. М. Чебрикова. Для этого у него не было возможностей. Несмотря на первую политическую роль в Киргизии, он все равно был полностью зависим от Кремля, находился под зорким контролем секретных служб союзного уровня. Да, он мог снять с работы своих прямых подчиненных, даже устроить на них гонения, но невозможно поверить, что всегда осторожный и предусмотрительный Усубалиев мог решиться на убийство, нанимая для этого психически неуравновешенного киллера. Об этом говорил даже генерал Дж. Асанкулов, которого Усубалиев освободил от должности шефа КГБ Киргизии и который никогда не жаловал Первого секретаря. 7 февраля 1990 года в газете «Комсомолец Киргизии» журналист задал ему тот же вопрос: кто убил С. Ибраимова? На него председатель КГБ дал исчерпывающий ответ: «Следствие велось самыми квалифицированными в стране инстанциями — Прокуратурой и КГБ СССР. По заданию Ю. В. Андропова в то время я тоже выезжал на десять дней в республику. Комментариев давать не буду, скажу лишь, что ведущие следственные органы пришли к однозначному выводу, что в деле все доказано».

Очень возможно, что Султан Ибраимов мог быть соперником Первого секретаря, даже сменить его когда-нибудь,

но ему явно не повезло — его жизнь прервалась внезапно и трагически. Никакой вины Усубалиева в этом, как убеждают факты, не было.

В стране с единоличным руководством все спрашивают с одного человека и винят его во всем, что происходит. Так получилось и с Усубалиевым. К примеру, происходили явно случайные автомобильные аварии с человеческими жертвами, в том числе с жертвами очень известными, и многие люди видели в этом если не личную, то косвенную вину руководителя республики. Например, в 1973 году в апреле по дороге на Иссык-Куль в санаторий в аварии погиб секретарь ЦК КП Киргизии Байшенбай Тоголокович Мураталиев. Как было сказано выше, он был одной из заметных фигур в республиканском руководстве. Окончив Ленинградский финансово-экономический институт, недолго поработал преподавателем в университете (ныне Киргизский национальный университет), но его, прекрасного финансиста, заметили в руководстве и за три года подняли до уровня секретаря ЦК КП Киргизии.

Перед тем как стать секретарем Центрального комитета, он успел занять должность Председателя Президиума Верховного Совета республики. Но случилось ужасное несчастье — автомобиль «Волга ГАЗ-24», на котором он на достаточно большой скорости ехал на Иссык-Куль, перевернулся, и Байшенбай Тоголокович погиб. Следствие потом выяснило, что ночью, под проливным дождем, проезжая на автомашине ГАЗ-24 по селу Красная Речка, водитель по фамилии Петр Шумилов нарушил правила дорожного движения, обгоняя автомашину с пересечением сплошной линии разметки, при этом скорость была свыше 115 км/час вместо положенных 60 км. Увидев шедших по обочине с левой стороны дороги людей, Шумилов начал резко тормозить и поворачивать руль вправо, вследствие чего автомашина развернулась на 180° и упала с откоса. Как сказано в решении судебной коллегии, находящийся в машине Мураталиев получил множественные повреждения внутренних органов и утром 7 апреля 1973 года скончался в больнице. Шумилов получил менее тяжкие повреждения и выжил. После выздоровления его привлекли к судебной ответственности, и он получил 10 лет тюрьмы.

Этот эпизод описывается в почти документальной повести писателя А. Иванова (бывшего помощника Турдакуна Усубалиева) «Верхом на облаках»: «Едет себе водитель едет и тут бац — кто-то перед самым носом машины коров

* http://akipress.org/_htm/ibraimova.htm

из-за деревьев на дорогу выгнал. Петро (то есть Шумилов) было ударил по тормозам, но поздно. Тогда он крутанул руль влево, резко крутанул. Машину перевернуло, бросило в кювет... секретарь ЦК скончался уже в больнице, так и не прийдя в сознание. Водитель, Петро, остался жив, хотя его тоже изрядно покалечило. Только днем кинулись искать: кто же погнал через дорогу коров? Но и самих коров, и их хозяина след простили...» Этот трагический инцидент, хотя и был менее шумным и резонансным, чем гибель Султана Ибраимова, тоже породил разные слухи. Например, о том, что Усубалиев «заказал» Мураталиева и снова избавился от возможного соперника. Я не стану цитировать Турдакуна Усубалиевича, который с возмущением откликнулся на клевету и ответил обстоятельным расследованием всех подробностей этой аварии в своей работе «Клевещите, клевещите — что-нибудь да останется». В этом своем расследовании Усубалиев с присущей ему дотошностью, оперируя исключительно фактами и архивными документами, реконструировал все обстоятельства гибели не только Мураталиева, но и Султана Ибраимова. А факты таковы, что к ним невозможно придаться.

И все же Первого секретаря ЦК сильно возмутила упомянутая повесть А. Иванова «Верхом на облаках», которую он называл не иначе как «пасквилем». Вот цитата из Усубалиева: «Стоит сказать, что я по этому поводу думаю. Возможно, следовало бы ограничиться на этот счет поговоркой, что автор "так врет, что с души прет", но А. Иванов и так все сделал для того, чтобы уйти от уголовной ответственности, так пусть его достанет хотя бы нравственное возмездие. Мне хочется думать, что в душе он раскаивается в содеянном. Раскаивается в том, что в поисках легкого литературного успеха, походя, обидел меня. К тому же и книга его, увы, оказалась не столь читаемой, как этого хотелось автору. Как видно, пасквилянта нисколько не смущает его злонамеренное вранье. Ему хорошо известно, что в свое время правоохранительные органы тщательно расследовали причины автоаварии и гибели секретаря ЦК Мураталиева (в повести — Керимбаева). Результаты следствия были рассмотрены 21 июня 1973 года в г. Фрунзе на открытом заседании судебной коллегии по уголовным делам Верховного Совета Киргизской ССР в составе председательствующего Искубулова С. И., народных заседателей Криволет М. Ш., Байгазинова С. с участием прокурора Мамбеталиева С. М. и адвоката Батишевского И. М. Суд

М. Жукбулов

Мавзолей прапрадеда Усубалиева – Калыгула-прорицателя

В кругу семьи. Внизу: отец Усубалы, сын Эсенкул, мать Рапия.
Вверху: Т. Усубалиев, сын Сыргак, супруга Гульджаке

Турдакун с матерью
Рапией

Молодожены Турдакун
и Гульджаке в Москве

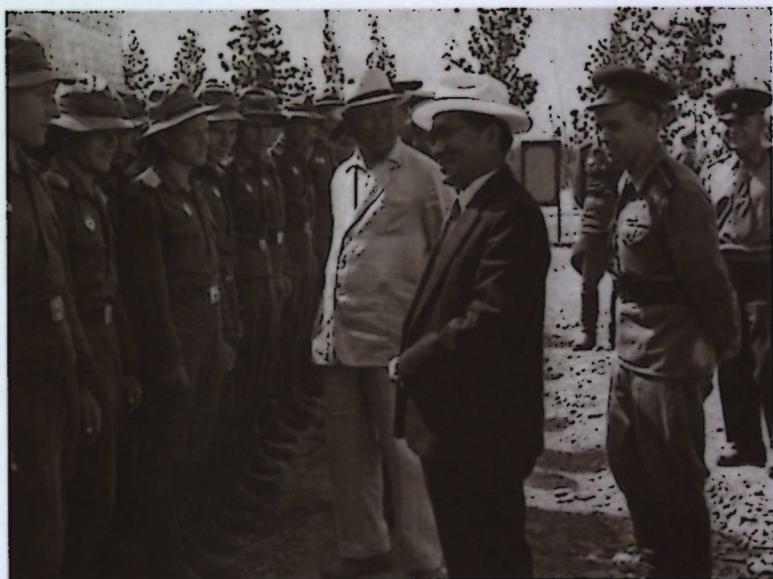

Усубалиев (второй слева в нижнем ряду) среди слушателей Высших партийных курсов. Москва. 1944 г.

Первый секретарь ЦК КП Киргизии Т. Усубалиев с пограничниками

Визит Л. И. Брежнева в Киргизскую ССР. Слева направо:
Т. Усубалиев, Л. И. Брежnev, Т. Кулатов, А. Суюмбаев. В заднем ряду:
С. Бегматова, С. Ибраимов

Председатель Президиума Верховного Совета СССР Н. В. Подгорный
вручает Т. Усубалиеву орден Октябрьской Революции

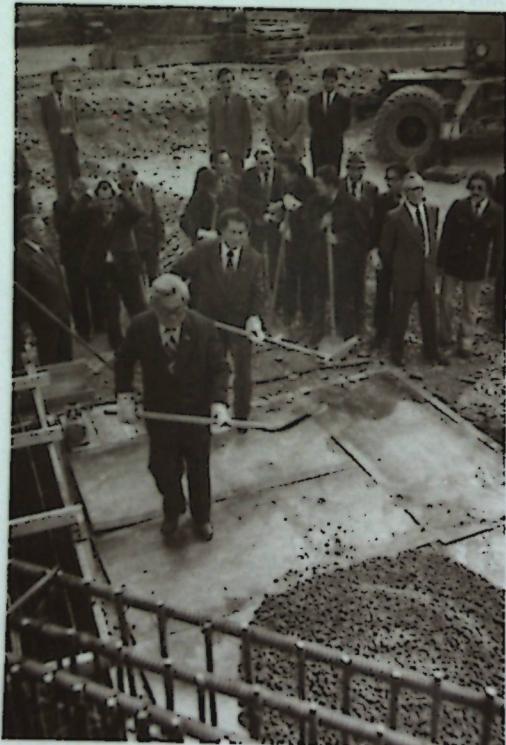
В новом музее В. И. Ленина. Осмотр экспонатов

Т. Усубалиев и Генеральный секретарь ЦК КПСС К. У. Черненко
возлагают цветы к памятнику В. И. Ленина

Текстильная промышленность на подъёме.
На Сулюктинской швейной фабрике в Ошской области

На закладке фундамента нового здания ЦК Компартии Киргизии (ныне Дом правительства)

Т. Усубалиев вручает Чингизу Айтматову Золотую Звезду Героя Социалистического Труда

Народный писатель Кыргызстана Тугельбай Сыдыкбеков

Торобай Кулатов,
председатель Совета
министров Киргизии
(1960–1978)

Т. Усубалиев и председатель Совета министров СССР А. Н. Косыгин на праздновании 50-летия образования Киргизской ССР

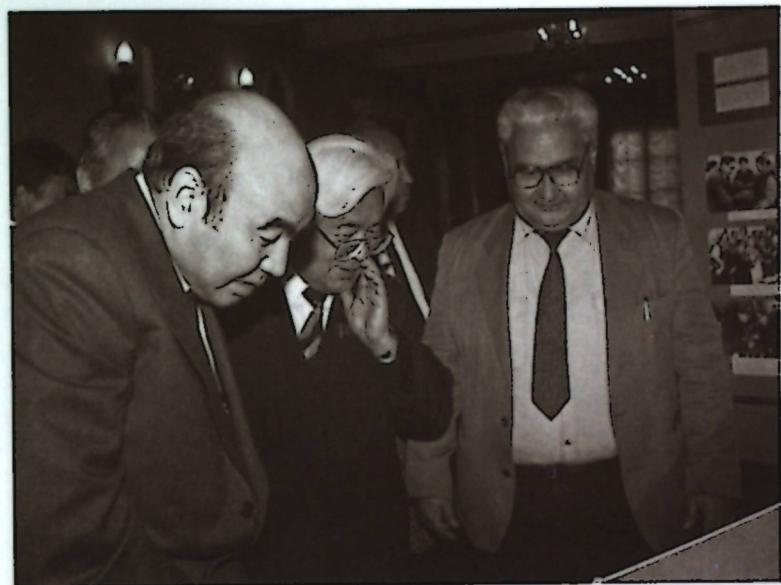
С президентом Мозамбика Саморой Машелом

Султан Ибраимов,
председатель Совета
министров Киргизии
(1978–1980)

Открытие музея В. И. Ленина. Фрунзе. 1979 г.

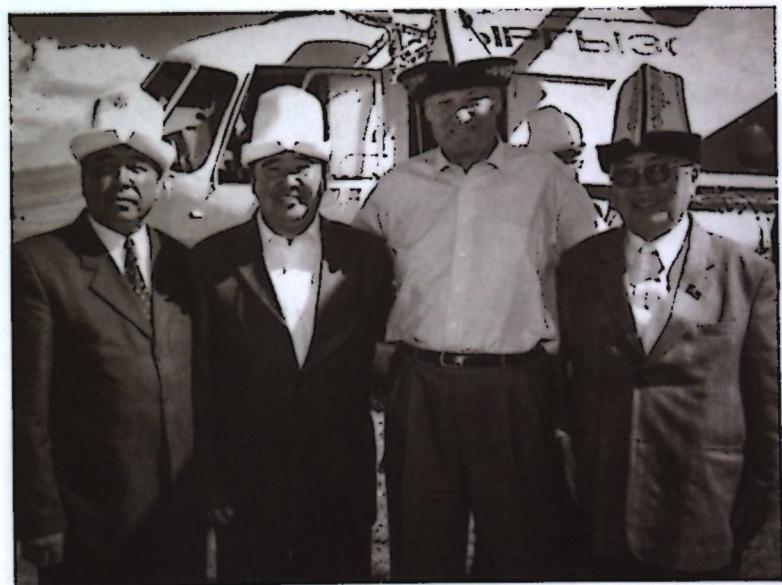

С первым президентом независимого Кыргызстана Аскаром Акаевым

Открытие памятника русскому путешественнику П. П. Семенову-Тян-Шанскому. Город Рыбачье. 1982 г.

Новые времена, новые друзья. С президентом России Борисом Ельциным на озере Сон-Куль в Кыргызстане. 2002 г.

Общение с внуками

Прощание с патриархом. Бишкек. 2015 г.

Т. Усубалиев и президент «АЮ Холдинга» Шаршенбек Абыкеримов

Бюст Т. Усубалиева в мемориальном сквере в Бишкеке

Т. Усубалиев и Ч. Айтматов: рядом в жизни и памяти

признал водителя Шумилова В. А. виновным в том, что в 24 часа 6 апреля 1973 года, проезжая на закрепленной за ним автомашине ГАЗ-24 по селу Красная Речка, нарушил правила дорожного движения»*.

В Кыргызстане и после Султана Ибраимова происходили достаточно загадочные и подозрительные смерти первых руководителей. Одна из них — гибель первого премьер-министра независимого Кыргызстана Насирдина Исанова в 1992 году. Много версий и догадок существует об этой трагедии, но суть в том, что тут же журналисты начали валить всю вину на президента страны того времени — Аскара Акаева. Факты же состоят в том, что во время служебной командировки на юг Кыргызстана машина премьера лоб в лоб столкнулась с встречным крупнотоннажным «ЗИЛом». Никто всерьез не пострадал, но Исанову сильно не повезло — он перестал дышать примерно через полчаса после случившегося. У четверых его спутников даже царапин не было, а премьер погиб. Он сидел на заднем сиденье вместе с известным международным аферистом, главой компании «Сиабеко» Борисом Бирштейном, а телохранитель и водитель сидели впереди.

Супруга премьера потом вспоминала: «В день похорон я заметила, что у Насирдина были следы на шее до ушей. «Что они с ним сделали?» — начала кричать я. Но меня тут же увили женщины». Словом, все, что случилось, осталось большой загадкой. Была ли гибель Насирдина Исанова убийством? Думаю, что нет. По крайней мере я категорически исключаю, чтобы это был «заказ» А. Акаева. Во-первых, сильных, так сказать, смертельных разногласий у них никогда не было. Во-вторых, возможное сотрудничество с названной компанией только изучалось и дело еще не получило своего развития в смысле появления каких-то важных интересов. Кроме того, Акаев и тогда, и сейчас не дал бы команду убить даже ягненка или полевого сурка, не говоря о человеке. Просто Насирдину Исанову не повезло, и он стал случайной жертвой автокатастрофы.

Заканчивая раздел, позволю себе заметить, что эти две смерти — Ибраимова и Мураталиева — достаточно сильно навредили политическому имиджу Усубалиева. Уже будучи пенсионером, он почти каждый день ходил в столичную библиотеку, рылся в архивах, находил протоколы судебных заседаний, материалы следствия и четко доказал, что все,

* Усубалиев Т. Эпоха. Созидание. Судьбы. С. 407.

что ему приписывали в связи с этими трагическими инцидентами, — всего лишь клевета и измышления его врагов.

Можно ли верить словам и аргументам Первого секретаря? Можно и не верить. Но факты таковы, что невозможно думать иначе.

Verba cum effectu sunt accipienda — «слова следует воспринимать по результату».

ТЯЖБА ДЛИНОЮ В ПОЛВЕКА: СЫДЫКБЕКОВ ПРОТИВ УСУБАЛИЕВА

Взаимоотношения руководителя Кыргызстана Турдакуна Усубалиева и одного из выдающихся представителей киргизской культуры Тугельбая Сыдыкбекова, произведения которого изучают в республике со школьных лет — весьма интересная человеческая история. Главная проблема этих взаимоотношений заключалась в полном несовпадении взглядов. Например, на историю, на языковой вопрос, на культуру и политику. Но вначале о том, кто такой Сыдыкбеков и что его отличало от современников.

Тугельбай Сыдыкбеков, как уже сказано, — признанный классик киргизской литературы. В жизни он был в прямом смысле слова очень крупным человеком, почти великаном. Я однажды назвал его, имея в виду его огромные заслуги перед нашей национальной культурой, Человеком-Горой. В Кыргызстане почти все знали хотя бы названия его романов, а многие читали все его произведения.

Но то, что Тугельбай Сыдыкбеков был, кроме всего прочего, первым киргизским диссидентом, человеком редкой гражданской смелости, даже дерзости, знали в основном только в творческих кругах, среди интеллигенции. Достаточно вспомнить, что он, прожив достаточно долгую и творчески плодотворную жизнь, так и не пожелал стать членом даже профсоюза, не говоря уже о компартии. Совершенно отдельная тема — его очень непростые отношения с тогдашним партийным руководством, в частности, с Турдакуном Усубалиевым. Это при том, что он никогда не был против Советской власти в принципе, ибо прекрасно знал, что новая система открыла его народу путь к просвещению, дала Кыргызстану огромную социально-экономическую и культурную перспективу, а ему лично — шанс стать знаменитым писателем, лауреатом Сталинской премии. Но критика им советского режима с годами только

крепчала, становилась все глубже и убежденней. Еще задолго до периода перестройки и гласности Сыдыкбеков стал первым в Кыргызстане публичным человеком, который откровенно говорил то, о чем думает в отношении режима, критикуя политику не только республиканских, но и союзных властей.

Между тем он начинал свой писательский путь как убежденный певец социальной доктрины большевиков, колхозного и совхозного строя с его коллективистской идеологией, отвергающей всякий индивидуализм и движимой идеализмом фанатиков и наивных мечтателей первых лет социализма. И писал он об этом талантливо, с присущей ему масштабностью. За роман «Люди наших дней», ставший эпохой в киргизской литературе, Сыдыкбеков в 1949 году получил Сталинскую премию. О невиданных переменах в жизни и психологии киргизов в советскую эпоху он написал классический роман «Среди гор», роман-эпопею «Женщины». В послесталинские годы в его исторических и политических взглядах произошли серьезные изменения, многое в собственной творческой судьбе и жизни общества он вынужден был пересмотреть и заново осмысливать. В итоге родился исторический роман «Голубой стяг», над которым Сыдыкбеков работал долго, с увлечением, в то же время преодолевая немалые творческие трудности. В романе поднимался совершенно нетронутый пласт национальной истории — эпоха расселения киргизов на Алтае и в Южной Сибири, где они создали обширную державу-каганат. Но роман получился не совсем удачным, если иметь в виду его литературные достоинства, особенно видение писателем реалий жизни, быта, образа мышления древних киргизов. Несмотря на смелость замысла, на новизну темы, роман стал собранием различных преданий и легенд, которые не были осмыслены глазами человека XX века, тем более писателем новой исторической эпохи, писателем-реалистом, аналитиком, а не творцом нового народного творчества.

Увлеченный желанием воскресить эпическое время истории киргизов, обрисовать героическую жизнь своих эпических персонажей, Сыдыкбеков не ощущал реальность их переживаний и чувств, не смог увидеть и передать реальные мотивы их поступков. Писателю надо было увидеть в этих героях людей, личностей, нужно было, выражаясь словами Александра Блока, «безличное человечить». Чингиз Айтматов, принимавший участие в обсуждении романа, увидел в нем «сплошной милитаризм», очевидные недо-

статки подчеркивали и другие именитые писатели и учёные. Но факт остался, остался и художественный опыт — Сыдыкбеков попытался прорубить брешь в толще истории, несмотря на явные пробелы в осмыслиении жизни древних киргизов.

Судьба исторического романа «Голубой стяг», над которым писатель работал долго и упорно, оказалась очень неудачной. Во-первых, его отвергли коллеги автора по перу. Когда рукопись романа обсуждалась в Союзе писателей Киргизии, ни один из участников не рекомендовал произведение писателя к печати. Мнение писателей поддержало и партийное руководство республики, где зазвучали и обвинения автора в национализме. В итоге роман надолго положили под сукно. Не помогли ни авторитет, ни высокие регалии писателя. Но Сыдыкбеков во всем этом обвинял не коллег по перу, не их аргументы, а Усубалиева. И началась его долгая тяжба с Первым секретарем, которого он обвинял главным образом в пропаганде русского языка, в недостаточном внимании к родному киргизскому языку, к историческому прошлому.

Надо отметить, что здесь столкнулись два взгляда на предмет спора. Они не были так уж кричаще противоположны, но их отличало разное понимание исторических реалий и процессов. Усубалиев был политиком, руководителем республики, который проводил социальную политику определенной идеологической ориентации, а именно советского социализма. Он был марксист и ленинист. Он действительно считал, что коммунизм — единственно лучшее будущее человечества, в том числе и киргизского народа, что русский язык — это язык культуры и просвещения, тот язык, который дает нашему народу шанс стать передовым и образованным народом. И он не был одним таким. Так думали почти все продвинутые киргизы, включая Айтматова, всех видных представителей национальной интеллигенции.

Тугельбай Сыдыкбеков так не думал. Как пишет Турдакун Усубалиевич, которому писатель адресовал не одно свое личное письмо, «Сыдыкбеков пытался ставить под сомнение правильность партийной линии в области политического, хозяйственного и культурного строительства, искаженно представил братские взаимоотношения киргизского, русского и других народов Кыргызстана. Он тенденциозно, субъективистски обобщал несущественные, а порой просто надуманные факты и примеры, на основании которых делал совершенно неверные, политически

вредные выводы. По его утверждению, в семье разных национальностей, проживающих в республике, нет равноправного положения, проявляются шовинистические тенденции со стороны русских, пренебрежительное отношение к истории и культуре киргизского народа, развитию киргизского языка. Он приукрашивал тяжелое дореволюционное прошлое киргизского народа, умалчивая значение Октябрьской революции в его судьбе. Такие выражения, как “дикость” и “полудикость”, царившие в бывших царских окраинах, писатель считал оскорбительными для киргизского народа. Он по существу отрицал братскую бескорыстную помощь, которую оказывали киргизам советские народы, прежде всего русский народ в строительстве новой жизни. В своих письмах Сыдыкбеков подчеркивал, что никакая нация не может занять авангардного положения среди народов Союза. По его мнению, глубоко ошибочно признание ведущей роли русского народа; его рабочего класса в осуществлении грандиозных социально-экономических и культурных преобразований в стране*. Это было мнением, вернее, позицией Турдакуна Усубалиева по существу вышеупомянутых вопросов, а всякое мнение принято уважать. Так пути этих двух выдающихся деятелей Кыргызстана глубоко разошлись.

Действительно, в своих письмах Т. Сыдыкбеков категорично утверждал, что в республике ничего не делается для развития национального киргизского языка, что он засоряется заимствованиями из русского языка, настаивал на том, что неправомерно признание русского языка как языка межнационального общения, поскольку он, decisively, оказывает давление на киргизский язык, ограничивает возможности его развития. Он также утверждал, что в республике будто бы приукрашивается действительность, излишне восхваляются достижения в хозяйственной и социальной жизни народа.

Тугельбай Сыдыкбекова всегда очень интересовало историческое прошлое, особенно вопрос «откуда есть пошла» киргизская нация. В процессе изучения прошлого нашего народа в нем проснулся не националист, а глубокий почвенник, преодолевший груз советских учебников истории, особенно истории киргизов. А учебники тех лет прямо и недвусмысленно утверждали, что настоящая исто-

* Усубалиев Т. Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем. Т. 2. С. 215.

рия киргизов началась только с залпа «Авроры» в 1917 году. Сыдыкбеков все более и более убежденно говорил о вещах, подчас противоречащих лозунгам и политическим доктринаам, провозглашенным КПСС и Советской властью. Это касалось прежде всего права народов на собственное историческое прошлое, национальную память. Ему не нравились проводники политики Советской власти, ее идеологические «солдаты», особенно кремлевские серые кардиналы, рулившие страной не в том направлении и не так, как он считал правильным.

Вспоминаю характерный для Т. Сыдыкбекова эпизод, ставший знаменитым. Однажды, когда проводился очередной съезд республиканского союза писателей, ему дали слово, специально напомнив о пятиминутном регламенте для выступления. Председательствовал Ч. Айтматов, в то время председатель Союза писателей Кыргызстана. Видно было, что в президиуме съезда, где сидело почти все руководство республики во главе с А. Масалиевым, преемником Усубалиева, боялись, как бы писатель не выкинул очередной «номер» в присутствии руководителей республики и ответственных работников ЦК партии из Москвы. Но Сыдыкбеков остался верен себе и на этот раз: сказав, что на двух предыдущих съездах писателей ему упорно отказывали в слове, он потребовал все пятнадцать минут и начал говорить вещи, при упоминании которых у многих волосы встали дыбом. Его выступление произвело эффект разорвавшейся бомбы. Хочу напомнить, что это был не период перестройки и гласности, а самые что ни на есть «застойные» брежневские времена:

Обращаясь к руководителям республики и представителям Москвы, писатель потребовал, к примеру, объяснить — если в космос отправляют не только людей, но и братьев наших меньших, которых удается вернуть назад живыми и здоровыми, почему пока не нашлось места на борту космического корабля хотя бы одному советскому «нацмену»? Он так и спросил: неужели среднеазиаты не в состоянии заменить хотя бы собак при том равенстве прав, о котором кричат на каждом углу? Далее он поднял вопросы о языке, о белых пятнах истории, о школах на киргизском языке, о термине «старший брат», ставшем общим местом в официальном политическом лексиконе. Он открыто поставил вопрос об «отеческой заботе» партии о литературе, ставшей всего лишь прислужницей политики. Огромный зал Национальной филармонии, собравший цвет киргизской интел-

лигенции, гудел, но аплодировал довольно жидко. Многие из-за боязни быть замеченными на таком крамольном заседании спешно выбегали из зала и больше не возвращались. Но этот поступок Т. Сыдыкбекова вовсе не был новостью для тех, кто его знал поближе. Дело в том, что задолго до этого стал легендой его отказ от государственной награды, происходивший в дерзкой по меркам тех времен форме, о чём будет рассказано позже.

Так Тугельбай Сыдыкбеков стал первым киргизским диссидентом. Оставаясь определенно лояльным к Советской власти, писатель в то же время не боялся ссориться с руководством. Он открыто критиковал верховную власть СССР и, конечно, героя нашей книги в том числе. К чести Турдакуна Усубалиева, он его терпел, и терпел stoически.

Говоря о киргизском диссиденте, стоило бы привести полностью его самое характерное письмо. Вот оно: «С первых дней писательской деятельности я славлю труд, пре- восходство социалистического строя, борьбу за свободу, равенство. Среди них священная для меня тема — это дружба народов. Ей посвятил я свои объемистые романы и посвящаю сейчас. Вот почему я не могу мириться со всем тем злом, который приносит только вред нашей дружбе. Мне, моему народу, терпевшему двойной гнет, слишком дороги завоевания Октября! И борьбу против невежества, карьеризма, подхалимства, против искажений действительности считаю своим писательским долгом!

Но давайте хотя бы бегло перелистаем подшивки республиканской периодики. Сухостью, трафаретностью, показом преимущественно успехов отличаются материалы газет и журналов. Хвала и самовосхваление. Особенно тогда, когда эти похвалы адресуются другому народу, мы радостно бросаем в небо шляпы, аплодисменты раздаются еще громче. И, наоборот, попробуй сказать о чистоте и богатстве родного языка, о бережном, заботливом отношении к историческому наследию киргизского народа, как сразу меняется отношение к такому смельчаку. Ему моментально лепят ярлык «националиста», а лица тех, кто только что аплодировали похвалам, моментально омрачаются! Да еще как! После этого, как правило, кто-то обязан поносить смелого «националиста». В таких случаях слову молодых отдается особое предпочтение.

Говоря о языке, культуре, истории своего народа, мы прежде всего помним о дружбе народов. По мере познания всех лучших сторон и качеств, присущих другим народам,

мы еще больше начнем уважать и ценить их. И, наоборот, по мере познания того ценного, что накопил киргизский народ, нас больше начнут уважать. Стало быть, равноправное признание и равноправное уважение откроют дверь большой и крепкой дружбе.

Дружба крепнет только тогда, когда обе стороны честно уважают друг друга. А у нас это как раз и отсутствует... "Благодаря..." начинаем мы и во весь голос восхваляем русский язык, культуру, народ. В то же время не слышно голоса русских товарищ: "Не перегибайте палку! И мы обязаны знать то хорошее, что создано вами!" Где же так заявлять или думать, когда многие из них привыкли смотреть на нас свысока?

Указанная выше тенденция привела еще и к тому, что даже среди ученых появились люди, считавшие, что киргизский язык — очень неразвитый язык, так как присущ только киргизам, что на этом языке мало пишутся книги, издаются газеты и журналы, ведутся теле- и радиопередачи. Среди таких немало считающих, что достаточно одного, понятного всем русского языка.

Руководители учреждений, начиная от районов и кончая республикой, зачастую отвечают на письма не знающих русского языка стариков по-русски. В докладах обычно восхваляется то, что книги, газеты и журналы выходят у нас громадными тиражами. Безусловно, это отрадно. Но когда речь идет о чистоте, богатстве, четкости родного языка, то мы уже требуем подходить осторожней. Такой подход свидетельствует только о пренебрежении к родному языку и литературе.

И в этот момент, когда наблюдаются проявления шовинистической тенденции, мы говорим: "Русский язык — наш второй родной язык". "Мы обязаны знать этот язык, на котором говорили Пушкин, Тургенев и Ленин!" Когда же это старались доказать и Пушкин, и Тургенев, и Ленин, что русский язык велик, могуч только потому, что они сами владели им? Далес, сам термин о втором родном языке не научен, поскольку родным языком считается тот, на котором мыслят; а такой язык только один — это язык понятий, ведь за каждым словом любого языка стоит определенное понятие.

В последние годы особенно усилились придики за отдельные слова, необоснованные подозрения к художественным произведениям. Таким ли должно быть доверие к тем творческим работникам, которые приложили и при-

лагают много сил для развития социалистической культуры? Будет правильным сказать, что такое отношение к культуре, литературе, искусству, истории является результатом излишней бдительности и самосохранения.

Наш город Фрунзе превратился в крупный индустриальный центр республики. Микрорайоны протягивают руки к подножиям гор. Все больше и больше семей вселяются в благоустроенные квартиры. Очень отрадно! Но посмотрите на построенные микрорайоны. Будто близнецы они. Их трудно различать не только впервые попавшему в город человеку, но и тому, кто живет в том же массиве.

Человека воспитывает среда. Не только непосредственные отношения между людьми, но и окружающая предметная среда. И поэтому дома, микрорайоны, город должны быть прекрасными. Серые, кое-как сделанные, бездушные дома отрицательно сказываются на людях. Сейчас к нам часто заезжают делегации из зарубежных стран, посещают нашу столицу и друзья наши, и недруги наши. Но как бы ни старались, мы не можем коврами спрятать нашу архитектуру.

Не только зарубежные делегации, но и посетители из других наших республик первым долгом обращают свои взоры на вид города, на вид его жителей.

— Куда мы попали? А где же киргизы? — спрашивают они. А ведь это вызывает насмешки у иностранных гостей. Разве они не трутят, что будто "русские захватили азиатов"? Прежде чем распространять такой слух, они обращают внимание на наши улицы, на огромные здания, подобные корпусам Академии наук республики.

Нет, мы можем укрепить единство людей только при условии взаимного уважения друг друга, при условии взаимного понимания и прославления всего лучшего в жизни каждой из сторон. Жизнь показывает, что излишнее восхваление одной из сторон, принижение другой приводит к неисправимым ошибкам. Сама жизнь требует, чтобы мы изучали русский язык. Но это изучение не должно произойти за счет ущемления родного языка. Не следует превращать изучение русского языка в надоедливый лозунг! И наш язык, как и всякий другой язык, в состоянии открыть широкую дорогу к знаниям. Теперь нам становится ясным, что не владеть родным языком, значит лишиться культурных наследий своего народа.

Нельзя приспособливать важные и глубокие проблемы, требующие научного, истинно научного и истинного,

исторического подхода к политике сегодняшнего дня. Такое отношение заглушает талант, притупляет инициативу. Печальнее всего то, что оно льет воду на мельницу врагов. Больно делает другу. Образует трещину в дружбе между народами. Вот почему было правильным открыто писать об этих вредных явлениях.

Сентябрь 1972 г.

Тугельбай Сыдыкбеков».

Это письмо, ряд других обращений выдающегося романиста по поводу судьбы киргизского языка и киргизской культуры к руководству Кыргызстана не раз обсуждались в Союзе писателей республики. Многие соглашались с мнением и озабоченностью писателя, аксакала киргизской литературы, хотя были и те, кто не был готов открыто поддержать его. Одни считали, что не все так плохо, как описывает Сыдыкбеков — кстати, первый среди киргизов лауреат Сталинской премии в области литературы 1949 года. Другие были глубоко убеждены, что политика партии в сфере культуры, языкового строительства в целом правильна. Среди них был Чингиз Айтматов, который всегда с большим уважением относился к творчеству своего старшего собрата по литературе. На одном из обсуждений он высказался по этому поводу так: «Каждый имеет право обращаться в ЦК. Некоторые товарищи делают упор на то, что само написание этого письма уже преступление, политическая незрелость. Дело не в сочинении письма, дело в понимании затронутых проблем, в тенденции размышлений и взглядов. Очень обидно, что Сыдыкбеков, сбившись с партийного направления, превратно понимает важные культурные и национальные проблемы нашего народа. Это неправильно. Какое вы имеете право противопоставлять друг другу языки! Если, скажем, в развитии киргизского языка или в его пользовании есть какие-либо погрешности, разве в этом виноват русский язык? Наоборот, русский язык оказал очень большое, очень прогрессивное влияние на киргизский язык, на нашу культуру, на его философское содержание. Это бесспорно. Если не можем использовать эти возможности, то виноваты сами. В современных исторических условиях, в нашем социалистическом интернациональном обществе, по-моему, основным путем развития национальных языков является билингвизм. Иными словами, одновременное знание двух языков. Я эту мысль говорю давно. В Ташкенте, на международной конференции писателей Азии и Африки по этой проблеме я делал специальное сообщение.

Большинство восприняло его благожелательно. Русский язык для всех нас был общим языком, он им и останется. Иначе быть не может. Поэтому мы с этих пор, как общее дело, должны перейти к билингвизму. Я в это очень верю*.

Почти все участники обсуждения придерживались такого же мнения по языковому вопросу и взаимоотношениям русского и киргизского народов. А Турдакун Усубалиев всегда был тверд в своей позиции по вопросу русского языка: «При всем желании Сыдыкбекова русский язык не перестанет звучать на улицах Кыргызстана. И вряд ли скоро умолкнет, потому что тогда киргизам будет трудно общаться не только с русскими, но и с людьми других национальностей, которые вовсе не обязаны знать киргизский язык настолько, чтобы объясняться на нем более или менее толково. Адекватной замены русскому языку в ближайшее время не предвидится».

Тут необходимо разобрать один досадный эпизод, который действительно сильно обидел аксакала киргизской литературы. Дело в том, что по случаю его 60-летия власти наградили его всего лишь почетной грамотой Верховного Совета Киргизской ССР. Получилось так, что одного из зачинателей киргизской письменной литературы, лауреата Сталинской премии, живого классика решили наградить грамотой, то есть самой обычной формой награждения, которая никогда не ценилась высоко. Это в то время, когда многие умелые конъюнктурщики были обладателями орденов и других высоких государственных наград.

История этого злополучного награждения такова. В руководстве республики прекрасно понимали, что классику нужно обязательно награждать орденом или каким-нибудь званием в связи с юбилеем, как принято было тогда. Но этот вопрос решался только в Москве, а если речь шла о награде высшего ранга, то в самом Кремле.

Вот как описывает очередное свое хождение по кабинетам Кремля Усубалиев: «В мае 1972 года Тугельбаю Сыдыкбекову исполнялось 60 лет. Это, конечно, важная дата в жизнедеятельности писателя. Мы хотели, чтобы эта юбилейная дата была отмечена должным образом. И этот вопрос рассматривался на бюро ЦК коллегиально. Члены и кандидаты в члены бюро обменивались мнениями. Были высказаны разные точки зрения: одни товарищи говорили о

* Усубалиев Т. Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем. Т. 2. С. 274—275.

том, что, учитывая заслуги писателя в развитии киргизской советской литературы, следует представить его к союзной правительственный награде, а другие, отмечая одиозность его поведения в последние годы, высказывали сомнения относительно целесообразности такого предложения. Все же большинство членов и кандидатов в члены бюро предложили обратиться в ЦК КПСС с просьбой отметить юбилей писателя правительственной наградой. Бюро ЦК поручило мне обговорить этот вопрос в центре. И в Москве я на уровне Секретаря ЦК КПСС А. А. Суслова и изложил нашу просьбу. И он меня сразу резко остановил. Содержание его беседы излагаю по памяти.

— Товарищ Усубалиев, — сказал он, — ваше предложение я не могу поддержать. Такого же мнения и идеологические отделы ЦК. Мы хорошо знаем писателя Сыдыкбекова. В отделах ЦК имеются тексты всех его выступлений и писем последних лет. Он, под предлогом защиты национального языка, оплевывает русский язык, начисто отрицает его значение как языка межнационального общения, выступает против русскоязычного населения республики, а проживание в республике русскоязычного населения расценивает как угрозу для существования и дальнейшего развития киргизского народа, как нации; считает будто бы ущемляются интересы киргизов. Разве русский язык не играет важную роль в жизни киргизского народа, разве русскоязычное население не принимает вместе с киргизами активного участия в созидающих делах республики? Можете дальше не рассказывать об этом человеке. О нем меня подробно информировали отделы ЦК, читал их справку. Писатель Сыдыкбеков ведет себя неправильно. Его деструктивные устные и печатные выступления и письма разлагающие действуют на людей, особенно на молодежь. Награждение союзной правительственной наградой по существу означало бы поощрение со стороны ЦК его глубоко ошибочных суждений о межнациональных отношениях, о роли русского языка в национальных республиках. Наше мнение твердо, мы не намерены поддержать ваше предложение, — сказал резко секретарь ЦК.

На этом свои попытки добиться положительного решения вопроса о Сыдыкбекове я не прекращал. Я хорошо понимал, что речь идет не только о Сыдыкбекове-писателе, хотя он как человек не вызывал с нашей стороны особой симпатии. Мы думали о престиже киргизской советской литературы. Я встречался с руководством Союза писателей

СССР и просил поддержать наше предложение. Руководство Союза в лице Г. Маркова сказали мне прямо: поведение Сыдыкбекова давно известно нам. Нас оно удивляет. Писатель, произведения которого благодаря русскому языку читаются народами Союза и в зарубежных странах, стал ярым противником изучения русского языка в своей республике. Кстати сказать, ни один национальный писатель не говорит так плохо на русском языке, как это делает Сыдыкбеков. Далее, как нам известно, после книги "Люди наших дней", удостоившейся Государственной премии СССР, он не создал еще ни одного крупного произведения, завоевавшего большое читательское внимание в союзном масштабе*.

Вот так киргизский романист не удостоился правительственной награды. Тогда его решили наградить хотя бы почетной грамотой Верховного Совета республики, что, разумеется, глубоко оскорбило писателя. Но и ответ на это классика киргизской литературы получился достойным и почти хрестоматийным — он несколько лет отказывался официально получить золотую грамоту. Потеряв всякую надежду на церемониальное вручение, чиновники решили отправить ее по почте. И тогда писатель решился на почти немыслимую дерзость: получив в заказном письме государственную награду, он запечатал грамоту в другой конверт и отправил обратно на адрес Верховного Совета, не забыв при этом написать несколько едких фраз в адрес властей.

Тем не менее Тугельбай Сыдыкбеков оказался счастливым человеком — он дожил до получения суверенитета Кыргызстана и был похоронен как самый уважаемый из старшего поколения киргизских писателей. Независимость республики он воспринял достойно — без истеричных криков «ура», но и без паники, без излишней экзальтации. И когда избрали первого Президента независимой Республики Кыргызстан, все посчитали, что благословить Аскара Акаева достоин только он.

Как всегда, само время расставило все на свои места: современные киргизы одинаково уважают и Усубалиева, многолетнего и очень успешного руководителя Кыргызстана, ставшего народным героем страны и обладателем ордена «Ак шумкар», и Сыдыкбекова, тоже Народного Героя Кыргызстана, обладателя того же высшего ордена республики.

* Усубалиев Т. Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем. Т. 2. С. 249.

ЗАЧЕМ КИРГИЗАМ ФИЛАРМОНИЯ? ОТВЕТЫ С ПЕТЛЕЙ НА ШЕЕ

За годы долгой политической карьеры у Турдакуна Усубалиева было много огорчений, даже очень много, но все-таки никак не больше, чем счастливых минут, дней и годов. И все же иные огорчения были настолько остры и неприятны, что они стоили ему немало здоровья, человеческих унижений и седых волос. Дело в том, что любому человеку хочется услышать слова благодарности или признания от людей за те добрые дела, которые ему удалось совершить ради этих же людей. А Усубалиеву очень долго не приходилось услышать такое. Скорее все было наоборот. Да, никто не кидал ему вслед камни, когда ему пришлось оставить должность, не проклинал и не выгонял из страны, но получить наказание за *перевыполнение порученного*, за излишнюю старательность для него было действительно обидно. Я бы сказал, смертельно обидно. Но обо всем по порядку.

Усубалиев всегда был очень старательным, дисциплинированным руководителем. И очень упорядоченным. Вообще секрет его долголетия и сохранения ясного ума до конца своих дней — это дисциплина и режим. Он этим двум принципам своей жизни не изменил до конца своего пути.

Ему помогло не терять вкус к жизни его главное кредо — работа, работа и еще раз работа. Как вспоминают его дочери, ранний приход отца с работы всегда был большой редкостью. Правда, они не всегда догадывались, хорошес ли у него настроение или плохое, потому что он не хотел, чтобы его самочувствие каким-то образом отразилось на семье. А семью он очень любил. Однако делился своими сомнениями и огорчениями только с супругой Гульджаке Ниязалиевой, которую и любил, и уважал, и считал своей самой компетентной соратницей.

Все его радости и огорчения так или иначе были связаны с теми планами, которые он ставил перед собой, перед республикой. А планы всегда имели тенденцию расти и увеличиваться. Потому что в те годы интенсивно развивалась вся страна и в ее составе — Киргизская Республика. Как пишет академик Т. Койчуев, один из знатоков экономического развития Кыргызстана, «в качественном и количественном отношении весомое накопление производственного потенциала приходится на 1961—1985 годы. В целом за этот 25-летний период в республике обеспечивался рост по важнейшим показателям экономического и

социального развития Киргизской ССР. Эффективность экономического роста республики во многом предопределялась развитием промышленности, решающей отрасли народного хозяйства. Сегодняшний промышленный облик республики практически сложился в результате ввода в эксплуатацию крупных производственных мощностей именно в 1961—1985 годы. За этот период были построены и введены в строй промышленные объекты, которые определили новую структуру общественного производства республики и ее промышленности — машиностроения, цветной металлургии, электроэнергетики, промышленности строительных материалов, пищевой и легкой промышленности»*.

Турдакун Усубалиев, руководитель республики в те годы, внимательно следил за развитием всей Советской страны, за главными трендами и направлениями роста других республик. Одним из признаков интенсивного развития была перестройка многих республиканских, краевых и областных столиц. Прежде всего обустраивалась и прихорашивалась Москва, как витрина не только Советского Союза, но и всего «социалистического лагеря». Никто против этого не возражал, наоборот, все радовались и гордились. С другой стороны, руководители республик все-таки считали и внимательно анализировали, куда больше всего текут союзные деньги и кто больше всех и чаще всех «доит» общий бюджет в свою пользу. Возможно, раньше, когда СССР был бедным, такого внимательного и заинтересованного взгляда не было, но он появился по мере роста экономики, роста культурных потребностей на местах, в том числе экономик союзных республик. Поэтому когда шло планирование очередной пятилетки или семилетки, руководители республик активно штурмовали центральные учреждения, с шумом лоббировали свои интересы, пытаясь больше союзных денег инвестировать в свои экономики. Например, когда в Москве строился так называемый Белый дом, резиденция правительства Российской Федерации, многие руководители республик призадумались о том, как обзавестись такими же престижными сооружениями, как величественный дом на Краснопресненской набережной. И обзавелись: так появились дома правительств в Киеве, Тбилиси, Алма-Ате, Баку. Нетрудно предположить, что такая же мысль не могла не посетить и Усубалиева.

* Усубалиев Т. О нашем времени и о делах моей жизни. Бишкек, 2003. С. 451.

Между тем, Фрунзе 1960-х был одним из самых необустроенных городов Союза. Правда, жилые дома и общественные здания строились достаточно активно, но таких больших, красивых и дорогостоящих, какие появились в Баку или Алма-Ате, фактически не было. Не только престижных сооружений было мало, но и сам город был похож на обычный российский областной центр. В своих воспоминаниях Усубалиев пишет: «Когда я стал первым секретарем Фрунзенского горкома партии, мне выделили черную «Волгу» и я на ней обезжал городские улицы, промышленные предприятия, словом, бывал там, где должен был бывать. И вот как-то возвращаюсь в горком, а жители землянок, на которые я вынужден был смотреть из своих служебных окон, остановили мою машину и стали кричать: «Эй, секретарь, остановись, посмотри, в каких условиях мы живем...» Остановился, конечно. Поговорили. Я, может быть, тогда в первый раз высказал свою мечту о новом городе, о полной реконструкции нашей столицы. Сейчас в это уже с трудом верится, но не было даже канализации. В самых престижных зданиях была местная канализация, была она и в горкоме, но часто выходила из строя, а в масце своей город наполняли такие канализационные «чудеса», что страшно вспомнить. Приехал как-то к нам в гости знаменитый артист, встретили мы его по высшему разряду — так были рады, и поселили в гостинице, которая была расположена где-то в районе сегодняшней центральной площади, а при гостинице, понятно, «удобства». Вот эти «удобства» все и погубили. Артист их как увидел, так тут же попросился назад, домой, в Москву... Это сейчас об этом вспоминать смешно, а тогда что было делать?»*

И Первый секретарь ЦК КП Киргизии решился на переустройство города. Правда, республика к этому времени уже не была прежней бедной «попрошайкой», а вносила серьезный вклад в копилку страны, стала неразрывным звеном в союзной экономической цепи. Можно много говорить о производстве в Кыргызстане стратегически важных видов сырья, от урана и сурьмы до ртути, хлопка, табака, шерсти, мяса, молока и тому подобного. К середине 1980-х Кыргызстан превратился в важнейшего поставщика дешевой гидроэнергии, подключившись к общесоюзной энергетической сети. Поэтому если Усубалиев мечтал о переустройстве столицы или требовал серьезного куска бюд-

жетных ассигнований от общесоюзного пирога, то в этом были свой обоснованный резон и веская причина.

Работа по перестройке Фрунзе началась с таких элементарных вещей, как вышеупомянутые «удобства», то есть со строительства центральной канализации, обустройства улиц, разработки генплана столицы, а потом строительства инфраструктуры — школ, поликлиник, детских садов. Не все удавалось сразу и с первой попытки, но работа значительно активизировалась. Но венцом, главным достижением Турдакуна Усубалиева в переустройстве Фрунзе был исторический центр столицы, где появились новые здания национальной филармонии, цирка, киргизских и русских академических театров, зданий ряда высших учебных заведений и т. д.

Все ли было гладко, когда он взялся за строительство ключевых объектов, зданий учреждений культуры и науки? Нет, конечно. Первый секретарь как-то раз и с возмущением, и с иронией вспоминал, как отреагировал один кремлевский куратор Киргизии на идею о строительстве филармонии и установлении в ней хорошего органа. «Филармония? Зачем? Да и еще орган... Скажите, зачем вам, киргизам, это?» Вопрос был настолько прямой, почти убийственный, что Усубалиев вначале даже растерялся. Но он все-таки сумел совладать с эмоциями. Трудно было представить, как подобный чиновник в Кремле мог отреагировать на пожелание Исхака Раззакова построить во Фрунзе театр оперы и балета. А ведь театр был построен, причем в трудные послевоенные годы... И Усубалиев опять вежливо, сколько у него хватило сил и такта, объяснил, что в республике существует острая нужда в современном здании, негде принимать артистов из Москвы, проводить важные культурные мероприятия и т. д. И добавил, что такого рода сооружениями обзавелись почти все соседи в регионе, республики Закавказья и Прибалтики.

Между тем, он, заядлый любитель музыки, буквально мечтал построить во Фрунзе филармонию. Кажется невероятным, что такой ровный, вроде никак не эмоциональный человек, как Усубалиев, мог быть мечтателем. Но он им был. Он пишет: «Я буквально мечтал о нашей филармонии, носился с этой идеей, всех в ее воплощение втягивал. Попутно думал о том, что будет помещаться рядом. Много сил отнял у нас генеральный план застройки города, но с этого надо было начинать, потому что до той поры в столице каждое министерство строило свое и кому что вздумает-

* <http://www.msn.kg/showwin.php?type=newsportal&id=4527>

ся. Город, если так можно выразиться, представлял собой что-то вроде болота, среди которого отдельными кочками торчали интересные или малоинтересные в архитектурном решении здания. В Москву поехали 30 человек, они жили в нашем постпредстве месяца 4, но проект был сделан. Работал над ним архитектор Печенкин. Он потом сам удивлялся: подобное здание возводилось в Башкирии долгих 18 лет, по нормативам его строительство должно было продолжаться 10 лет. А вы построили за 5 лет! А сколько сил понадобилось на строительство Дворца спорта... Там зал особенный, на 3000 мест и с особой конструкцией, работал над ней инженер Кочнев, но чтобы сделанная работа была безупречной, мы пригласили одного профессора с Урала, и он выверял нагрузку на каждый сантиметр здания».

Но реплику «Зачем вам, киргизам, филармония?» он все время вспоминал. А реплика была совсем непростая. В ней крылось то, что его, одного из крупных и многоопытных партийных деятелей СССР, всерьез беспокоило и тревожило. В этой мимолетной реплике таились все еще не изжитые пережитки имперского прошлого, слышался голос типичного московского чиновника, оторвавшегося от реалий и не чувствующего единую жизнь большого Союза. С другой стороны, то самое роковое убеждение, что союзные республики, в особенности пресловутое среднесибирское «подбрюшье», якобы мешают России двигаться вперед, пробивалось и в Кремль. Постоянные газетно-журнально-телевизионные клише о «великом и могучем» русском языке, о таком же великом и могучем русском народе, о непобедимой супердержаве вскружили голову многим обитателям главного офиса страны, исподтишка реанимируя в их сознании великорусский шовинизм. Они никогда не читали своих классиков, особенно таких, как гениальный Достоевский, который говорил «о братстве людей и о том, что ко всемирному, ко всечеловечески-братскому единению сердце русское, может быть, изо всех народов наиболее предназначено, и видны следы сего в нашей истории, в наших даровитых людях, в художественном гении Пушкина». Увы, это было началом конца, началом глубокого разочарования в ценностях «пролетарского интернационализма», о которых говорили и повторяли, как заклинание, отцы-основатели СССР.

Это разочарование слышно в словах даже такого преданного и убежденного партийца, как герой этой книги, от которого трудно было ожидать таких слов, как «шовинизм»,

«имперскость» или «национальное унижение». Но автору этих строк представляется, что именно с тех разочарований и унижений, пережитых в высоких кабинетах Кремля и Стальной площади не только Усубалиевым, но и, надо полагать, другими главами республик, и начался внутренний, духовный распад великой страны. Усубалиев вспоминает: «В середине 1985 года, когда я находился в Москве, на меня, что называется, обрушился один высокопоставленный партаппаратор ЦК. Вызвав, как говорят, на ковер, он возмущался тем, что вот, дескать, новое здание ЦК и правительства республики облицована слишком дорогими материалами... Лейтмотивом его разноса было: «Хотите сделать свой город беломраморным?» Видит бог, при строительстве Дома правительства, теперь его называют в народе Белым домом, не было никакой «вседозволенности», в чем меня пытались обвинить не раз. Надо полагать, моими кураторами руководили, скорее, политические амбиции, а не социальные интересы. Они, не вдаваясь в суть вопроса, легко бросались такими словами, как «хижины», «дворцы»... Не случись у них под рукой этого «дворца», я не знаю, каким аргументом они воспользовались, ведя борьбу даже не со мною, а с определенным отношением к проблемам».

Далее Первый секретарь продолжает: «В то время это было охарактеризовано чуть ли не преступлением против народа. Хотя я в самом факте недовольства нашим строительством увидел, прежде всего, имперские амбиции: нельзя, дескать, чтобы на окраине было нечто лучшее, чем есть в центре. Потом уже встретил у великого француза Виктора Гюго мысль о том, что величие народа не измеряется его численностью, как величие человека не измеряется его ростом; единственной мерой всегда служит его умственное развитие и его нравственный уровень. Полностью с ним согласен».

Тем не менее Турдакуну Усубалиеву удалось реализовать свой амбициозный замысел. Центральная часть города Фрунзе была полностью перестроена. Новое здание нынешнего Исторического музея (в то время Музея Ленина), прекрасная филармония, Центральная библиотека, цирк, академические театры стали настоящей гордостью столицы, сердцевиной единого архитектурного замысла города.

Правда ли, что Турдакун Усубалиев перешагнул какие-то запретные линии или какую-то красную черту, взявшийся за это дело? Возможно. Но он это сделал, прекрасно зная, что это необходимо. Полагаю также, что он прекрас-

но осознавал, что такая возможность — шанс смело переступить эти самые линии и черты — ему больше не представится. Он своим нутром, своей чуткой политической интуицией чувствовал, что идет к завершению и его руководящий срок, что Кремль не вечно будет так благожелателен к нему, как на протяжении 1960—1970-х годов. Благо в Кремле одного за другим уходили в мир иной генсеки, а старые и больные советские руководители особо не смогли вмешиваться во внутренние хозяйствственные дела республик. Стalinского неусыпного контроля тоже не было, а была все-таки растущая самостоятельность субъектов Союза. Заодно с ней и проявлялась исподтишка растущая тяга к суверенитету, более четкое осознание его неизбежности и необходимости. Никто не забывал, что написано в этой связи в Конституции Союза, где нациям гарантировалось право на самоопределение.

Когда в горбачевском Кремле Усубалиева вызвали на ковер из-за перестройки столицы и прессинговали, чтобы он сдался и с повинной написал заявление об уходе с поста, он упорствовал. Потому что не чувствовал свою вину. Считал, что все сделал правильно, что республика имела на все это законное право. Отвечал, что все значительные здания построены с разрешения ЦК КПСС и Совета министров СССР. Пытался объяснить, что мраморная отделка выгодна экономически. Объяснял, что оштукатуренные поверхности требуют частого ремонта, а тут ничего этого не нужно. Доказывал, что облицовывали эти здания не призовным, а своим киргизским камнем, производимым на месте и в огромном количестве отправляемом в Москву, в другие республики. Он говорил, что киргизским мрамором облицованы фасады ряда зданий в Москве, станции метро в других городах страны. Но все было тщетно. Высокопоставленное лицо, как пишет Усубалиев, закончило свой гневный монолог сентенцией: «Киргизия маленькая, она может обойтись без такого здания». «Позволить оскорблять свою республику я не мог и потому резко прекратил разговор, — пишет герой нашей книги. — Последнее, что я услышал, была ссылка на указание секретаря ЦК КПСС Е. К. Лигачева, который якобы потребовал, чтобы я официально отчитался перед ЦК об отделке фасадов указанных зданий и за благоустройство их территории».

Интересно, что Кремлю уже в новое, перестроенное время не нравилось все то, что говорило о желании местных руководителей самостоятельно реализовать какие-

то планы и замыслы. Возможно, срабатывала интуиция. Возможно, там догадывались, что на уме у многоопытных и видавших виды республиканских деятелей. Нужно бы вспомнить и о том, что Москва по-разному относилась к национальным субъектам, исходя из величины республик; их экономической развитости, весомости их партийных элит в кремлевских политических играх. И, конечно, дело никак не обходилось без кумовства, личных связей и политических расчетов. Именно поэтому Кремль с охотой разрешал строить подобные правительственные здания и культурные объекты в таких столицах, как Ташкент, Алма-Ата, Баку, Тбилиси, Киев, причем с применением таких престижных строительных материалов, как гранит, мрамор, известняк и т. д. За мрамор и гранит вслух критиковали Киргизию, но единодушно молчали о том же самом, если дело касалось Белого дома в Москве, на сооружение которого были затрачены десятки миллионов рублей. Почему? На этот вопрос Усубалиев отвечает так: «Это было так потому, что Российская Федерация — большое государство, а Киргизстан — маленькое, вчерашняя колония бывшей Российской империи. Ему ли иметь беломраморное здание, эту непозволительную роскошь? Иначе и не могу объяснить эту длившуюся пять лет критику. Замечу между тем, что я никогда не считал и не считаю себя виновным. Я счастлив, что принимал участие в его возведении. Я искренне радуюсь тому, что государственная власть и парламент суверенной республики Киргизстана работают в этом прекрасном здании. Здесь происходят приемы глав и деятелей других государств, подписываются межгосударственные документы. Каждое уважающее себя государство мира заботится прежде всего о том, чтобы у него было здание, соответствующее его статусу».

Это слова того Усубалиева, которого новые поколения политиков все время критиковали за то, что он был закоренелым партийцем, до мозга костей приверженцем всего советского, противником всякой мысли о каком бы то ни было суверенитете, не думавшим ни о какой национальной самоидентификации. Теперь мы видим, как в нем вызревали думы о самостоятельном суверенном государстве, как в нем зародился истинный государственник. Чингиз Айтматов, обращаясь публично к Первому секретарю ЦК КП, как-то раз говорил, что он и есть «главный строитель города Фрунзе», а с ним и самостоятельного Киргизского государства. В этом писатель был абсолютно прав.

IN Natura. О ПОЛИТИЧЕСКИХ ВЗГЛЯДАХ УСУБАЛИЕВА

Задумываясь над долгой и плодотворной политической карьерой Турдакуна Усубалиева, невозможно не приходить к выводу о том, как важна в политике, да и в жизни убежденность. Убежденность в идеях, во взглядах, в основных вопросах жизни. Это и мобилизует человека, и вдохновляет, прибавляя силу и фанатичной преданности к делу. Без этого любая жизнь была бы пустой и бессодержательной. Усубалиеву повезло в том, что он эту важную составляющую человеческой жизни и политической карьеры обрел достаточно рано, прожив с ней долго, фактически до конца жизни.

Он полностью и бескомпромиссно поверил в коммунизм. Учение марксизма и ленинизма об общественном устройстве и формах собственности для него было почти религией. И он посвятил свою жизнь воплощению этих политических и общественных идеалов, хотя, будучи умным человеком, не раз сомневался в определенных принципах и доктринах коммунизма, не раз отчаялся от этих мучительных согласований с московскими верхами по каждому вопросу, терялся в деталях бюрократической конструкции тяжеловесной советской машины, нередко испытывая унижение, злость, возмущение. Редко, но все же бывали моменты, когда он невольно оказывался в плена мыслей и грез о том, что было бы, если... Счастливый был человек — он это «если» своими глазами увидел и прожил с ним ровно 24 года. Но это было потом.

Турдакун Усубалиев в те далекие советские годы, когда он находился на вершине власти республики, как-то раз обмолвился о том, что до Октябрьской революции киргизы вели полудикий, если не почти дикий образ жизни, чем вызвал огонь на себя и дал повод наброситься на него противникам и слева, и справа. Правда, он эти слова придумал не сам, а всего лишь цитировал любимого им В. И. Ленина. В 1921 году, чтобы лучше объяснить, чего хотят большевики, тот говорил: «Посмотрите на карту РСФСР от Саратова к югу, от Оренбурга и от Омска к северу, от Томска идут необъятнейшие пространства, на которых уместились бы десятки грамотных и культурных государств. И на всех этих пространствах царит патриархальщина, полудикость и самая настоящая дикость».

Действительно, жившие там народы, в том числе и русские, о которых говорил Ленин, никак не отличались ни

образованностью, ни экономической развитостью. Один из первых советских руководителей Киргизстана в 1930-е годы Юсуп Абдрахманов в письме И. В. Сталину отмечал: «Киргизы вплоть до национально-государственного размежевания Средней Азии не имели на своем родном языке, не говоря о книгах и учебниках, даже газеты. 95 процентов населения было безграмотным. Среди них нет ни одного человека с высшим образованием, тем более, нет партийно подготовленных работников, вышедших из беднейших слоев населения»*.

Турдакун Усубалиев никогда не сомневался в том, что Советская власть поменяла всю политическую и социально-экономическую парадигму развития Киргизстана. А слова Ленина о диком или полудиком образе жизни жителей национальных окраин империи ему были нужны только для кристаллизации мысли, для лучшей формулировки идеи, что социализм советского формата принес всему Среднеазиатскому региону, в том числе Киргизстану, настоящее культурно-экономическое возрождение.

Факт состоял в том, что вся Средняя Азия XIX века пребывала в состоянии глубокой деградации, усиливающегося демографического спада, социального и управляемого кризиса. Местные ханства, существовавшие чуть ли не со средних веков и никогда всерьез не трансформированные в смысле административных реформ и новаций, расшатывались изнутри, сотрясаемые внутренними дрязгами и подковерной борьбой за трон. В результате жизнь простых людей никак не улучшалась, росло недовольство. Жизнь не улучшилась и после колонизации Средней Азии Российской империей, потому что империя относилась к региону лишь как к сырьевому придатку, к некоему заднему двору, куда было решено не пускать geopolитических соперников из Европы. У русских властей не было никаких социальных программ, и они не могли определиться, как же все-таки решать растущие проблемы местного населения. А население в новых условиях испытывало огромные трудности как социального, так и морально-психологического характера. Это было особенно характерно для плодородных земель Семиречья — Киргизстана и Южного Казахстана — куда в конце XIX и особенно в начале XX века устремился поток безземельных крестьян из России. Число переселенцев по-

* Абдрахманов Ю. Дневники. Письма Сталину. Фрунзе, 1991. С. 62—63.

стоянно росло, им предоставлялись лучшие земельные угодья, отбираемые у местного населения, тогда как коренные жители вынуждены были обрабатывать горные или предгорные наделы в куда менее удобных и выгодных для сезонного земледелия условиях. Переселенцы освобождались от ряда налогов, им предоставлялась всяческая защита, в том числе вооруженная, чего категорически не было у местных киргизов.

Постепенно исконные жители страны, как и народы всего Среднеазиатского региона, становились второсортными на своей собственной земле, что неизбежно усиливало социальное напряжение и провоцировало всевозможные бунты, протестные выступления и даже масштабные восстания. Пример — Андиканское восстание 1898 года, подавленное с крайней жестокостью и оставившее неизгладимый след в национальном самосознании узбеков и киргизов. В этом же ряду — антицарское восстание киргизов в 1916 году, закончившееся огромной национальной катастрофой и остановленное только благодаря Октябрьской революции.

Как пишет Турдакун Усубалиев, по переписи населения 1924 года численность киргизского населения на территории современного Кыргызстана немногим превышала 200 тысяч человек, а рейтинг его грамотности находился на наименьшем уровне. Этот показатель во многом отражал тот уровень жизни, который стал итогом прежних феодальных времен, кочевнического образа жизни, а также политики царской России. Результатом было и восстание 1916 года, закончившееся массовым бегством в Китай и гибелюю многих тысяч людей от пуль карателей, от голода и холода на высокогорных заснеженных перевалах, от болезней и эпидемий в Китае. Спасла восставших киргизов от окончательной и полной деградации, а может и этнического исчезновения, только власть большевиков во главе с В. И. Лениным.

Нужно особо сказать, что вопрос 1916 года был ключевым для Турдакуна Усубалиева. Под влиянием событий этого года он формировался как политик, как личность. Суть в том, что 1916 год доигрое время оставался плотно закрытым и необсуждаемым вопросом по причине своей фактологической сложности и эмоциональной взрывоопасности. Почему? Потому что речь шла не только о восстании против царской власти, но и о том, что всячески замалчивалось в советские годы — антагонизме между народами и религиями. Скрывалось и то, что восставшие убивали рус-

ских поселенцев и жгли построенные ими церкви, так и то, что правительственные войска в ответ массово истребляли мирных киргизов и казахов, выполняя прямой приказ своих командиров — наказать «инородцев» так, чтобы у них исчезло всякое желание бунтовать. Хотя Советская власть в первые свои годы активно взялась за этот вопрос и начала масштабный судебный процесс против подавлявших восстание царских генералов, после смерти Ленина было решено вывести эту неудобную тему из научного оборота, вычеркнуть из исторической повестки. Табу не было снято и во время правления страной Турдакуна Усубалиева, и он при всем желании не мог его снять, потому что решал такие вопросы исключительно Кремль.

Мне представляется, что тогдашние обитатели Кремля совершенно обоснованно осторегались публичного обсуждения этой темы. Она могла резко всколыхнуть умы, вызвать совершенно обоснованное недовольство граждан не только Кыргызстана и Казахстана, но и всей Средней Азии. Так и произошло, когда в годы перестройки и гласности тема так называемого Уркуна (таково киргизское название событий этого трагического года) просочилась в прессу, и местные журналисты и историки вынесли ее в заглавия громких газетно-журнальных публикаций. Для большинства граждан это было открытием, причем открытием крайне неприятным, возмутительным. И если в умах жителей региона возникли какие-то сомнения, подспудные сепаратистские тенденции, — а они были всегда, — то далеко не последнюю роль в этом сыграло именно публичное обсуждение восстания 1916 года и его многолетнего замалчивания.

Выяснилось, что вопрос этот как незаживающая рана таился в глубине души и такого верного сына партии, как Турдакун Усубалиев. Он, как и многие другие, не один раз высказывался об этих событиях в постсоветские годы. Обращает внимание то, что, будучи убежденным приверженцем огромного цивилизационного влияния русской культуры и русского народа на киргизов, он всегда очень жестко и категорически высказывался о событиях 1916 года. В 1991 году он написал большую статью «1916 год: страшная трагедия, но киргизский народ возродился как Феникс», которая приводится в приложении к этой книге. В ней Усубалиев решительно осуждает «дикий произвол царских карателей», описывает со слов очевидцев страдания киргизов, вынужденных бежать в Китай, где их ждали нищета, голод и рабство. В то же время он подчеркивает, что «за трагедию

1916 года не несут никакой ответственности ни трудовой русский народ, ни трудовой киргизский народ». В статье с полным основанием говорится, что ни царская власть, ни «демократическое» Временное правительство не сделали ничего, чтобы улучшить положение киргизского народа, чтобы помочь умирающим с голода беженцам вернуться домой. Это сделала только Советская власть.

Из этих высказываний можно понять, почему Усубалиев так сильно поверил в партию большевиков и идеи коммунизма, почему боготворил Ленина и совсем молодым решил вступить в ряды коммунистической партии. Представляет большой научный интерес и та информация, которую Усубалиев обнародовал в связи с восстанием и с той помощью, что оказывала киргизам Советская власть во главе с В. И. Лениным.

Действительно, Советское правительство с первых дней оказывало всевозможную помощь киргизам-беженцам. Сразу была образована чрезвычайная комиссия по делам о возвращении беженцев из Китая. Уже в августе 1918 года комиссия детально рассмотрела вопрос об условиях возвращения беженцев в пределы Семиречья и приняла постановление, имеющее для них исключительно важное значение. В этом документе была объявлена полная амнистия всем беженцам независимо от национальности и обещано оказание им всесторонней помощи.

Вслед за этим политическим актом, пишет Усубалиев, Советское правительство регулярно осуществляло практические меры по возвращению киргизов-беженцев из Китая, спасению их от голода и помочи в хозяйственном устройстве. В ноябре 1919 года Центральный комитет по борьбе с голодом рассматривает вопрос о крайне бедственном положении киргизов-беженцев, находящихся на китайской территории. В решении ЦК указано, что «страшный голод завладел беднейшим мусульманским населением, подчинил его себе и, верша его судьбу, отправлял и на тот свет, и в пределы Китая, в вечное рабство». Комитет по борьбе с голодом подчеркивал необходимость оказания немедленной помощи голодающим киргизам-беженцам в Китае и освобождения их от рабства. В этих целях было предложено образовать специальную комиссию из представителей Центрального исполнительного комитета, Комиссариата землемерия, Комиссариата иностранных дел, Комиссариата социального обеспечения и комитета голода. Такая комиссия была образована, и на нее было возложено решение та-

ких вопросов, как ведение переговоров с китайскими властями об освобождении киргизов-рабов, отправление их по освобождении на места своего жительства, восстановление их разоренных хозяйств.

Как пишет Усубалиев, в феврале 1920 года по указанию В. И. Ленина Советское правительство обязало ЦИК Туркестанской АССР, в которую тогда входила территория нынешнего Кыргызстана, осуществить следующие практические меры по оказанию помощи киргизам-беженцам:

«1. Принять все меры к тому, чтобы все мусульмане в Семиречинской области, которые вынуждены скрыться от жестоких царских усмирителей или вследствие национальной вражды в пределы Китая, либо в другие местности, могли бы в полной безопасности вернуться на свои старые места и спокойно пользоваться своими прежними землями и усадьбами. Всеми имеющимися в распоряжении Рабоче-Крестьянского правительства средствами прекратить в корне всякие действия, как целых национальных или классовых групп, так и отдельных эксплуататоров, направленных к продолжению прежних насилий над киргизским народом, особенно над возвращающимися в свои прежние места беженцами-киргизами.

2. Для проведения в жизнь настоящего декрета образовать особую комиссию Туркцика в составе председателя, членов и представителя от Турккомиссии, Особой Комиссии действовать согласно особой инструкции по устройству беженцев-киргизов.

3. Всем областным, уездно-городским, станичным, волостным, сельским и аульным ревкомам и исполкомам, а также военным властям на местах оказывать Особой Комиссии ТуркЦИКа самое широкое содействие, причем, за всякое противодействие работам Комиссии, неисполнения ее законных распоряжений или вмешательство в ее работу, виновные будут предаваться суду..

4. Выселить из домов, с усадебных участков и земельных владений, принадлежащих возвращающимся беженцам или насильно выдворенным с таковых царскими властями, всех незаконных владельцев и передать их прежним владельцам.

5. Оказать беженцам первую помощь деньгами, средствами передвижения, продовольствием, одеждой, обувью и т. п.

6. Выкупить за счет государства всех, находящихся за пределами края в кабале у местных эксплуататоров.

7. Принимать соответствующие меры к устранению существующей между киргизами, с одной стороны, и крестьянами и казаками — с другой, непримиримой вражды.

8. Организовать на местах союзы дехкан, коммунистические ячейки, группируя возвращающихся беженцев в отдельные айлы и волости, учреждать аильные и волостные исполнкомы*.

Этот декрет Советского правительства сыграл огромную роль в жизни беженцев-киргизов, причем, он неуклонно выполнялся.

Говоря о политических взглядах Турдакуна Усубалиева, нельзя обойти стороной очень важный вопрос: были нерусские области СССР некой колониями или нет? Ведь многие историки, публицисты, журналисты по сей день охотно прибегают к слову «колония», говоря о политике Советского Союза по отношению к республикам-сателлитам. Усубалиев категорически отказывался считать советские республики, в том числе и Киргицию, колониями — и он был прав. По существу, СССР представлял собой некую конфедерацию, союз республик с метрополией, в котором многиественные полномочия были делегированы в союзный центр, но остальные вопросы, в том числе административные, хозяйствственные, кадровые, в основном решались на месте.

На этот счет существует такое взвешенное высказывание первого Президента суверенного Кыргызстана Аскара Акаева, по мнению которого Советский Союз никогда не был империей в классическом понимании этого слова. «За годы советской власти республика превратилась в государство современного типа с развитой промышленностью и сельским хозяйством. Наше общество достигло высокого уровня образования, выросла и окрепла национальная интеллигенция. И если насаждавшаяся партией модель коммунистического будущего во многом осталась утопией, то общее советское прошлое дало нашему народу многое именно в деле современной консолидации общества, прогресса киргизской нации». Такой подход к пониманию политической природы СССР, по мнению Аскара Акаева, является и правильным, и справедливым**.

Вместе с тем, с категоричностью просоветских высказываний Первого секретаря ЦК КП Киргизии в отноше-

нии идеологии и национальной политики Советов нельзя во всем соглашаться. Что бы ни говорили adeptы СССР, но на совести коммунистов было слишком много крови и крайне неблаговидных дел. Успехи чередовались с многочисленными ошибками, пустым пафосом, запретами, манипуляцией общественным мнением, подавлением свободы и политических прав людей, о чём Усубалиев молчал. Кроме того, неоспоримый факт истории состоит в том, что коммунизм как социальную практику убили и довели до абсурда сами коммунисты, коммунисты эпохи Брежнева, Андропова и Черненко, перестройки и гласности. Это они довели советскую экономику до очевидного малоэффективного абсурда; повсеместно устроив дефицит и выстроив бесконечные очереди за элементарными вещами. Это они цитировали ранние работы Ильича, в том числе набросанные в спешке в импровизированном шалаше в Разливе, не ведая о том, что эпоха давно ушла вперед и надо что-то делать по новым схемам и моделям мировой экономики, а не забывать головы новых поколений давно устаревшими доктринами.

В то же время несправедливо было бы всех коммунистов подводить под один знаменатель и забывать то исторически большое и позитивное, что было сделано ими. Их созидательный порыв и преданность благородным идеям социализма не должны быть забыты и оболганы. Со временем распада СССР прошло уже почти четверть века, за это время пережито и испытано очень многое, но память о советской эпохе все равно остается. Кто-то хорошо сказал, что кто не сожалеет о распаде СССР, тот не имеет сердца, но кто хочет его вернуть и восстановить, не имеет головы.

Говоря о взглядах Усубалиева, нельзя обойти и вопрос о языках и их соотношении. В предыдущих главах говорилось, почему и как выросла роль русского языка в Кыргызстане, и в связи с этим подчеркивалось отношение к этому факту жизни и истории Турдакуна Усубалиева. Оно было, без сомнения, откровенно позитивным, даже сверх меры.

Я бы назвал период максимального благоприятствования языку Пушкина и Толстого в Киргизии усубалиевско-айтматовским. Если Усубалиев всячески способствовал доминированию этого языка на политическом, экономическом уровне, то Чингиз Айтматов, добившийся поразительного писательского признания и творческого успеха, стал живой рекламой русского языка. Эта реклама никого не оставила равнодушным к «великому и могучему», и

* <https://usubaliev.files.wordpress.com>

** Акаев А. Киргизская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2002. С. 47.

в конечном итоге Кыргызстан стал одним из самых русифицированных во всем большом Союзе. Айтматов вовсе не был единственным киргизом, пишущим на русском. Так называемых русскоязычных киргизских писателей к концу 1980-х было как минимум два десятка. Влияние Айтматова было огромным и за пределами Кыргызстана. Русскоязычных писателей в других республиках тоже было большое количество, и в этом не было ничего удивительного, имея в виду те возможности, которые сулил русский язык как язык литературного творчества, как язык, который понимали и знали все народы огромной советской империи. Такое было время, таков был конкретный историко-культурный контекст. И Усубалиев, и Айтматов были детьми своего времени, органическими порождениями своей эпохи. Нельзя забывать и то, что именно русский язык, наряду с другими факторами, стал одним из определяющих условий зарождения и последующего развития знаменитого киргизского «Серебряного века», или века Айтматова.

Говоря об отношении Турдакуна Усубалиева к русскому языку, было бы большой ошибкой и несправедливостью считать, что он прохладно или равнодушно относился к родному киргизскому. Конечно, это не так — об этом говорят опять же факты. Прежде всего, никаких запретов или ограничений на выпуск книг и журналов на киргизском языке категорически не было. Наоборот, у этих газет и журналов был такой огромный тираж, что их можно было прочитать везде, в каждом доме, в каждой библиотеке. В то время было очень модно подписываться на иллюстрированные журналы, и в каждом доме были какие-либо из этих изданий. То же самое было и с газетами. Вопрос был в другом — в достаточно убогом содержании, идеологической заданности и пропагандистской направленности этих изданий, выпускаемых огромными тиражами.

Если говорить о художественной литературе на киргизском языке, то достаточно сказать, что XX век был веком расцвета киргизской художественной культуры. Никогда раньше наша литература не достигала таких вершин, такого широкого международного признания, такого идеально-стилевого, жанрового, содержательного разнообразия и творческого взлета, как в ушедшем веке. Теоретики киргизской литературы это явление называют «ускоренным развитием», когда наша художественная словесность успешно, хотя и более спрессованно, сжато, с пропусками и скачками, «прошагала» основной маршрут всей мировой литературы,

турьи, так или иначе пробуя использовать наиболее известные, наиболее подходящие в данный исторический момент способы художественного отображения мира. Все это нашло отражение в нашей литературе, в которой было все: от литературных продуктов социалистического реализма, что было явлением закономерным и по-своему интересным, до проявлений модернизма и постмодернизма, от импрессионизма до экзистенциализма.

Об этом очень точно сказал в одной из своих статей Ч. Айтматов: «О движении времени мы можем судить по себе... Прежние, облетевшие весь мир, ставшие притчами XX века, сопоставительные сравнения того, что было до революции в Средней Азии и что стало после, буквально на наших глазах постепенно уступают место новым реалиям, новым формам анализа и измерения истории. Сегодня мы измеряем нашу реальность от достигнутого к достигнутому: как жили, трудились вчера, насколько ушли вперед сегодня, что предстоит совершить завтра...»*

Все это так. Но Усубалиев, как убежденный просоветский лидер, долгое время был противником того, чтобы объявить киргизский язык государственным на территории республики. Он был и против того, чтобы повсеместно вводить киргизский язык в официальный оборот, чтобы на нем производился документооборот. Нет, он не был против этого в принципе — он был против спешки и аврала в этом крайне тонком вопросе. Он был за постепенность, за внедрение на системной основе, подготовив для этого материальную, методическую, кадровую базу. Он боялся, что с вводом киргизского языка в официальный оборот произойдет постепенное вытеснение русскоязычного населения из Кыргызстана, что в итоге и произошло. «Не у одного меня, видимо, при чтении постановления правительства о немедленном введении киргизского языка в официальный оборот возникло чувство, что власти слишком спешат, выдавая желаемое за действительное. Хорошо еще, что вопрос был несколько смягчен тем, что введение началось не сразу по всей территории Кыргызстана, а поэтапно, с попыткой учесть национальный состав по регионам», — писал он в то время.

Надо ли говорить, что Турдакун Усубалиев был убежденным интернационалистом? Это проявлялось во всем: и

* Айтматов Ч. Статьи, выступления, диалоги, интервью. М., 1988. С. 195.

в языковом вопросе, и в кадровой политике, и в национальном вопросе. Достаточно прочитать его гневную статью «Ошскую трагедию 1990 года можно было предотвратить». В ней он писал и причинах и следствиях кровавой резни на юге Кыргызстана, подчеркивая, кстати, что такое никак не могло произойти в годы его правления в Кыргызстане.

Он был прав: в эпоху Усубалиева такое не могло произойти. Но после его ухода жизнь в стране быстро изменилась, перестроочные процессы разом вытащили наружу все кадровые, экономические, языковые проблемы нового времени. И все же главное было в другом: в перегибах в национальной политике. В потакании буйству улицы, крикам демагогов, призывам псевдодемократов. В итоге пролилась обильная кровь, был нанесен непоправимый ущерб межнациональным и межгосударственным отношениям. То же самое произошло и в 2010 году, когда власть в стране захватили националисты. Причина опять была той же самой, о чем писал Усубалиев. Уроки истории пошли абсолютно не впрок.

Он все время предупреждал власти первых лет независимости, в частности, Аскара Акаева, о том, что не надо торопиться с внедрением киргизского языка как государственного. По его убеждению, определение общественно-служебного положения некиргизских национальностей по их знанию киргизского языка было неразумной политикой. Он говорил, что установленный новой властью жесткий, «драконовский» срок для овладения киргизским языком «рассчитан только на то, чтобы русскоязычное население покинуло Кыргызстан. Это чревато тяжелейшими последствиями. Если русскоязычное население покинет Кыргызстан, то наши заводы и фабрики, а также строительное производство, где в основном работает русскоязычное население, парализуются. Поэтому не следует устанавливать жесткие сроки для некоренного населения по изучению киргизского языка. Для этого необходимо давать достаточное время»*.

Такие у него были взгляды. Но было бы большой ошибкой считать, что Турдакун Усубалиев никогда не менял свои убеждения. Менял — не только по вопросу языка, но и по другим ключевым вопросам политики и экономики. Взять тот же языковой вопрос. Он все-таки согласился с

* Усубалиев Т. Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем. Бишкек, 1996. С. 426.

тем, чтобы у киргизского языка был конституционно закрепленный государственный статус. Будучи убежденным государственником, он все время думал, как укрепить суверенный статус Кыргызстана, как развивать экономику, консолидировать многонациональный народ страны. Каким бы ни был болезненным для него распад СССР, он твердо стоял за независимость, за защиту национальных интересов Кыргызстана, который он любил безмерно.

Отдельно можно было бы анализировать его глубокие мысли и идеи по водному вопросу, который был и остается вопросом жизни и смерти для всего Центрально-Азиатского региона. Его хорошо известная статья «О межгосударственном использовании водных ресурсов Киргизской Республики», в основу которой положено выступление в парламенте Казахстана 5 мая 2002 года, — одна из самых экономически верных, рациональных по методике водораспределения и глубоких по философскому смыслу работ по водно-энергетической проблематике во всей Центральной Азии. Усубалиев много и долго занимался этим вопросом и мог считаться одним из лучших специалистов по этой проблематике.

Выше говорилось о том, как он был привязан к России, к русской культуре, литературе. Тем не менее он был абсолютно принципиален, когда речь шла о прощении Россией внешних долгов Кыргызстана. В связи с этим Усубалиев поставил вопрос о возвращении киргизской доли в золотом запасе России. Он считал нужным написать официальное письмо к Президенту Российской Федерации Борису Ельцину, в котором писал: «Наш народ считает, что Союз был ликвидирован в одночасье, без предупреждения обравивших его субъектов. Это привело к тому, что большим республикам от общесоюзного пирога, испекавшегося усилиями всех бывших советских народов на протяжении многих десятилетий, достались ломти побольше, пожирнее и послаже, а небольшим республикам — лишь его крохи. Не было объективной оценки и справедливого разделения общесоюзного экономического потенциала. Никто не может оспаривать участие всех республик в создании экономической мощи бывшего Союза. Кыргызстан, как и другие республики, вкладывал свои материальные ресурсы в освоение месторождений нефти и газа в Тюмень, Татарстане, Башкортостане, Туркменистане и Узбекистане, развитие Нечерноземья, строительство Байкало-Амурской железной дороги Российской Федерации, освоение целинных земель

УХОД С ТРОНА, ИЛИ КОНЕЦ ЭРЫ

О причинах тяжелейшего экономического кризиса в СССР 1980-х годов ныне выдвигают самые разные версии, предлагая как политические, так и экономические, даже конспирологические. Но одно бесспорно: постепенный закат советской державы был связан с целым рядом очень серьезных, в том числе системных, причин и факторов, которые привели страну к экономическому краху и внутреннему идеально-политическому и духовному разложению.

Одной из главных причин была усталость системы, отсталость, малоподвижность и неконкурентоспособность советской плановой экономики. Разумеется, изнурительная гонка вооружений, последствия холодной войны, затянувшейся на тридцать с лишним лет, начавшееся брожение умов в народе, замшелость подходов к вопросам экономики, к политическим и гражданским свободам не могли не сыграть свою катастрофическую роль. Что бы ни говорили апологеты СССР, но он действительно был страной бесконечных очередей и вечных дефицитов, унижавших человеческое достоинство. По-прежнему оставаясь экономическим гигантом, он неуклонно снижал темпы развития, хотя в плане вооружений, в том числе ракетно-ядерных, был настоящим милитаризованным монстром, которого опасались все в мире.

В 1980-е годы наступило достаточно сложное время для всей огромной страны по имени Советский Союз. Дело заключалось не только в том, что к власти постепенно приходили новые люди, иное поколение руководителей. Важнее было другое — приближалась смена эпох, развилка истории. Годы стабильного, уверенного роста во всех отраслях — от освоения космического пространства до ядерной физики, от оперы и балета до фигурного катания — остались позади, а советские люди все больше и открыто восхищались достижениями западного мира. Восхищались его очевидным динанизмом, его демократией, потребительским раем, технократическими успехами, и на таком фоне советское общество выглядело безнадежно отставшим и архаичным. Оно уже разлагалось изнутри — разлагалось прежде всего идеально. Наступили времена, когда историю двигали уже не лидеры и не руководители, а рядовые люди, особенно советская культурно-научная интеллигенция, все более открыто отдававшая свое предпочтение тем порядкам и нормам, по которым жили люди

на Западе. Это так или иначе сказывалось и на настроениях верхов.

Уже к началу этого десятилетия почти все образованные советские люди считали, что СССР — отсталая, отжившая свое страна, а многие уже фанатично верили, что на Западе лучше, а у нас в Союзе все плохо и неправильно. Так думали не только продвинутые круги советской интелигенции, но и молодежь, увлекавшаяся рок-н-роллом, читающая советский литературный андеграунд и книги советских диссидентов, слушающая так называемые «вражеские голоса», какими считались радио «Голос Америки», «Свобода», «Немецкая волна». Заметно изменились люди, менялись их представления о хорошей жизни. Что-то похожее на беспокойство и неуверенность нарастало в самом Кремле, начало безвозвратно уходить в прошлое все то привычное и знакомое, что сформировалось еще при Сталине. В 1980-е годы мало кто из думающих, информированных людей как в центре, так и на местах сомневался в том, что стране нужно обновление, необходимы серьезные реформы.

Так зародилась политика перестройки и гласности М. С. Горбачева. Она была не прихотью отдельного человека, пусть даже облеченного огромной личной властью, уверовавшего в возможность безболезненного изменения системы, но суммарным выражением пожеланий всего общества. Многие советские тайны, ошибки и преступления власти стали достоянием гласности, самым актуальным выражением того времени стало «Так жить нельзя». На страницах уважаемых газет эта тема открыто обсуждалась, и самые продвинутые и осведомленные журналисты и публицисты делали себе на этом громкое имя.

Это было настоящее брожение умов, и с годами оно только усиливалось. Поэтому Михаилом Горбачевым и его сторонниками, пришедшими к власти на этой волне после кончины одряхлевших душой и телом советских генсеков, руководило вполне здравое желание обновить страну, впустить некий свежий воздух, смягчить и либерализовать советский автократический режим. В результате общество оживилось как никогда. Все надеялись, что жизнь наладится и удастся возродить экономику. Но вернуть ситуацию, когда на каждый колхоз приходилось по 61 трактору и 13 зерноуборочных комбайнов в расчете на тысячу гектаров посевных площадей, так и не удалось. Все становилось только хуже. Без четкого плана и понимания цели реформы быстро превратились в неуправляемый рас-

пад единого политического и экономического организма великой державы.

Советский социализм, не созданный, увы, для реальной экономической конкуренции, в индустриальную эпоху по всем статьям проигрывал Западу, который, в свою очередь, в глазах советской либерально настроенной интеллигенции, в том числе и экономистов, выглядел как некий социально-политический идеал. Газеты и журналы захлестнуло мощное информационное цунами, которое открыто превозносило западные либеральные ценности и одновременно критиковало все стороны жизни Союза. Инициировался даже запрет КПСС, многие требовали покаяния партии за совершенные массовые репрессии, за гонения инакомыслящих: Если говорить образно, это были предсмертные судороги советской империи. Как говорили латиняне, *mori licet, cui vivere non placet* (можно умереть тому, кому не нравится жить).

В московских интеллектуальных кругах крепла убежденность, что национальные республики страны есть не что иное, как социальная обуза. Начались активные разговоры об их переходе на самофинансирование и о прекращении союзных дотаций. То, как освободить Россию от всего этого лишнего груза, было весьма активно обсуждаемой темой.

Как дело обстояло в Кыргызстане? В мемуарной, документальной и политологической литературе уже достаточно подробно, пусть и с некоторыми искажениями, описано, как при каких обстоятельствах началась демократизация Кыргызстана, как сменилась власть безальтернативно-партийная, то есть коммунистическая, на власть многопартийную, либеральную, демократическую, причем без всяких кавычек*.

Самым интересным было то, что именно Кыргызстан, несмотря на распространенное в 1980-е годы клише «забытая республика», оказался более восприимчивым к пер-

* Акаев А. Памятное десятилетие. Бишкек, 2002; Джумагулов А. Что отдано взамен. Бишкек, 2008; Шеримкулов М. Парламент независимого Кыргызстана. Бишкек, 1998; Чынгышев Т. Люди, годы, время. Бишкек, 2008; Эркебаев А. Приход к власти Аскара Акаева. Бишкек, 2003; Сааданбеков Дж. Моя жизнь. Бишкек, 2012; Ибраимов О. Испытание историей. Бишкек, 2008; его же. Киргизская одиссея: До и после империи. Бишкек, 2011; Абдырахманов Т. Киргизская Республика в период демократического транзита: власть и общество. Бишкек, 2009; Галиева З. Политическая трансформация суверенного Кыргызстана: динамика и особенности. Бишкек, 2007 и т. д.

менам, к демократическим процессам, чем другие республики Средней Азии. К сожалению, никто не проводил специальные исследования, но во многих демократических начинаниях Киргизия была намного активнее и решительнее всех наших соседей: и общественные движения здесь появились раньше, и покинувших партийные ряды коммунистов было больше, чем в других республиках, не говоря о зачастивших митингах, уличных формах протesta и т. д. Начало перестройки в Кыргызстане ознаменовалось тем, что Турдакуна Усубалиева, многолетнего Первого секретаря ЦК КП Киргизии, вынудили уйти в отставку. Это целая история, о которой стоит рассказать более подробно.

...Существует почти мистическое предание о том, что однажды прямо в рабочий кабинет Первого секретаря ЦК КП Киргизии влетела какая-то странная стайка птиц. Время было летнее, утреннее, и чиновники только начали погружаться в привычную работу. В том числе и глава республики, ни о чем не подозревавший и находившийся на своей ключевой должности почти четверть века. Одна из пернатых даже села на массивную люстру в центре огромного кабинета и философски осматривалась вокруг, поворачивая свою черно-бурую шею то туда, то сюда. Даже встретилась глазами с хозяином кабинета. И тот ни о чем дурном не подумал; не будучи, по всей видимости, поклонником мистических шедевров типа «Ворона» Эдгара Алана По или «Птиц» Альфреда Хичкока.

Внезапно эти птички в какой-то необъяснимой панике начали облетать кабинет, ища выход наружу. Говорят, что вначале сам хозяин кабинета попробовал было помочь запаниковавшим пернатым найти выход и вылететь через довольно большую форточку. Не получилось: птички еще больше занервничали и беспорядочно метались, натыкаясь на стены и книжные полки, забитые томами классиков марксизма-ленинизма и руководителей партии. Пришлось вызвать помощницу из приемной. Увидев в кабинете уже двоих людей, птички еще больше забеспокоились и начали биться об окна и потолок, теряя пух и перья и никак не успокаиваясь. Вызвали охрану, хозяину пришлось на время оставить кабинет... Пришли сотрудники, открыли окна и еле выпроводили обезумевших птиц.

Никто, включая самого Турдакуна Усубалиевича, конечно, не вспомнил бы про этот странный визит пернатых, если бы не начавшиеся после этого случая весьма серьезные неприятности в работе. А неприятности накладыва-

лись одна на другую. Над Первым быстро начали сгущаться тучи. И это при том, что не было видимых причин для критики из центра, тем более для того, чтобы поставить вопрос ребром — ведь дела в республике шли совсем неплохо и в сфере экономики, и на идеологическом фронте по сравнению с другими союзными республиками. К этому времени Усубалиев был уже многоопытным руководителем, признанным лидером, маститым партийным деятелем, входившим в Кремль, не запятнавшим себя никакими видимыми проявлениями коррупции, казнокрадства, любви к горячительным напиткам или какими-то амурными увлечениями, что было не чуждо многим большим руководителям. Обладая уникальной памятью и феноменальной работоспособностью, он был в курсе всех дел в республике, знал наизусть все цифры, знал персонально всех местных чиновников — от председателей колхозов до каждого депутата и министра. Он был во всем умерен, строг с подчиненными и в то же время спереди в чувствах и эмоциях. Как следствие всего этого, немного скучен, однообразен, даже утомительно монотонен. В этом смысле он никак не был исключением из общего ряда — такими или почти такими тогда были все лидеры от Лесника Брежнева до Андрея Громыко. Это были годы выработанного стиля советских руководителей как союзного, так и республиканского уровня.

Словом, вместе с помощниками в кабинет Усубалиева ворвалось беспокойство, начались самые неприятные и тревожные дни за все десяти годы стабильной и уверенной партийной карьеры. Потом кто-то вспомнил про такую народную примету: «Что было есть сразу птичку поймать, неспокойность ее клюв и сказать: «Другой никого!» Не догадаешься, не сделаешь...»

А Усубалиеву удалось сделать действительно очень многое, и все видели, что облик республики при нем неизменно изменялся. Но на уме у кремлевских деятелей было уже другое, партийные кадры хрущевско-брежневского времени мешали им, мешали спать...

Быть может, самое былое то, что его начали предлагать собственными кадрами, бывшими сотрудниками, которых он лично расставил на руководящих постах в республике высшего эшелона. С некоторыми он расходился во мнениях по тому или иному вопросу, но большинство удавалось согласить, внимая каждому слову Первого. И все-таки в последнее время он физически чувствовал, как партийные секретари, сидя в своих кабинетах, тихо созерцаясь с Москвой,

«подкидывают» информацию, помогают подготовить аргументы для смены республиканского руководства. Конечно, при этом каждый из них готовил место, прощупывал почву для себя, держа нос по ветру. В те дни Усубалиев не мог не вспомнить времена, когда он сам сменил Исхака Раззакова на этой должности — что имело место тогда и как действовали чиновники... Теперь история вновь повторялась, и этот неизбежный императив жизни и политики врасплох застал на сей раз его самого, Турдакуна Усубалиева, единолично рулившего Кыргызстаном в течение долгих двадцати пяти лет.

«Как только стал Горбачев генсеком», — писал Усубалиев, — сразу усилилось, причем открыто, его недобroе отношение ко мне. С первых дней это проявлялось даже в мелких вопросах. Я часто звонил и всегда разговаривал с Н. С. Хрущевым, Л. И. Брежневым, Ю. В. Андроповым, К. У. Черненко по тем или иным важным вопросам жизни республики. Когда я звонил, меня сразу соединяли с ними, если они заняты, то потом, когда появлялась у них возможность, сами вызывали меня на переговоры. Всегда я чувствовал их уважительное отношение ко мне, как руководителю суверенной союзной республики. Но Горбачев был не такой. Звонишь ему, и он трубку не берет сам, секретарь его отвечает: «Михаил Сергеевич очень занят». Я говорю: «Передайте Михаилу Сергеевичу о моем звонке и что я хотел переговорить с ним». Секретарь, конечно, не мог не передавать. Но он мне не звонил. Только после двух-трехкратной постоянной просьбы, причем через день-два три, иногда мне удавалось переговорить с ним. Я проработал с Горбачевым-генсеком восемь месяцев. Он все больше и больше становился чванливым, высокомерным.

Как только началось так называемое «узбекское дело» (в 1983 году), участились посещения и нашей республики московскими ревизорами. В 1983—1984—1985 годах по линии отделов ЦК КПСС, КПК при ЦК КПСС, Комитета народного контроля СССР, Союзной прокуратуры, Верховного Суда, ЦСУ СССР, Стройбанка, ВЦСПС и других союзных органов было проведено в республике более 50 проверок. Время проверки с участием 170 ответственных работников союзных органов общей сложностью заняло 580 дней. По их требованию в этих проверках участвовало еще большое количество республиканских ответственных работников и специалистов. Осуществлялись фронтальные проверки всех отраслей народного хозяйства, деятельности республикан-

ских министерств и ведомств, состояние партийно-организационной и идеологической работы. От московских ревизоров мы ничего не скрывали, ничего от них не прятали. Сами раскрывали, им на стол клали решения ЦК КП Киргизии и Правительства республики о том, какие недостатки и упущения покрывали мы сами в жизнедеятельности республики и какие меры были приняты по их устраниению и как эти решения выполняются. Московские проверки не обнаруживали каких-либо новых громких, чрезвычайных негативных проявлений. Но ревизоры продолжали копать и копать, искать очень нужные им факты нарушений в жизни республики. На все эти действия мы, в том числе я, смотрели спокойно, у нас не было оснований для волнения и связи с бесконечными московскими проверками. Но с чем мы не соглашались, не могли соглашаться и против чего выступали — это непомерно большое отвлечение сил партийных, советских и хозяйственных органов республики от выполнения заданий XI пятилетнего плана. Это тоже воспринималось Отделом оргпартработы ЦК КПСС очень болезненно, им усматривалось в этом какое-то грубое нарушение партийной дисциплины с моей стороны.

В 1982 году на секретариате ЦК КПСС был заслушан отчет ЦК Компартии Киргизии по такому важному вопросу, как деятельность ЦК, по увеличению производства товаров народного потребления и оказания бытовых услуг населению. Из Москвы приехала большая бригада, которую возглавляли руководящие работники некоторых отделов ЦК КПСС. Проверка продолжалась почти шесть месяцев, она отвлекла огромное количество работников от выполнения своих непосредственных обязанностей. Что поделаешь, надо подчиниться воле отделов ЦК КПСС. Иначе твое выражение обернется против тебя самого, будет занесено в досье, заведенное орготдельцами на тебя, как негативный факт, отрицательно характеризующий тебя же. В конце 1983 года снова получаю решение секретариата ЦК КПСС о вопросах, рассматриваемых на заседаниях секретариата ЦК КПСС в 1984 году. В числе этих вопросов предусмотрено заслушивание отчета ЦК Компартии Киргизии о состоянии идеологической работы в республике. Отчета я не боялся, но про себя размышлял: чем было вызвано такое почти систематическое заслушивание отчетов ЦК Компартии Киргизии на Секретариате ЦК КПСС?

Мы держали отчет перед ЦК КПСС и в 1976, и в 1982 годах. И раньше Секретариат ЦК КПСС дважды за-

слушивал отчет ЦК Компартии Киргизии. А теперь намечено заслушивать отчет ЦК в 1984 году, т. е. через год после последнего отчета ЦК Компартии Киргизии на Секретариате ЦК КПСС. А что случилось? Провалов в идеологической работе вроде не было. Такие вопросы задавал себе еще вот почему. Я знал, что многие ЦК Компартий республик в течение 10—15—20 лет ни разу ни по одному вопросу не отчитывались ни на Секретариате ни на Политбюро ЦК КПСС. Я позвонил зав. общим отделом ЦК КПСС и спросил: "Скажите, по чьей инициативе принято решение Секретариата ЦК КПСС о заслушивании отчета ЦК Компартии Киргизии о состоянии идеологической работы на Секретариате ЦК?" Он, конечно, не мог не дать ответ на мой вопрос. На это я имел право как член ЦК КПСС. Заведующий общим отделом сказал: "Это предложение секретаря ЦК КПСС Зимянина и отдела оргпартработы ЦК". Мне стало ясно, какую цель преследует отдел оргпартработы и Зимянин. Они решили основательно проучить меня, если не больше... Если удастся, то окончательно разделаться со мною. Это было ясно как божий день.

Я уже говорил о беседе со мною Генерального секретаря ЦК КПСС К. У. Черненко в конце ноября 1984 года, после празднования юбилея республики, после участия в работе очередного пленума ЦК КПСС и сессии Верховного Совета СССР. Я тогда информировал его о делах республики, высказал также свое желание уйти на пенсию. При этом я говорил, что первым секретарем ЦК работаю очень давно, хотел бы уступить эту высокую должность другому, более молодому партийному работнику по возрасту. Еще сказал: "За последнее время особенно после раскрытии 'узбекского хлопкового дела' союзные органы, отделы ЦК КПСС ведут беспрерывные проверки Киргизии, всех отраслей народного хозяйства, учреждений науки и культуры, органов здравоохранения, одним словом, ведется фронтальная проверка жизнедеятельности республики. Проверяющие что-то ищут, но пока ничего-то чрезвычайного не находят. Есть у нас недостатки, негативные факты, они в основном вскрыты самими республиканскими органами, и принимаются соответствующие меры по их устраниению. Мы не против проверок, но московские бригады отвлекают огромное количество местных работников от выполнения их прямых служебных обязанностей".

Константин Устинович спросил: "Как у вас здоровье?" "На здоровье пока не жалуюсь", — ответил я.

“Тогда продолжайте работать. У Политбюро ЦК пока нет намерения рассмотреть вопрос о перемещении вас. Во всяком случае вам надо завершить одиннадцатую пятилетку. Потом видно будет. Что касается различных проверок, то не следует вам опасаться их”.

В марте 1985 года скончался Константин Устинович Черненко, самый близкий человек Усубалиева среди членов Политбюро. Как только похоронили его, уже на второй день, как рассказывали Турдакуну Усубалиевичу коллеги в ЦК, с которыми он всегда тесно общался, в отделе оргпарработы ЦК КПСС начали формировать специальную большую бригаду для проверки деятельности ЦК Компартии Киргизии почти за 25 лет, то есть с момента избрания Усубалиева первым секретарем ЦК.

Через два месяца после апрельского пленума ЦК КПСС, сделавшего Генеральным секретарем М. С. Горбачева, эта бригада прибыла в республику. Она состояла из восьми ответственных работников отделов ЦК КПСС и 15 работников Прокуратуры СССР, МВД СССР, Минвуз СССР, АН СССР и других союзных органов. Бригаду возглавлял Г. Н. Киселев — бывший секретарь Магаданского обкома партии по идеологии, имевший многолетний опыт работы с «зэками», а позже работавший инспектором отдела оргпарработы. Этот человек в конце 1985 года отвечал за проведение «глубокой» проверки в Киргизии, при поддержке отдела оргпарработы ЦК стал вторым секретарем ЦК Компартии — московским «наместником» в Кыргызстане. Как хозяйничал этот «наместник», почему быстро покинул свою «губернию» и какой след оставил после себя — обо всем этом немало написано на страницах республиканских газет и журналов. Киселев и его группа применяли совершенно недозволенные, даже провокационные приемы проверки. Достаточно сказать, что Киселев и работники аппарата ЦК приглашали по одному всех бывших руководящих работников, которые за последние 25 лет были сняты с работы или наказаны за недостойные поступки. Они вели с ними так называемые «доверительные беседы», задавали самые различные, в том числе провокационные вопросы, настраивали их против первого секретаря ЦК. Всем им Киселев говорил: пишите как можно больше против нынешнего руководства, этим вы окажете большую помощь бригаде ЦК в выполнении ее миссии. Тех, кто проявит усердие, он обещал восстановить в прежних должностях или предоставить работу, равнозначную той, что они занимали.

Через полгода после отъезда комиссии в Москву, 2 ноября 1985 года, во Фрунзе открылся внеочередной пленум ЦК. Почти все, кто держал речь на пленуме, высказались очень критично по отношению к своему шефу. Видно было, что московские эмиссары хорошо поработали с местными кадрами, явившимися почти без исключения воспитанниками Усубалиева. Они прекрасно понимали, что идти против мнения центра — дело бесполезное, даже чреватое риском вообще выпасть из партийной руководящей обоймы. Поэтому никто особо не защищал Первого секретаря. Но были и те, кто сумел по возможности сдержанно высказатьсь о долгой руководящей деятельности киргизского лидера.

В этом духе выступил Апас Джумагулов, известный советский деятель, позже дважды премьер-министр республики, но в то время секретарь ЦК КП Киргизии по промышленности. Он, в частности, сказал: «Ради справедливости надо сказать, что по инициативе, при активном участии и руководстве товарища Усубалиева много сделано в развитии экономики и культуры. Он очень много, полезно и напряженно работает, не давая, как говорится, покоя ни себе, ни другим товарищам по работе. Больно и остро реагирует на негативные явления. Этим, возможно, и объясняется иногда принятие им самоличного решения. Много вопросов по ряду причин, на мой взгляд, и тогда, когда и не надо, вы берете на себя. Этим самым освобождаете лиц, которые должны за этот участок отвечать. И, естественно, тем самым у вас мало остается времени на решение крупных проблемных вопросов развития экономики, культуры республики. На мой взгляд, здесь кроются причины некоторых недостатков, упущений, послабления персональной ответственности отдельных членов бюро, руководящих работников правительства, центральных органов. Думаю, что все мы из всего этого сделаем правильные выводы...»

Будучи около шести лет секретарем ЦК, мне часто приходилось решать многие вопросы с товарищем Усубалиевым. Откровенно скажу, не так просто было, не всегда удавалось убедить по тому или иному вопросу или решить какой-либо вопрос, приходилось откладывать, возвращаться к нему через некоторое время, и, как правило, они всегда решались, на мой взгляд, правильно решались... Одно желание все же хотелось бы здесь высказать. Учитывая то, что почти все члены бюро намного моложе Вас, недавно работают в бюро, и то, что они не могут не учитывать Ваш богатый опыт, знания, трудолюбие, надо, чтобы от Вас было

заказчиком доброжелательного отношения, не было даже нечаянных упреков о том, что мы сами должны были бы сделать, работая там-то. Состав бюро должен откровенно выкладываться по всем обсуждаемым вопросам. Бюро должно работать творчески. Мы старались так работать. В этом некий упреки у товарища Усубалиева. Если это ошибочно так, то винить надо в этом в главной степени нас...

На одном кадровом вопросе хотел бы остановиться. К кадрам, работающим в промышленности, транспорте, связи, коммунальном строительстве при малейших проявлениях с их стороны какой-либо недисциплинированности, злоупотребления служебным положением секретариат и бюро ЦК применили самые решительные, строгие меры. Например, за злоупотребление служебным положением, недостатки в работе только за последние два-три года были сняты с работы министры Аблесов, Конурбаев, Сатаров, руководитель ведомства Сыдыков и другие. Какого-либо снисходительного отношения к кадрам мы старались не допускать».

Примерно в таком же духе выступил Аманбек Карыпкулов, в то время секретарь ЦК по идеологии. Однако ему за поддержку своего шефа пришлось расплатиться по полной — его не только сняли с работы, но предавали настоящему остракизму в виде зубодробительных публикаций в «Литературной газете», в местных газетах и журналах. Он смог реабилитироваться только после обретения независимости, уже в эпоху Аскара Акеба.

В общем, в истории ухода Усубалиева с высокой должности было всё — и предательство одних соратников, и беспорядочная защита других, и весьма драматичные последствия. Но снять его с должности было делом очень непростым: все-таки на проверяющих давил его руководящий стаж, личный авторитет, имидж уважаемого в народе, честного, неподкупного руководителя. Но кремлевским чиновникам все-таки удалось уговорить его оставить должность и уйти на «целевождённый отдых». С учетом этого на ноябрьском пленуме ЦК Компартии Киргизстана его проводили в отставку из всех партийных учреждений, благодарили за долгую и добросовестную службу. Прощение о добровольной отставке он написал сам и в чистой совести уехал в московский санаторий «Воробьевы горы» вместе с женой.

Но всё-таки, что это только первый этап «полного изгнания» от Усебалиева. Второй оказался поистине ужасающим и произошел через три месяца после его отставки. Это был специальный съездное бюро ЦК, состоявшееся 25 ян-

варя 1986 года. Бюро рассматривало только один вопрос — «О результатах проверки писем и критических выступлений коммунистов на XIII съезде Компартии Киргизии и втором пленуме ЦК о серьезных недостатках и ошибках в работе, злоупотреблении служебным положением бывшим первым секретарем ЦК Компартии Киргизии т. Усубалиевым Т. У., а также т.т. Макаренко В. А., Карыпкуловым А. К.». Карыпкулов, как уже говорилось, был секретарем по идеологии, а Вячеслав Александрович Макаренко — вторым секретарем ЦК, которого в декабре 1985 года сменил в должности Геннадий Киселев.

Зная, что многоопытного и с прекрасной памятью Усубалиева так просто не уничтожишь, целая бригада сотрудников трудилась с целью найти как можно больше компромата против теперь уже бывшего Первого секретаря. На бюро решено было атаковать его как можно агрессивнее, наглее и с разных сторон. Его обвинили, например, в том, что следовало бы похвалить — в перестройке центра Фрунзе, о которой уже рассказывалось выше. Обвинили за то, что для строительства правительственный зданий, действительно одетых в белый мрамор, и прекрасно оборудованного Музея Ленина он разрешил использовать деньги из партийной кассы. Конечно, нашли разные экономические, идеологические и другие причины, чтобы обвинение выглядело обоснованным и весомым.

Всего обвинение состояло из 23 пунктов. На все эти пункты всегда дотошный и любящий точности Усубалиев ответил, хоть и несколько позже, приводя цифры, факты, даже справки с мест. О чем они были? Они касались его детей, трудоустроенных якобы благодаря высокопоставленному отцу, касались местничества в подборе кадров, строительства дороги с твердой покрытой в его родном районе, «персонального лифта» в построенном при нем Доме правительства, почетных званий для его родственников, расширения жилплощади родной сестры и т. д. Как видно из перечисленных обвинений, многие из них выглядели мелкими, незначительными, притянутыми за уши, но никак не шокирующими — даже по тем советским временам. К тому же оказалось, что Усубалиев, как дотошный бюрократ, завел у себя дома целый архив, где имелись всевозможные справки, квитанции, копии писем, личных обращений, приказов и решений пленумов, даже автографы писателей, которые, кстати, бурно взялись критиковать Усубалиева после его ухода, но опозорились, когда Первый секретарь

положил на стол их непомерно льстивые, лицемерно-цветистые автографы на подаренных ему книгах.

Как потом он вспоминал, это было не обычное бюро, а настоящее линчевание. Выступления были агрессивными и беспощадными. Он не узнавал своих подчиненных, которых воспитывал и поднимал по карьерной лестнице до высот власти. Их как будто переделали или они вдруг стали другими по мановению какой-то волшебной палочки. Так закончились его спокойные дни новоиспеченного пенсионера. «Через дней 20 после отставки надо мною появилась темная туча, и она с каждым днем все больше сгущалась, — пишет Усубалиев. — Началась атака на меня. По всему было видно, что я как бы не вписался в “общереволюционную перестройку” Горбачева и горбачевцев. Повсюду в республиках обнаруживались всяческие нарушения со стороны первых лиц, а у Усубалиева... нет ничего?! Так рассуждали московские и местные опричники горбачевской перестройки. И тот же мой преемник — многолетний воспитанник А. Масалиев — и окружавшие его люди, которые только недавно с благодарностью на пленуме ЦК отмечали проделанную мною работу, теперь принялись искать на меня крамолу. Причем, они применяли самый коварный прием — наносили удар мне из темного угла, вдогонку, когда я уже оставил свой пост, был по существу, безоружным»*.

Действительно, члены бюро решили расправиться со своим бывшим боссом как с огром-великаном в известном мультике: коллективно, дружно, с распределением тематики и ролей. Это им действительно удалось. Усубалиева растоптали и унизили по полной программе. «За грубые ошибки» он был исключен из рядов КПСС, лишен партийного билета, который с гордостью носил с 20-летнего возраста. Даже после своей отставки, которая все-таки была добровольной, он не был готов к такому удару, тем более в спину, из-за угла. В результате он одномоментно стал для своей партии чужим, не входил ни в один высокий кабинет. Он попытался кому-то позвонить, узнать о чем-то, но никто не отвечал. Если и поднимали трубку, то спешили сразу же положить ее, не отвечая на вопрос.

Решив не сдаваться, он отправился в Москву, где начал работу XXVII съезд КПСС. Там он сразу нашел заведующего орготделом ЦК Разумовского и высказал свое недоумение по поводу критики, содержавшейся в политическом отчете

ЦК, подчеркивая при этом, что таких претензий никогда к нему не предъявлялось, в ЦК КПСС не имеется такого рода документов, никто из числа секретарей ЦК с ним по этому вопросу не разговаривал. Он убедительно просил передать Михаилу Сергеевичу, чтобы тот принял его по этому вопросу. Разумовский молчаливо, с присущим ему олимпийским спокойствием, как вспоминает Усубалиев, выслушал его и обещал проинформировать о просьбе Горбачева.

«После беседы я пошел к зам. зав. отделом ЦК Могильниченко и высказал ему свое недоумение по поводу критики, содержащейся в докладе. Могильниченко уклонился от серьезного разговора на эту тему, начал разговаривать со мной повышенным тоном, сказал, что критика якобы правильная, отдел может это доказать. И что именно об этом речь шла на только что прошедшем XVIII съезде Компартии Киргизии. Если так, возражал я, то почему раньше со мной на эту тему не разговаривали, когда я еще находился на посту первого секретаря? Это не обязательно, сказал он. У нас всегда накапливаются материалы, используемые в нужные моменты. Поразительно! Занимаясь более 40 лет партийной работой, я для себя открыл впервые, что собой представляет Отдел оргпрартработы ЦК КПСС. Его деятельность, оказывается, была похожа на деяния уголовного розыска НКВД. Именно этот отдел подтасчивал авторитет партии, его центральных руководящих органов в глазах коммунистов и общественности, используя неправомерные методы работы. Звонил два раза Разумовскому, но он не брал трубку, не желал разговаривать со мной. Я понял, что Разумовский ничего не сказал о моей просьбе Горбачеву».

И все-таки Усубалиев добрался до приемной Генерального секретаря. В разговоре с секретарем он настаивал, чтобы Михаил Сергеевич принял его хотя бы на несколько минут. Просидел в хорошо знакомой приемной минут 20, секретарь по звонку хозяина кабинета вошел внутрь и, выйдя через две минуты, сказал: «Я доложил о вашей просьбе, но он не может вас принять». Являясь почти 24 года членом ЦК КПСС, Усубалиев впервые ощутил такое унизительное отношение к себе со стороны нового генсека.

Как он потом вспоминал, после этого ему стало плохо. «Приехав в гостиницу “Москва”, по телефону обратился к лечащему врачу, который настоял на том, чтобы я срочно приехал на осмотр в поликлинику на улице им. Мичурина. Осмотрели меня врачи и решили госпитализировать, запретили идти на заседание съезда. Врачи мне помогли.

* Усубалиев Т. О нашем времени и о делах моей жизни. С. 527.

положил на стол их непомерно льстивые, лицемерно-цветистые автографы на подаренных ему книгах.

Как потом он вспоминал, это было не обычное бюро, а настояще линчевание. Выступления были агрессивными и беспощадными. Он не узнавал своих подчиненных, которых воспитывал и поднимал по карьерной лестнице до высот власти. Их как будто переделали или они вдруг стали другими по мановению какой-то волшебной палочки. Так закончились его спокойные дни новоиспеченного пенсионера. «Через дней 20 после отставки надо мною появилась темная туча, и она с каждым днем все больше гущалась», — пишет Усубалиев. — Началась атака на меня. По всему было видно, что я как бы не вписался в «общереволюционную перестройку» Горбачева и горбачевцев. Повсюду в республиках обнаруживались всяческие нарушения со стороны первых лиц, а у Усубалиева... нет ничего?! Так рассуждали московские и местные опричники горбачевской перестройки. И тот же мой преемник — многолетний воспитанник А. Масалиев — и окружавшие его люди, которые только недавно с благодарностью на пленуме ЦК отмечали проделанную мною работу, теперь принялись искать на меня крамолу. Причем, они применяли самый коварный прием — наносили удар мне из темного угла, вдогонку, когда я уже оставил свой пост, был по существу, безоружным»*.

Действительно, члены бюро решили расправиться со своим бывшим боссом как с огром-великаном в известном мультике: коллективно, дружно, с распределением тематики и ролей. Это им действительно удалось. Усубалиева растоптали и унизили по полной программе. «За грубые ошибки» он был исключен из рядов КПСС, лишен партийного билета, который с гордостью носил с 20-летнего возраста. Даже после своей отставки, которая все-таки была добровольной, он не был готов к такому удару, тем более в спину, из-за угла. В результате он одномоментно стал для своей партии чужим, не вхожим ни в один высокий кабинет. Он попытался кому-то позвонить, узнать о чем-то, но никто не отвечал. Если и поднимали трубку, то спешили сразу же положить ее, не отвечая на вопрос.

Решив не сдаваться, он отправился в Москву, где начал работу XXVII съезд КПСС. Там он сразу нашел заведующего орготделом ЦК Разумовского и высказал свое недоумение по поводу критики, содержавшейся в политическом отчете

ЦК, подчеркивая при этом, что таких претензий никогда к нему не предъявлялось, в ЦК КПСС не имеется такого рода документов, никто из числа секретарей ЦК с ним по этому вопросу не разговаривал. Он убедительно просил передать Михаилу Сергеевичу, чтобы тот принял его по этому вопросу. Разумовский молчаливо, с присущим ему олимпийским спокойствием, как вспоминает Усубалиев, выслушал его и обещал проинформировать о просьбе Горбачева.

«После беседы я пошел к зам. зав. отделом ЦК Могильниченко и высказал ему свое недоумение по поводу критики, содержащейся в докладе. Могильниченко уклонился от серьезного разговора на эту тему, начал разговаривать со мной повышенным тоном, сказал, что критика якобы правильная, отдел может это доказать. И что именно об этом речь шла на только что прошедшем XVIII съезде Компартии Киргизии. Если так, возражал я, то почему раньше со мной на эту тему не разговаривали, когда я еще находился на посту первого секретаря? Это не обязательно, сказал он. У нас всегда накапливаются материалы, используемые в нужные моменты. Поразительно! Занимаясь более 40 лет партийной работой, я для себя открыл впервые, что собой представляет Отдел оргпропаганды ЦК КПСС. Его деятельность, оказывается, была похожа на действия уголовного розыска НКВД. Именно этот отдел подтасчивал авторитет партии, его центральных руководящих органов в глазах коммунистов и общественности, используя неправомерные методы работы. Звонил два раза Разумовскому, но он не брал трубку, не желал разговаривать со мной. Я понял, что Разумовский ничего не сказал о моей просьбе Горбачеву».

И все-таки Усубалиев добрался до приемной Генерального секретаря. В разговоре с секретарем он настаивал, чтобы Михаил Сергеевич принял его хотя бы на несколько минут. Просидел в хорошо знакомой приемной минут 20, секретарь по звонку хозяина кабинета вошел внутрь и, выйдя через две минуты, сказал: «Я доложил о вашей просьбе, но он не может вас принять». Являясь почти 24 года членом ЦК КПСС, Усубалиев впервые ощущил такое унизительное отношение к себе со стороны нового генсека.

Как он потом вспоминал, после этого ему стало плохо. «Приехав в гостиницу «Москва», по телефону обратился к лечащему врачу, который настоял на том, чтобы я срочно приехал на осмотр в поликлинику на улице им. Мичурина. Осмотрели меня врачи и решили госпитализировать, запретили идти на заседание съезда. Врачи мне помогли.

* Усубалиев Т. О нашем времени и о делах моей жизни. С. 527.

В больнице оказалось немало таких, как я, бывших руководящих работников, уже испытавших тяжесть руки нового генсека. Мне было о чем подумать. Раньше я полагал, что аппарат ЦК — это исполнитель воли высшего руководства партии, которое мы, члены ЦК, единодушно искренне избирали. Я полагал, что будет строжайший спрос с аппарата, его работников в том случае, если они допустят необъективность, несправедливость в рассмотрении вопросов, связанных с деятельностью членов ЦК. Думал еще и о том, что просьбы, несогласия членов ЦК по тем или иным вопросам будут рассматриваться внимательно и объективно. Но я понял, что теперь, когда ты не у дел, на такое расчитывать наивно, твои прошлые дела не принимаются во внимание, ты уже никому не нужен, с тобой сделают все, что нужно для нового властелина в партии. Все же я решил бороться за установление истины, справедливости, готов был отстаивать свою честь и достоинство. Не сдаваться без боя аппаратчикам ЦК».

Выдержать все унижения и выстоять помогла семья, особенной Гульджаке Ниязалиевна Усубалиева. Конечно, разными способами ходили к нему его самые верные соратники, родственники, пытались поддержать в трудные дни. Самым неприятным событием было то, что умная и верная супруга перенесла инфаркт и в конечном счете болезнь свела ее в могилу. Это стало еще одним, может быть, крайне чувствительным ударом судьбы для теперь уже бывшего Первого секретаря ЦК.

Гульджаке Ниязалиевна оставила за собой прекрасный музей, который украшает исторический центр Бишкека и владеет богатой коллекцией работ и киргизской, русской и мировой живописи.

Дети Турдакуна Усубалиева все прекрасно понимали и старались не давать виду, как им тоже нелегко. Несмотря на разные слухи и измышления, дети Турдакуна Усубалиевича выросли людьми весьма скромными и воспитанными.

Старший сын Сыргак стал экономистом и работал на Киргизском горнорудном комбинате обычным сотрудником. Да, после развода Союза он сразу занялся бизнесом, что ему вполне удалось, потом все же решил вернуться в свой родной Горнорудный комбинат в том же качестве. Он любил свое место работы, любил своих коллег, да и знал свое дело прекрасно. Скончался в 2007 году и похоронен в Бишкеке...

Другой его сын, Эсенкул, пошел по стопам отца-гуманитария и получил диплом историка, окончив Киргиз-

ский государственный университет. После учебы он там же остался и в течение ряда лет преподавал, получил звание доцента, профессора, занимал должность проректора этого высшего учебного заведения, и это было верхом его карьеры. Вырастил двоих детей и в настоящее время живет в Бишкеке в статусе пенсионера.

Этот же вуз, тот же исторический факультет окончила младшая из детей Бермет и сразу пошла помочь матери Гульджаке Ниязалиевной, которая была директором Киргизского государственного музея изобразительных искусств имени Г. Айтиева в качестве рядовой сотрудницы. В настоящее время она является менеджером Союза художников Киргизстана и в силу своих возможностей старается помочь художникам, людям искусства и пользуется заслуженным уважением среди них.

Единственный из рода усубалиевых, кто в политике, это, пожалуй, внук Эрмек Усубалиев, который является депутатом Бишкекского городского Кенеша (Совета) и считается очень активным и деятельным его членом.

Все они унаследовали у отца-коммуниста его скромность в быту и нелюбовь к роскоши и излишествам. Это все заметили особенно после того, как дети новых президентов независимого Киргизстана почти мгновенно стали процветающими бизнесменами, а некоторые чуть ли не олигархами, обладателями самых выгодных торговых центров, промышленных предприятий, санаториев на берегу Иссык-Куля, а то и за пределами Киргизстана. По сравнению с ними усубалиевские дети выглядят скромнягами дальше некуда. Ни один из них не попал в газетные полосы, ни один из них не был замешан в каком-нибудь скандале.

ГОДЫ ПЕРЕСТРОЙКИ: ПРОЩАЙ, КОММУНИЗМ, ЗДРАВСТВУЙ, ГРУСТЬ!

Усубалиева сместили с должности, исключили из партии. Очень скоро его имя стало синонимом брежневского застоя, на него сваливали все негативное, что накопилось в Киргизстане за последние десятилетия. Ему припомнили гибель Султана Ибраимова, о которой говорилось в предыдущих главах, вытащили на свет его долгий идеологический диспут с Тугельбаем Сыдыкбековым, упомянули и про киргизский язык, якобы притесняемый по его вине.

Только зарождавшаяся в газетах и журналах республики необузданная гласность сделала опального Первого секретаря главной мишенью своих обличений.

Кое-кто из бывших соратников даже изобразил его в виде литературного героя — конечно, отрицательного. Примером этого стала уже упомянутая повесть бывшего помощника Усубалиева А. Иванова «Верхом на облаках». О чисто художественных достоинствах этого опуса не станем рассуждать, но возмущению теперь уже бывшего Первого секретаря, главного героя повести, не было предела. «Я не могу просто подобрать подходящих слов, — писал потом Турдакун Усубалиевич, — чтобы в полной мере выразить свое безмерное возмущение по поводу клеветнических измышлений Иванова и ему подобных о том, что я будто бы видел в покойном Султане Ибраимовиче Ибраимове своего “главного соперника”, “претендента” на занимаемый мною высокий пост первого секретаря ЦК Компартии Киргизии. Более кощунственного домысла, чем этот, нигде никому не удастся сыскать. От этой гнусной клеветы ничего не остается, если хотя бы бегло вспомнить о моем истинно человеческом, глубоко заботливом, и в то же время партийно-принципиальном отношении к Султану Ибраимовичу.

Пасквилянт чем дальше идет, тем больше наглеет, выдавая свое желание за действительное. Русскому читателю настойчиво внушается, что первый секретарь ЦК был чуть ли не националистом. В качестве доказательства он утверждает, что Первый секретарь “недолюбливал” людей в основном некоренной национальности. Это такие персонажи, как русский Разин — второй секретарь ЦК. Кременчук — Председатель КГБ, еврей — министр промстройматериалов, даже секретарша Зиночки, русская по национальности, и многие другие. В республике не было ни одного человека, который бы недоброжелательно относился к музею В. И. Ленина, его деятельности по пропаганде ленинского наследия, воспитанию населения на ленинских идеях. Но, к сожалению, нашелся один, которому не понравилось ни само здание музея, ни его экспозиция, ни проводимая там большая воспитательная работа. Таким человеком оказался А. Иванов. Опьяненный вседозволенностью, безответственной демократией и гласностью, он распоясался до того, что, нисколько не смущаясь, открыто провоцирует своего читателя на то, чтобы он разрушил здание музея и других социально-культурных объектов, превратил их в руины и т. п. Он выступает как подстрекатель и провокатор от

литературы. Это совершенно очевидно всем, кто читал его писанину. И разве он не должен нести за это не только моральную, но и иную, более серьезную ответственность?»
Между тем, истинная причина смешения Турдакуна Усубалиева заключалась все-таки в другом — он слишком надолго засиделся на высшей должности Киргизии. По сложившемуся стереотипу выходило: если человек долго занимает одну и ту же должность и уже в возрасте, то его следует менять. Справедливо ради нужно признать: люди действительно устали от него, как устали и от Леонида Ильича Брежнева, хотя тот вовсе не был самым плохим руководителем Советского Союза. Получилось то, что произошло и с Аскаром Акаевым — первым Президентом суверенного Кыргызстана, правившим страной почти 15 лет и именно этим фактом возбудившим в умах людей острое желание перемен, прихода новых лиц и т. д. Естественно, за долгие годы накапливаются различные мифы и слухи, появляется обычная психологическая усталость и тому подобное. В таких случаях всё негативное прямо связывается с первым руководителем, именно он становится фокусом всех обид и недовольств, которые всегда были и будут, и это решает всё.

Итак, Первый секретарь ушел. А вынужденный уход от верховной власти, особенно если эта власть длилась очень долго, бывает крайне болезненным — это известно всем. Правда, уход Усубалиева хотя и был шумным, крайне резонансным, но был, однако, менее болезненным, чем уход Раззакова — харизматического лидера Киргизии доусубалиевского периода. Усубалиева сняли с должности, исключили из партии, но не выдворили из страны, как в случае с Раззаковым, а оставили дома, в своей квартире, с семьей. Ему, не мыслящему себя без родной республики, от этого было немного легче.

Рассказывают совершенно дикий случай, когда во время одного мероприятия, куда каким-то образом приходил Турдакун Усубалиев, люди боялись к нему подойти, поздороваться и поговорить. Боялись потому, что это могло заметить новое руководство, и бывший лидер страны стоял один в центре холла, не зная, куда себя девать. Все остальные кучковались поодаль, шушукаясь и исподтишка подглядывая на него. Конечно, к нему домой по-прежнему ходили люди — родные, знакомые, те, кто его по-прежнему помнил и уважал, — но политическая его изоляция продолжилась практически до распада Советского Союза, до обретения суверенитета Кыргызстаном.

Это были трудные годы для него и для его умной и прелестной до конца жизни супруги. Ему, сброшенному с самой высокой должности республики, пришлось вместо прежней славы изведать позор и унижения. Самым тяжелым было то, что в прессе и среди интеллигенции сочинялись самые различные небылицы вокруг его личности, вплоть до того, что это он организовал убийства Султана Ибраимова, Бейше Мураталиева и других своих «соперников». Ему ставили в вину то, что преследовал и выдворил из Киргизии известного этнографа-киргизоведа С. М. Абрамзона, много сделавшего для изучения генезиса и этнической структуры коренного населения республики. Обвиняли его в травле и гонениях известного юриста-правоведа К. Нурбекова, однажды высказавшего мысль, что по существующей Конституции СССР любая республика вправе выйти из состава Союза. Да, юристу было непросто после того, как он ненароком высказал эту ересь, приведшую в шок руководящую партийно-советскую элиту, но факт заключается и в том, что он все так же продолжал работать в университете, а затем в Институте философии и права Академии наук республики.

Да, Турдакун Усубалиев был убежденным сторонником пропаганды русского языка как языка межнационального общения. Да, он немало сил и энергии отдавал тому, чтобы подчеркивать роль Советской власти в культурном и духовном возрождении киргизского народа, приводя разительные примеры того, в какой беспросветной темноте и убожестве пребывал наш народ до залпа «Авроры». Да, историческая наука никак не могла выйти за давящие рамки жестких идеологических ограничений, не было даже попыток нарушить запрет на упоминание целого ряда имен от легендарных Арстанбека и Калыгула (кстати, пррапрадеда самого Усубалиева) до первых лидеров советского Кыргызстана: К. Тыныстанова, Ю. Абдрахманова, Б. Исакеева и др. Была ли в этом личная вина Турдакуна Усубалиева? Думаю, что только отчасти. Так жила и в такой ситуации пребывала вся Советская страна. Если в самой Москве только в годы Горбачева удалось реабилитировать и опубликовать Розанова и Мережковского, Гроссмана и Шаламова, то что можно сказать о советских республиках-сателлитах? Ясно, что организовать гласность и перестройку в отдельно взятой республике не было никакой возможности даже теоретически.

Как-то раз Турдакун Усубалиевич рассказывал мне, что даже передвижения по республике он вынужден был

согласовывать с партийными чинами московской Старой площади. Отсюда видно, какой степенью свободы и самостоятельного принятия решений по идеологическим чувствительным вопросам он реально обладал.

Среди этих и других обвинений наиболее значимым представляется его политика в отношении русского языка. Бессспорно, он был убежденным сторонником массового изучения языка Пушкина и Толстого. В одном из интервью журналист спросил у него:

— Вы были одним из инициаторов введения русского языка в качестве языка межнационального общения. Остаетесь ли вы сторонником этой идеи?

На вопрос теперь уже бывший Первый секретарь ЦК ответил так:

— Да, действительно, я был одним из инициаторов введения русского языка в нашей республике и остаюсь сторонником этой идеи. Об огромной роли и значимости этого прекрасного языка в становлении киргизов, как нации, говорить нет необходимости. Благодаря русскому народу и великому русскому языку, языку великого Толстого и Достоевского, мы достигли такого уровня развития, когда нас узнал весь мир. Этого никак нельзя отрицать и забыть. Со временем русский язык займет такое же место, как занимает английский язык. Русский язык еще долго будет играть важную роль для нас, киргизов, и не только для нас. Только с его помощью мы можем познать достижения мировой культуры и связаться с внешним миром.

Его обвиняли в том, что он отдал Андижанское водохранилище Узбекистану, позволив соседней республике глубоко вторгнуться в территорию Кыргызстана. Вопрос, конечно, есть. Но это такой же вопрос, какой возникает в связи с Крымом. В период правления Никиты Хрущева Украине передали российскую территорию вместе с городом союзного подчинения Севастополем. Совершенно ясно, что Хрущев даже в мыслях не мог допустить, что когда-нибудь распадется СССР и Крым с Севастополем станут причиной нескончаемого раздора между самостийной Украиной и независимой Россией. С другой стороны, мне доподлинно известно, что речь о безвозмездной передаче никогда не шла — был и есть межреспубликанский договор о временном использовании Узбекистаном водохранилища (включая техническое и иное обслуживание объекта), построенного исключительно для экономических и народно-хозяйственных нужд соседней республики. К тому

же вопрос решался, понятное дело, не во Фрунзе и не под началом Усубалиева, а в Москве. Давно бы пора поднять этот вопрос, положить на стол существующие документы и определиться, как быть в дальнейшем с водохранилищем.

Усубалиева спасло одно: он был не из тех, кто быстро сдается и опускает руки. Он нашел в себе силы для борьбы, потому что считал себя чистым и перед своей партией, которая его так легко предала, и перед своим народом. А главное, перед Кыргызстаном, который был предметом его самых глубоких привязанностей и любви. И он сел за стол, взялся за перо, начал заново пересматривать архив, рыться в бумагах, которые он скопил за свою долгую политическую жизнь в огромном количестве. Так появились восемь пухлых томов, написанных им за эти годы.

Да, его всячески пытались предать забвению, не разрешив даже заниматься в музее Ленина, который был построен благодаря ему. Когда он просил дать хоть какую-нибудь работу, ему предложили работу... в приемной Общества охраны природы, от которой он, разумеется, отказался. Это было настоящей черной неблагодарностью и проявлением политического макутизма — он все-таки заслуживал намного лучшего к себе отношения. Но, увы, это было давней традицией самих коммунистов, установленной в эпоху Сталина и унаследованной брежневской застойной эпохой. Правда, в сталинские времена дела заканчивались гораздо хуже — на неугодных функционеров навешивались традиционные ярлыки «шпионов» западных разведок, «буржуазных националистов» и т. д. В таких случаях почти всегда слово имел «товарищ маузер», говоря по Маяковскому.

Либо таких людей поглощал бездонный ГУЛАГ — земная аналогия ада. Но после Никиты Хрущева, которого сместили решением обычного партийного пленума, ограничивались только полной изоляцией от общества. Это и произошло с Турдакуном Усубалиевым.

ВОССТАНОВЛЕНИЕ В ПАРТИИ: ПУТЬ В НИКУДА

Тем временем неутомимый и дотошный Усубалиев продолжал бороться за себя, за свою честь и достоинство. А это было очень и очень непросто, отнимало у него немало сил и терпения. У него не было доступа к документам, ждать помощи было не от кого. Но он все-таки сумел доказать

московским партийным верхам несправедливость исключения его из партии и свою невиновность. Восстановливать детали переписки с Москвой, перечислять тех чиновников Старой площади, с которыми ему пришлось общаться и войти в утомительную переписку, я не стану, потому что это довольно грустная и в то же время скучная история. «Я писал свои письма в полном одиночестве и только дочь Бермет, вынужденная перепечатывать их для меня, знает, сколько сил было вложено мною в каждое из них», — с горечью вспоминал об этих годах пенсионер Усубалиев.

Он писал письма и на имя Михаила Горбачева, тогда еще генсека КПСС, писал и председателю КПК при ЦК КПСС М. С. Соломенцеву. В своих очень обстоятельных письмах он многочисленными фактами доказывал несправедливость исключения его из рядов партии, просил, чтобы его, преданно служившего стране ветерана, восстановили в партии. Ответов не было. Несмотря на это, он был вынужден еще и еще раз писать Горбачеву обращения с апелляцией. В письмах, адресованных М. С. Соломенцеву, он повторял те же аргументы и жаловался на задержку своей апелляции. В одном из писем Горбачеву он написал: «Приближается 70-летие Великого Октября — всемирного исторического события. Был я в рядах партии 45 лет, почти все годы занимался активной трудовой, общественно-политической, хозяйственной деятельностью. Я обращаюсь к Вам, Михаил Сергеевич, ЦК КПСС с просьбой проявить ко мне доброжелательное, справедливое отношение и восстановить меня в рядах КПСС.

С глубоким уважением,
Т. У. Усубалиев.

20.08.1987 г.»

Наконец, его восстановили. Каких усилий и нервного напряжения стоило это Турдакуну Усубалиевичу, можно судить по тому, что за эти годы он совершенно поседел, хотя духом был крепок, как и прежде.

Сам по себе факт восстановления в партии, бесспорно, был событием, но в республике его обошли полным молчанием. Это как минимум означало, что все те обвинения, которые предъявили бывшему Первому его соратнику, были несправедливыми, а его исключение из партии — злоупотреблением. Моральная победа была за Усубалиевым. Он мог теперь ходить с поднятой головой и считать себя оправданным. Но все это ничего не изменило в личной жизни бывшего Первого секретаря ЦК. Не последовало никаких

звонков из киргизского Белого дома, как начали называть люди Дом правительства, построенный при Усубалиеве и дорого ему стоявший в смысле политической карьеры. Разумеется, не было никаких извинений со стороны нового руководства во главе с Абсаматом Масалиевым. Как писал потом Усубалиев, если бы его все-таки пригласили и по-человечески извинились, он бы это извинение принял. Но они понимали, что такое извинение — дело обострое, потому что вместе с извинением им пришлось бы признать свою вину, несправедливость своих решений.

Восстановившись в КПСС, Усубалиев вынужден был думать, как быть дальше: встать на учет, продолжать платить членские взносы, которые все равно продолжал платить, отправляя деньги по почте, и служить делу партии, которую считали «умом, честью и совестью эпохи»? Это был не менее тяжелый вопрос, чем мучительное восстановление в рядах партии. Забегая вперед, отметим: Усубалиев все-таки не стал ни платить взносы, ни ходить на партсобрания. Разваливающаяся на части, морально уничтоженная, отказавшаяся от своих социальных и моральных идеалов КПСС была уже не его партией. Что же до партийной организации Кыргызстана, возглавляемой А. Масалиевым, который так и не помог своему многолетнему шефу и ментору, он не прикипел к ней ни душой, ни умом. Все-таки боль, пережитая им за все годы полного и категоричного игнорирования его со стороны четверть века возглавляемой им партии, не прошла даром. То была слишком глубокая боль, слишком болезненная и незажившая рана. Он ждал звонка из главного штаба партии, из ЦК, но даже намека на это не было. Команду «игнорировать» никто не отменил.

Как следует из воспоминаний Усубалиева, предательство встречало его на каждом шагу. «Вернувшись из Москвы после восстановления меня в партии, я пошел в райком. Надеялся встретиться с первым секретарем, все-таки мой “случай” — это неординарный случай. Пошел сам, надеясь тем самым облегчить их задачу по возвращению меня в партию. К слову сказать, все эти годы я постоянно уплачивал членские партийные взносы, пересыпая их в райком по почте. И когда в республику позвонили из Москвы и сказали, чтобы мне выдали партийный билет, необходимости в этом не было: мой партийный билет был при мне. Но меня не приняли. Сказали: запишитесь через неделю. Но и через неделю не приняли. Потом сказали: зайдите через некоторое время, может быть, примет шеф. Тем самым мне

дали понять: не ходите сюда и не надейтесь, что вас примут. И это — райком партии! Тем самым было нарушено право коммуниста общаться с партийными руководителями. Конечно, я понимал, что не сам первый секретарь райкома принял такое решение... Ниточка тянулась в ЦК. Тогда я записался на прием к первому секретарю ЦК Компартии Киргизии Масалиеву. И что же? Полное молчание. В конце концов, принял секретарь ЦК, бывший председатель парткомиссии ЦК М. Шеримкулов.

Наша встреча состоялась в общественной приемной ЦК. Тем самым опять мне дали понять: вас принимают как рядового обычного посетителя ЦК и не больше. Ну что же, спасибо, как говорится, и на этом. Сказал о своем желании работать. О том, что мой опыт организаторской и идеологической работы может послужить республике. Они меня выслушали и огласили свое решение — идите секретарем к председателю Общества охраны природы... Разве это не издевательство? Хочешь работать — иди в секретариши... Я понимал, с кем имею дело. Спокойно сказал, что эта работа не для меня. Но других предложений для меня у них, разумеется, не было.

Тогда я сам назвал некоторые работы. В частности, попросил направить меня консультантом Фрунзенского филиала Центрального Музея В. И. Ленина на общественных началах. Я подчеркнул это: *на общественных началах*. Сказал также о том, что в силу моей практики музейное дело знаю очень хорошо. В свое время принимал участие в строительстве здания музея, подготовке ленинских и историко-партийных документов, других важных материалов. Участвовал в создании экспозиции музея*. Конечно же, ответ был отрицательным.

Гораздо позже в новом руководстве как будто проснулась совесть — если это можно назвать совестью. Было решено «трудоустроить» гранда киргизской политики рядовым сотрудником в республиканскую библиотеку, разумеется, без зарплаты. Говоря другими словами, намеренное, почти иезуитское унижение столь заслуженного человека продолжалось. Продолжалась и его терпеливая борьба за свое достоинство.

Это была очень грустная, горестная пора в биографии Турдакуна Усубалиева. Восстановление в партии ничуть не

* Усубалиев Т. Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем. Т. 2. С. 215.

изменило отношения к нему в обществе. Так называемая свободная пресса очень скоро в большинстве своем стала желтой. Усубалиев на личном опыте познал, что такое месть, что такое обыкновенная подлость. Проявление такой мстительности испытали не только он, но и его родственники, проживающие в том же Кочкорском районе, где он родился.

Но Усубалиев и в те годы не сразу порвал с коммунизмом, которому был предан столько лет. Возвращенный партбилет, стоивший ему столько нервов и переживаний, теперь вовсе потерял свой смысл — уходила эпоха. На его глазах произошел бесславный закат советского строя и идеологического коммунизма. С невероятной легкостью рухнул могучий прежде Советский Союз, который не смогли победить никакие внешние враги. Бывшие коммунистические лидеры начали покорение бастионов демократии и либеральной экономики. Они же возглавили суверенные республики, по воле судьбы оказавшись у руля во время распада Союза. Началась новая историческая эра. Бывшим гражданам СССР пришлось наблюдать, как вчерашие первые секретари эволюционируют в новых условиях и продемонстрируют самые поразительные метаморфозы — от средневековых диктаторов до воров и коррупционеров, каких не бывало прежде... Их в новых условиях буквально одолевали стяжательство, властолюбие и редкая даже на Востоке тяга к возвеличиванию самих себя. Чего стоит один только феномен Сапармурада Туркменбashi, от которого туркмены избавились только благодаря Всеевшнему.

Между тем, Турдакун Усубалиев в душе все-таки остался коммунистом. Но я не думаю, что при этом он потерял здравый рассудок и страдал идейным маразмом или коммунистическим фундаментализмом. Он оказался открыт новым идеям и не боялся реформ. Не стал проклинать, как иные его бывшие коллеги, день, когда Кыргызстан обрел независимость, но смотрел на вещи абсолютно трезво. Он понимал необходимость реформ, видел, что стране самой придется зарабатывать деньги, когда иссякли союзные дотации, рекой вливавшиеся в экономику в его время. Он все это прекрасно понимал, но ему было не по себе, когда весь смысл реформ видели в том, чтобы раздать совершенно не подготовленным для этого людям десятилетиями накопленное государственное добро, при этом не отработав всю производственную цепочку и правоотношения на новой основе. Как практик, как управленец, он не мог принять,

например, наступивший хаос в агропромышленном секторе, но уже не мог повлиять на «реформаторов-дарвинистов», вернувших страну в эпоху натурального хозяйства, а не рынка.

После ухода Турдакуна Усубалиевича с поста Первого секретаря ЦК КП Киргизии в мире произошли колossalные изменения. Они произошли в Кыргызстане. В СССР тогда началась экономическая стагнация в связи с падением цен на нефть на мировых рынках, поэтому и в Кыргызстане после Усубалиева лишь с большим трудом удавалось что-то строить, заниматься соцкультурой, худо или бедно продолжать намеченное. Потом упадок ускорился — неумелые реформаторы вместо перестройки ввергли народы Союза, как горько шутили тогда, в «перестрелку», в распад межреспубликанских экономических связей, созданных за десятилетия. Строить оказалось делом многотрудным, а вот разрушать — неимоверно легким... Это видел Усубалиев, это видели все.

Из-за экономического кризиса больше всех пострадали наука и культура. Например, популярный литературный еженедельник «Кыргызстан маданияты» («Культура Кыргызстана») сильно сократил тираж, а потом и закрылся еще в конце 1980-х годов. То же самое случилось и с литературно-художественным ежемесячником «Ала-Тоо», который был настоящим локомотивом национального литературного процесса. Пустовали театры, лишились государственных дотаций библиотеки, ежегодный ремонт школ все чаще срывался или не делался вообще. Появился дефицит таких банальных предметов быта, как шампунь или мыло. Все приходилось доставать из-под прилавка, по знакомству. Так Советская страна подходила к историческому рубежу 1990-х годов, изрядно расшатанная изнутри, потерявшая своих союзников по «социалистическому лагерю», с девальвированным «деревянным» рублем и фактически дезинтегрированной планово-командной экономикой.

Даже в такой ситуации никто не мог предположить, что ослабление, пусть даже символическое, партийного контроля в экономике и политике приведет в конце концов к кручу СССР. Коммунисты фундаменталистского толка попытались вернуть страну назад, устроив путч, а амбициозный Б. Н. Ельцин и его команда радикальных рыночников-западников, объявив государственную независимость России и отвернувшись от всех остальных республик Союза, в буквальном смысле слова пустили под откос огром-

ную страну, заодно разрушив десятилетиями сложившиеся экономические и культурные связи.

Усубалиев наблюдал, как самые авторитетные газеты и журналы Кыргызстана пестрели разоблачительными материалами о «белых пятнах» истории, как ведущие публицисты выступали с открытой или завуалированной критикой советской политической и экономической системы. Он видел, как все это привело к тому, что многие партийные руководители, творческие люди, рядовые интеллигенты всерьез задумывались о том, чтобы жить самостоятельно, не быть зависимым от Москвы. Мысль о создании собственного независимого государства в те времена перестала казаться настоящей ересью. Если раньше об этом и думать было страшно, то теперь эти мысли возникали сами по себе. Из недр советских республик вдруг возник национализм, тут же появились межэтнические трения, переходящие в серьезные конфликты. Задавали тон этим центробежным процессам прибалтийские республики, имевшие опыт независимого существования. Попытки силой подавлять уличные протесты в Прибалтике и Закавказье ни к чему не привели, а только усиливали отторжение республик от Москвы и ненависть к властям в Кремле.

Вспоминаю случай, который наилучшим образом характеризует этот период шатаний и разброда. Как-то раз, в конце 80-х, когда возможность раз渲ала СССР казалась не такой и жуткой фантазией и брожениями больного рассудка, мне приходилось всерьез спорить с одним пожилым товарищем с биографией партработника среднего звена. Спорили о следующем: а почему бы нам не отделиться от большого Союза и жить самостоятельно, раз не получается совместно жить? Он буквально вздрогнул, будто кто-то его уколол шилом, и просил меня об этом вообще не говорить и даже рассуждать вслух...

Я спросил: «А почему?»

Он сказал, что это будет самым худшим днем Кыргызстана, что кыргызы просто умрут из-за голода и отсутствия финансовых средств. Он так горячо и убежденно описывал этот кошмар, что мне стало не по себе, представляя, как жизнь тогда остановится в стране и люди будут голодать, имея при этом руки и головы...

«Почему вы думаете, что мы такие беспомощные и, извините, дураки?»

«Знаешь, я приведу один только пример, и ты поймешь, как ты в своей большой фантазии так далеко зашел».

«Ну, приведите».

«Ты хоть знаешь, что у нас нет ни одного кыргыза-сантехника, что если уедут русские, то некому будет ремонтировать наши туалеты, не говоря о машинах, и наши многоэтажки, дома и квартиры зальются элементарным говном. Где будем учить детей после школы? Ведь у нас только один университет, и то, каков он, ты знаешь не хуже меня!»

Я задумался. Он, безусловно, был прав. Мы все привыкли тогда думать, что только у русских золотые руки, технику понимают только они, только узбеки могут торговать; дунгане выращивать лук и чеснок, а мы умеем только быть мелкими чиновниками, хоть с маленьким, но с портфелем, с папочкой. Была боязнь, что если развалится страна, то все русские уедут в Россию.

Прошли годы. Ни Ельцин, ни Кравчук, ни Шушкевич не спросили нас, хотим ли мы раз渲ала СССР или нет, и очень красиво «освободились» от нас, выйдя из Союза. Бросили всех остальных и ушли. И вот 31 августа 1991 года пришлось объявить, что и Кыргызстан отныне суверенная, независимая страна...

Не стану описывать, как страна погрузилась в тот день в глубокое молчание. Стояла какая-то непонятная тишина. Никаких там криков «ура», у каждого была своя дума, а коммунисты открыто оплакивали исчезающий на глазах Союз, проклиная Горбачева с Ельциным.

Сказать, что было очень сложно и трудно, значит, ничего не сказать. Особенно без обильной союзной дотации, из-за отрезанных хозяйственных связей, не поступающих комплектующих, всего того, на чем строилась вся экономика советского Кыргызстана. Кажется, почти год не было регулярного, нормального рейса в Москву. Про Ленинград (ныне Санкт-Петербург) почти забыли. Не было самолета даже в Ташкент. Все республики, как улитки, замкнулись в себя.

Но все-таки два эпизода из моей жизни явно взбодрили меня. Я начал верить, что все-таки не погибнем, что кыргызы не такие беспомощные и бездарные, как описал тот бывший партработник. Первый эпизод как раз и был связан с вызовом сантехника в мой дом, где действительно заливало горячей водой и надо было что-то предпринимать. Вызвал по телефону. Пришли. Оба парня оказались кыргызами. Я чуть не отказал им войти в дом, но только из-за вежливости запустил. Решил понаблюдать, на что они способны. Но эти были настоящие мастера! Золотые руки без

преувеличения. Вот тогда и я им потом рассказал про то, что я думал о них и что говорил тот партработник про неминуемую сантехническую катастрофу в случае отделения от Союза. Ребята почему-то не смеялись...

Второй эпизод оказался намного серьезнее. В 2002 году, перед ооновским саммитом в Бишкеке по случаю Международного года гор, инициированного нами, надо было повесить огромную фреску народного художника Кыргызстана Дж. Кадыралиева в зале заседаний нашего Белого дома. До саммита оставалось всего три дня. Пришли все работники сцены и инженеры нашего оперного театра во главе с М. Шарафудиновым, выдающимся театральным художником страны. Огромную картину длиной в 25 метров и высотой 13, весом почти две тонны надо было повесить позади президиума, чтобы при этом на ней не было никаких «морщин» и была соответствующая подсветка. Но это оказалось задачей архисложной чисто технически. Чтобы не подвели со сроком и не повредили эту уникальную работу Дж. Кадыралиева, которого я считаю последним великим художником страны, я сам сидел в зале и внимательно наблюдал за работой.

К 3 часам утра повесили. Никаких морщин. Великолепная подсветка из боковин. Еще и обрамление из белой вуали по краям картины. То есть все было просто великолепно. Казалось бы, мелочь, не Ватерлоо и не Аустерлиц, но все-таки... Наши старания участники мирового саммита оценили по достоинству. А церемония открытия с приветственным словом Ч. Айтматова, который читал свой поэтический гениальный перевод «Заклинание сеятеля» из киргизского фольклора на русском языке на фоне кадыралиевской фрески, не могла не впечатлить.

...Можете себе представить, с каким великим наслаждением я видел и наблюдал изумление и благодарность гостей, особенно главы ЮНЕСКО Коичиро Матсуро, при виде всего — от великого Айтматова, его прекрасного чтения «Заклинания», артистов из «Акмарала», инсценировавших ритуал кыргызского благословения под роскошную музыку М. Бегалиева «Пробуждение», и до величественной картины Дж. Кадыралиева, создавшего свой эпос в красках на огромном полотнище.

Что до университетов, то их постепенно открылось множество, и мне приятно отметить, что появились и Киргизско-Российский славянский университет, и Киргизско-Турецкий университет «Манас», и Американский уни-

верситет Центральной Азии, Ошский технологический, Ошский медицинский, Нарынский, Джалаал-Абадский университеты и т. д. и т. п. Они ничуть не отстали от Киргизского национального университета, а некоторые намного опередили бывшего флагмана высшего образования по своему образовательному рейтингу.

Так преодолевался этот «туалетный страх».

Так появилась вера в будущее страны.

Начался процесс передела советских границ, пересмотр истории народов СССР. В ход пошли, как это было в Армении и Азербайджане, крупные научные силы, мерились силами именитые журналисты, историки, а потом и политики. Дело, как правило, заканчивалось этническими конфликтами, кровопролитием, а иногда и войной. Самым крупным и кровавым стал армяно-азербайджанский конфликт из-за Нагорного Карабаха, примерно такая же проблема возникла в Грузии с Абхазией и Южной Осетией, всех потрясли кровавые события в Фергане.

Такого рода конфликты не обошли и Кыргызстан. Узбекские сепаратисты вынашивали некий план автономизации с аппеляцией, разумеется, к истории, и создали свою организацию «Адолат», которая готовила длинный список требований к властям. Это стало известно общественности и создало крайне напряженную обстановку на юге страны. В конце мая 1990 года, а именно с 27-го по 31-е число, в городе Ош имели место кровавые столкновения между киргизами и узбеками из-за самовольного захвата молодежью киргизской национальности земельного участка площадью 32 гектара, который принадлежал колхозу имени Ленина Кара-Суйского района и прилегал к городу Ош. Этому воспротивились местные узбеки, которые из-за этого самозахвата остались без земельных наделов. Произошел конфликт, пролилась кровь, события затем перекинулись в город Узген с тем же результатом. Резня грозила распространиться на другие области Кыргызстана и Узбекистана, понадобились напряженные усилия властей и общественности двух стран, чтобы ее остановить.

Надо отметить и другое: печально знаменитая киргизская уличная демократия, которая всегда была предметом критики Турдакуна Усубалиева, фактически родилась на этом поле. Получив демократию и свободу слова и шествий,

страна вместе с ними получила и хаос. Сорвать аплодисменты у наивных и плохо информированных слушателей, стать героем в их глазах было делом совсем нетрудным, но утихомирить конфликтующих людей, восстановить мир и спокойствие, наладить отношения между братскими народами, извечно жившими на одной земле, было крайне трудной, изнурительной, подчас весьма рискованной работой.

Памятным оказался день 22 октября 1990 года, когда открылась сессия Верховного Совета Киргизской ССР, депутаты которого избирались в еще советское время. Но день был совершенно необычный, на улице митинговали люди, некоторые объявили голодовку, в руках демонстрантов были лозунги: «Мы за президентское правление!», «Свободу печати!», «Кто в ответе за ошские события?» и т. д.

Говорят, что история порой ведет себя как капризная женщина. То, что она именно такая, мы не раз убеждались на примере постсоветского Кыргызстана. Но в те октябрьские дни история действительно повела себя совсем уж своеобразно. По логике вещей, стать главой Кыргызстана должен был бы Абсамат Масалиев, преемник Усубалиева и первое лицо страны, либо председатель правительства Апас Джумагулов. Но власть не досталась ни первому, ни второму: первым президентом все еще советского Кыргызстана стал академик Аскар Акаев.

На глазах Усубалиева великая советская держава, любимая его страна, отживала свои последние дни. Всё это было удивительным делом, даже некой фантасмагорией, потому что, как уже говорилось, никто даже в мыслях не мог допустить, что столь мощная, немыслимо богатая природными ресурсами держава не сможет устоять перед лицом кризиса, перед лицом народов, которые захотели по-другому жить и по-другому вести свое хозяйство. Страна фактически стала неуправляемой, чему в огромной степени способствовало то, что каждая республика начала работать на себя, принимала выгодные для нее законы, не согласующиеся с общесоюзовыми и даже с Конституцией СССР. Таким образом была подготовлена благодатная почва для распада страны де-факто, а потом и де-юре.

О развале СССР как государства у Усубалиева было собственное мнение. Он считал, что развал Советского Союза начался с более чем странной политики Горбачева: «Союз был разрушен в одночасье, — писал позднее Турдакун Усубалиевич. — Все национальные республики замкнулись в своих национальных квартирах, несчастья, неимоверные

жизненные невзгоды, страдания, вражда рассыпались по всем национальным республикам. В годы горбачевской го-ре-перестройки многие российские политики добивались того, чтобы Россия перестала быть притягательной силой, объединяющей и сплачивающей вокруг себя другие национальные республики, как это было раньше на протяжении всего советского периода.

Россия все больше и больше поражалась центробежной тенденцией, отталкивала от себя национальные республики. Многие российские политики на страницах средств массовой информации через радио и телеканалы dennno и ношно внушали россиянам, что Россия будто бы стала дойной коровой (извините за это выражение, оно не мое), будто бы только она, Россия, кормила и кормит все национальные республики, не получая взамен от них ничего. Если Россия избавится от своих национальных «дармоедов», то она заживет здорово, быстро в полном достатке и богаче. Совершенно умалчивалось о том, что получала Россия от национальных республик».

По мысли Усубалиева, проповедь националистической политики сделала свое черное дело, сбила миллионы россиян с правильного пути, одурачила их. Шовинистская пропаганда вызвала цепную реакцию в национальных республиках. Национал-сепаратисты национальных республик развернули разнуданную националистическую пропаганду против России, заявляя, что Россия является якобы злой империей, что она будто бы грабит богатства нерусских народов. Советской Союз, будто бы ставший преемником царской империи, не оказывал национальным республикам существенной помощи в развитии их экономики, культуры, здравоохранения, образования, науки и повышении народного благосостояния, якобы подавлял национальные традиции, национальные языки, осуществлял русификацию нерусских народов и так далее и тому подобное.

«...Я задаюсь вопросом: могли ли Россия, другие национальные республики разойтись цивилизованно?» — спрашивал Усубалиев. И отвечал: — «Безусловно, могли, не подвергая свои народы страданиям и мучениям, следуя мировому опыту. А такой опыт есть в мировой практике... При цивилизованном решении наши народы не так страдали бы, как они сейчас страдают, испытывая невероятные жизненные невзгоды вследствие молниеносного разрушения экономических связей между бывшими советскими республиками — ныне независимыми государствами».

Интересно то, что многолетний лидер советского Кыргызстана в самом факте раздела колоссального богатства СССР видел огромную несправедливость. Он потом много раз сетовал на то, что при распаде Союза не было справедливого разделения общесоюзного экономического потенциала, созданного десятилетиями всеми союзными республиками. «Россия объявила себя преемницей семидесяти процентов общесоюзного богатства, — пишет Усубалиев. — С этим еще можно согласиться, учитывая огромную численность населения России и ее великое территориальное пространство. Но главная беда заключается в другом. При распаде Союза не принимались во внимание такие вопросы, как, например, тяжелые жизненные тяготы, которые вызовет мгновенный развал Союза, особенно для тех республик, которые еще не успели в полной мере ввести в народно-хозяйственный оборот свои минеральные ресурсы. Это объяснялось, прежде всего тем, что при Союзе была разработана и осуществлялась на протяжении многих десятилетий всесоюзная программа по разделению труда. В соответствии с этой программой развивалось народное хозяйство каждой республики с учетом наличия минерально-сырьевых и природных, а также трудовых ресурсов.

Например, Кыргызстан, как и другие республики, производил в первую очередь ту продукцию, которая необходима была для укрепления общесоюзного народно-хозяйственного комплекса. Кыргызстан никогда не стремился к тому, чтобы создать свое замкнутое хозяйство, имеющее множество отраслей, рассчитанных только на удовлетворение всех местных потребностей. Кыргызстан много давал Союзу и получал от Союза все то, чего сам не производил. Вместе с распадом Союза мгновенно была уничтожена существовавшая экономическая интеграция. Это поставило Кыргызстан в тяжелейшее экономическое положение».

Многое из того, что происходило в суверенном Кыргызстане, Турдакуну Усубалиеву не нравилось. Но он понимал, что его эпоха, эпоха советского социализма, уходит в прошлое. Как историк, как человек, изучавший Марксову диалектику, он прекрасно сознавал, что тут уже действуют законы большой истории, которые не зависят от желания отдельных личностей.

И все-таки новая реальность, несмотря на свой жестокий облик вновь нарождающегося дикого капитализма, отвлекала его от бесконечных душевных терзаний. В немалой степени потому, что в обществе достаточно быстро

появилось осознание важности определенных ценностей прошлого. Особенно стабильности — усубалиевской стабильности. Ведь тогда всё было тихо, размеренно, что-то строилось, что-то делалось, о чем-то бодро рапортовалось. А теперь всё остановилось. Новое, о чем говорили и уверяли новые власти, рождалось с огромным трудом.

С начала 1990-х годов реальная политическая картина в Кыргызстане резко поменялась. Первый секретарь Центрального комитета КП Киргизии А. Масалиев, вставший у руля республики после снятия с работы Усубалиева, придерживался весьма ортодоксальных взглядов, не решаясь даже на шаг отходить от «генеральной линии» партии. В отличие от первых секретарей других союзных республик, Масалиев был и оставался убежденным противником суверенизации республик. Он никак не хотел департизации власти, в то же время особо не горел желанием стать Президентом Кыргызстана, предпочитая быть только лидером партии и считая это достаточно почетной и благородной миссией. Но политическая атмосфера в республике накалялась, и стремительное падение авторитета компартии, сопровождаемое массовым выходом из нее, не давало большого шанса удержать бразды правления в прежнем формате.

Как вспоминает А. Джумагулов, премьер-министр правительства тех лет, республика в те дни буквально бурлила — ни до, ни после ничего похожего не было. Планка политической активности с демократическими требованиями поднялась на высший уровень. Последний съезд Компартии Киргизской ССР состоялся во Фрунзе 14—15 июня и 30 августа 1990 года, после чего партия фактически перестала существовать и выполнять свою руководящую роль.

Как показал общесоюзный референдум 1990 года, большинство населения СССР, в том числе советского Кыргызстана, не хотело отделяться от большого Союза, потому что в составе большой державы все чувствовали себя как-то безопаснее, защищеннее и т. д. Тем не менее Беловежские соглашения положили начало новой эры в истории народов Союза, да и в мировой истории в целом — произошел фактический распад СССР. Распад великой многонациональной державы, которая в течение 73 лет пыталась реализовать поистине великие, но утопические идеи и схемы, в которые свято верили не только марксисты-ленинисты, но еще Томас Мор и Кампанелла, Оуэн и Сен-Симон, не говоря об основателях марксизма-ленинизма.

Распад Советского Союза был неизбежностью и в то же время настоящей трагедией. Хорошо еще, что все обошлось без большой крови и затяжных войн за независимость, как бывает при крушении империй. Но всё это было определенно трагично, потому что за прошедшие годы люди и народы не на словах, а на деле объединились, жили и трудились вместе, были связаны и экономически, и духовно, деля общие радости и горести. Но остановить безудержную экономическую деградацию и, как следствие, ускорение центробежных политических процессов не смог никто. Теперь можно обвинять кого угодно и что угодно: Горбачева с Ельциным, заговор внутренних врагов, предательство советской «гнилой» интеллигенции, происки ЦРУ и т. д. Но ясно одно: сопротивляемость системы внешним и внутренним давлениям и вызовам оказалась на удивление слабой, а выживаемость — и того хуже. Так распалась великая страна, а с ней вместе были похоронены многие социальные иллюзии и надежды всего XX столетия.

Турдакун Усубалиев в эти постперестроечные годы жил как будто в новой, незнакомой ему среде, потому что конвульсии умирания системы и трудные роды чего-то совершенно нового по имени «киргизская демократия» происходили на его глазах. Но он не растерялся в этой драматической ситуации, поскольку видел за свою жизнь и нечто худшее — голодные 1920-е, тревожно-страшные 1930-е, годы военного лихолетья. Он понял, что матушка-история сошла с ума и творит что ей заблагорассудится. Относился к новым реалиям критически, но без категорического отрицания вводимых новшеств. Он был открыт новизне, и происходящее вдохнуло в него новый интерес к жизни, помогло обрести, как говорят люди спорта, второе дыхание. В 70 лет, когда даже самые активные и трудоспособные люди уходят на покой, он начал возвращение в большую политику.

Многие помнят такое почти гротескное зрелище: Усубалиев-парламентарий, живая история страны, дед, если не прадед, по возрасту, седой патриарх безвозвратно ушедшего прошлого, общается на равных с питомцами демократической весны, с Гаврошами бурлящих киргизских улиц, с «Катьками и Ваньками» из блоковых строк, но с бес покойной киргизской кочевой душой... Нельзя сказать, что все это очень нравилось Усубалиеву, но придало ему новую энергию, какое-то вдохновение, и он с головой ушел в омут новой киргизской политики.

Так он стал депутатом, публицистом, авторитетным ме муаристом и одновременно сильнейшим полемистом, который был остор на язык, блестяще знал факты и в то же время являлся убежденным сторонником нарождающейся киргизской государственности.

АКАЕВ И УСУБАЛИЕВ: ВОЗВРАЩЕННЫЙ СТАТУС

Как сказано выше, факт государственной независимости Киргызстана Турдакун Усубалиев воспринял без паники, но и без излишней экзальтации. Принял как реальность, с которой нужно считаться. Государственный деятель его уровня и опыта не мог не думать хотя бы мысленно о возможной независимости своей страны, представить, что будет, если капризная история вдруг задумает заварить такую кашу. Это и правда случилось — Союз ССР разбилася вдребезги в определенный день и час, как будто на него пала божья кара. КПСС тихо почила в бозе, как полностью обанкротившаяся политическая сила, ее место спешно заняли какие-то карликовые, бумажные партии, все члены которых, как выразился киргизский политик Феликс Куллов, не смогли бы заполнить один небольшой автобус. Резко сливавшая компартия с ее первыми и вторыми секретарями ушла в небытие, вызвав только смех и издевки, зато появилась очень звучная и грозная должность — Президент Республики Киргызстан. Им стал Аскар Акаев.

Прежде чем поговорить о взаимоотношениях Акаева и Усубалиева, необходимо хотя бы вкратце рассказать, каким человеком и политиком был Акаев, по воле судьбы ставший первым главой суверенного Киргызстана.

Он появился на политической арене в конце 1980-х и в начале 1990-х, когда республика стояла на пороге самых крутых изменений и перемен. 1990-й был годом кровавого межэтнического конфликта на юге республики и митинговых страстей в Бишкеке. Все эти события сильно повлияли на общественный климат в республике, ускорили политические процессы, которые еще пару лет тому назад находились в зародышевом, зачаточном состоянии. Поскольку общество жаждало новизны и демократических преобразований, все начали думать о том, кто бы мог взять на себя эту ношу и достойно выполнять миссию главы республики. Кроме того, достаточно остро стоял вопрос о

демократизации страны, о проведении политики, способной остановить общую деградацию экономики, скатывающейся по наклонной плоскости. Поэтому всем хотелось вдохнуть некий свежий воздух в страну и сменить режим. Это целая история, если вдаваться в детали и нюансы, но следует отметить, что первым в голову общественности пришло имя Чингиза Айтматова. Но знаменитый писатель, к его чести, категорически отказался быть Президентом Кыргызстана.

Так начался поиск подходящего претендента на президентскую должность, кучкование депутатов Верховного Совета, шушуканье регионалистов, групповщина и т. д. В итоге все остановились на кандидатуре академика Аскара Акаева, в то время президента Академии наук республики, математика-электронщика, уже четко обозначившегося на политическом небосклоне, будучи депутатом Верховного Совета СССР. Его уже знали как одного из первых публичных критиков А. Масалиева, как депутата, несколько раз весьма удачно выступившего с трибуны союзного парламента и тем самым обратившего на себя внимания. В целом время, когда Акаев впервые избирался Президентом страны простым большинством на Верховном Совете Киргизской ССР, было бурным, исторически переломным. Все жили в ожидании каких-то перемен. В такой ситуации общественный спрос на интеллектуалов и ученых, исповедующих так называемое «новое мышление» (модное политическое клише горбачевских перестроечных лет), был очень велик, и они были так же популярны и узнаваемы в народе, как артисты эстрады или кино.

Заняв 27 октября 1990 года должность Президента, академик Акаев был вынужден в буквальном смысле слова учиться всему: управлять страной, стать политиком, заниматься экономикой, проводить самые болезненные реформы, бороться за свою власть с помощью не только выборов, но и подковерных интриг. У него все это получалось — ведь он был типичным отличником, окончившим школу с золотой медалью, ленинградский технический вуз (ЛИТМО) с отличием, триумфально защитившим кандидатскую в том же Ленинграде, а в 36 лет ставшим там же доктором наук. В первое время, в первые годы президентства судьба ему особенно улыбалась, особенно в дни печально известного ГКЧП, когда Акаев один из первых поднял голос против госпереворота в Москве и встал на защиту законности и Конституции СССР.

Об этом эпизоде истории существуют воспоминания самого А. Акаева. «Мне, как Президенту, — пишет он, — нужно было определиться с собственным выбором. Осознав неконституционный характер действий ГКЧП, неясность вопроса о законном Президенте СССР М. С. Горбачеве, принял внутреннее решение не идти на сделку с совестью. Быстро было подготовлено “Обращение Президента к народу”. В нем решительно отмежевался от ГКЧП, заявив, что как Президент республики, избранный в соответствии с Конституцией и осуществляющий свою деятельность на основе Декларации о государственном суверенитете, буду проводить курс на укрепление гражданского мира и национального согласия и т. д. 21 августа в 3 часа ночи в средствах массовой информации было распространено Заявление Президента Республики Кыргызстан. В нем московскому путчу была дана оценка как антиконституционному перевороту. Я призвал мировое сообщество в лице ООН помочь в защите нашего суверенитета, подчеркнув, что “у нас нет никаких шансов противостоять армии, вооруженной танками и самолетами”».

Действительно, в те дни первый Президент страны показал себя как демократически настроенный лидер и смелый руководитель. Вышел указ «О передаче в собственность Республики Кыргызстан зданий, занимаемых аппаратом ЦК Компартии Кыргызстана и филиалом Центрального музея им. Ленина». Путч августа 1991 года сильно помог свести СССР в могилу, самими же коммунистами вырытую. Советские люди потеряли свою общую Родину, но столь же быстро обрели новую, ту, которую раньше называли «малой». Она стала теперь по-настоящему большой, одной-единственной. На глазах уходила одна эпоха, наступала другая: с новыми именами, с новыми «звездами» на небосклоне.

Новая, совершенно незнакомая историческая эпоха зарождалась и в нашем Кыргызстане. В республике происходили события, о которых пару лет тому назад и думать было немыслимо. Несмотря на малоприятное газетное клише советских лет, именно «неизвестный» Кыргызстан оказался наиболее готовым для восприятия реалий эпохи перемен и смелых демократических преобразований. Еще до Беловежских договоренностей он успел дважды провозгласить свой государственный суверенитет. Первый раз это случилось 15 декабря 1990 года, а потом 31 августа 1991 года, за целых четыре месяца до распада Союза.

С того дня началась совершенно новая история Кыргызстана, настоящая киргизская политическая одиссея. Но тогда никто и не предполагал, что стране предстоит пройти сложный политический и экономический путь, пережить годы радикальных реформ и демократических преобразований, оказаться на грани голода в 1992 году, переболеть всеми болезнями молодой зарождающейся демократии. Никто тогда не знал, что по Кыргызстану ударили, причем дважды, волна «цветных» революций, то бишь государственных переворотов, прокатившихся от Украины и Грузии до «островка демократии», как в 1990-е годы называли нашу страну в мире. Никто бы тогда не смог предвидеть, что в Кыргызстане будет иметь место все, что связано с государственными переворотами: массовая гибель людей, мародерство, незаконный передел собственности, люмпенизация и криминализация политики и т. д.

Ситуация в стране в начале президентства А. Акаева была катастрофической. Страна после распада Союза оказалась отрезанной от финансовых артерий и экономических связей. Заводы и фабрики быстро обанкротились из-за отсутствия комплектующих и приостановленных заказов — именно так Чубайс и Ельцин добивали ненавидимый ими Союз и его экономику. Но Кыргызстан сумел-таки выкрутиться, вовремя покинув засасывающий омут рублевой зоны и занявшиесь реформами. Именно Акаев убеждал всех, что скоро «будет очень хорошо», что нас ждет «участь» азиатской Швейцарии. Он с его командой реформаторов шаг за шагом приучил страну жить при демократии и незаметно внедрял рынок, пусть не самый совершенный. Заработав имидж самого большого либерала в странах СНГ, он сумел привлечь льготные кредиты и миллиардные гранты Запада для нашего «островка демократии» и таким путем спас страну от голода и распада в 1991—1993 годах.

Нельзя не отметить и другое. Это при Акаеве завертелась и на полную катушку заработала «фабрика» политических «звезд», появлению которых способствовала его либеральная политика. Он не убивал и не гноил в тюрьмах оппозиционеров, как это делалось в Туркменистане, не ликвидировал недовольных физически и морально, устраивая кровавые бойни, как в другой соседней стране, не сжигал заживо своих оппонентов, как К. Бакиев, а спорил с несогласными, сражался на политических ристалищах, как равный с равными, изначально признавая законность оппозиции и право ее представителей на публичную политику.

Аскар Акаев начал меняться, к сожалению, позже. О причинах этой политической метаморфозы и его трагическом падении можно было бы написать много, но признаки этого наблюдались уже тогда, когда суверенный Кыргызстан заключил инвестиционный договор по кумторскому золоту и когда прогремело дело о загадочном «красном портфеле». Это был тот момент, когда Аскар Акаев и Турдакун Усубалиев впервые столкнулись, и столкнулись очень хлестко. Речь идет о первом, но судьбоносном инвестиционном договоре по знаменитой киргизской «золотой горе» Кумтор. К сожалению, договор получился очевидно невыгодным для Кыргызстана, и дело попахивало явной коррупцией. Вопрос поднимали в парламенте, его активно обсуждали неправительственные организации, пресса.

К делу подключился и Усубалиев. «До нас дошла информация, что Кумтор уже продан, — писал он в те дни. — Соглашение подписано с фирмой “Камеко” через посредническую фирму “Сиабеко”. Меня это ввергает в недоумение. Когда мы просили информацию о Кумторе, нам говорили: “Кумтор — главное богатство Кыргызстана, и разработка этого месторождения будет последней в цепи других, менее ответственных месторождений”. Это было абсолютно верно. Потому что один только Кумтор, по приблизительным оценкам, стоит около пяти миллиардов долларов. Один только Кумтор может возродить Кыргызстан, создать инфраструктуру промышленности и самую многоотраслевую экономику. И правы были те люди, которые нам говорили: вначале освейте Талды-Булак и Джеруй, а потом только гигантский Кумтор».

Сказочная, но при этом реальная золотая гора Кумтор — часть не только экономической, но и политической истории постсоветского Кыргызстана. Это очень запутанная, полная недомолвок, открытого жульничества, предательств и обмана общественного мнения история. Кумторское золото несомненно подкосило авторитет первого президента страны Акаева, навсегда связав его с этой в целом очень грязной историей. Из-за Кумтора оказался под шквалом критики и президент № 2 К. Бакиев, потому что известный жулик Д. Усенов, ставший при нем премьером, совершил несколько сомнительных вояжей то в Москву, то в Стамбул для переговоров с канадцами, отдав им в итоге несколько тысяч гектаров золотоносной территории.

А в том далеком 1992 году именно первое инвестиционное соглашение с канадской компанией «Камеко» столкну-

ло Усубалиева с Акаевым. Под сомнение были поставлены, во-первых, добросовестность правительства в операциях с золотом, во-вторых, выгодность для республики сделки с канадской компанией «Камеко» по Кумтору. Если говорить о фактической стороне дела, то в 1992—1993 годах были отправлены в Швейцарию на аффинажную очистку первые партии добывшего золота. После получения швейцарского «знака качества» наше золото могло быть помещено там в банки с одновременным открытием кредитной линии. Получение зарубежных кредитов в то время было жизненно важным для Кыргызстана. Изучая детали, парламентская комиссия установила, что после переработки 1636 килограммов кумторского золота отмечена убыль в 1575 граммов, то есть меньше 0,1 процента. Это было обычное следствие технологического процесса по очистке золота и доведению его до высшей кондиции, но оно дало пищу для политического скандала. Парламент посчитал, что даже убыток в 1,5 кило чистого золота — ущерб для экономики страны. В конечном счете соглашение было пересмотрено и гласило: 67 процентов предприятия закреплено за государственной компанией «Киргизалтын» и 33 — за «Камеко».

В итоге «золотой скандал» не рассорил Усубалиева и Акаева — наоборот, произошло тесное сближение этих двух политиков. Главной причиной стала, на мой личный взгляд, симпатия первого президента страны к Турдакуну Усубалиеву, как человеку заслуженному и внесшему огромный вклад в развитие страны, а также высокая оценка деятельности Аскара Акаева со стороны бывшего главы советского Кыргызстана. Первый президент страны очень хотел, чтобы связь между поколениями не прервалась, чтобы воздать должное всем, кто внес свой посильный вклад в развитие республики, справедливо считая, что именно их труд лежит в основе новой кыргызской государственности Кыргызстана.

Вообще новые времена с их свободой слова и максимальным либерализмом предоставили ему прекрасную возможность в полной мере раскрыться Турдакуну Усубалиеву как талантливому публицисту и историку. Эта же свобода помогла ему расквитаться со всеми противниками, прежде всего с нелюбимыми им «горбачевцами», как он называл новое партийное руководство Кыргызстана после себя. Кстати говоря, он очень уважительно писал почти о всех советских руководителях как ленинской эпохи, так и сталинской, включая Никиту Хрущева, Леонида Брежнева,

Алексея Косыгина и даже престарелого Константина Черненко, с которым у него были особо теплые отношения.

Он в эти годы очень много писал, причем на разные темы: от ответов распоясавшимся недругам до разъяснения тех или иных решений, принятых в его время, во времена СССР. А таких вопросов было очень много. Но свобода слова, кроме блага выговориться и высказаться, несла с собой и вирусы медийной «желтизны», самой обычной вседозволенности, страсти к «жареным» фактам. Дело в том, что для определенной части журналистов и нового поколения политиков Усубалиев представлялся неким символом советского тоталитарного прошлого, человеком, с которым было связано много тех событий, которые еще живо обсуждались и вызывали острую критику и споры в прессе. Для желтой прессы этот седой патриарх был темой самых разных инсинуаций, непроверенных, а то и откровенно клеветнических нападок, а заодно с ними и громких ярлыков. И «новый» Усубалиев 1990-х решил бороться с новыми противниками засучив рукава. Тут-то все и узнали, какой он все-таки сильный polemист и обстоятельный аналитик, а также публицист.

При этом нужно особо отметить то, что он нашел в себе мудрость и дальновидность призывать не вернуться к Советскому Союзу, к социализму, а идти вперед, и давал мощный отпор тем, кто продолжал его критиковать за прошлые дела, особенно за решения в области языкового строительства, за кадровую политику. Нельзя было сказать, что он во всем был убедителен и прав, но его аргументации, доводы и мощная фактология не могли не впечатлять.

Да, он был сугубо советским человеком с его убеждениями и ценностями. Он, например, был глубоко убежден, что советский период сыграл огромную роль в жизни народа Кыргызстана. «Этот период — неотделимая часть истории Киргизского государства, — писал он. — Из этого периода надо взять на вооружение все позитивное и полезное, что помогает нам идти вперед, совершенствовать наше общество. Это закономерное явление. Без прошлого нет настоящего, и будущее основывается на настоящем». Как можно было не согласиться с такой логикой?

Как видно из этих слов, Усубалиев ни в коем случае не был против нового, в том числе и независимого Киргизского государства, но он считал необходимым не отказываться от собственной истории, не перечеркивать заслуги предшественников, ибо отрицание прошлого лишило бы страну главной ценности любого общества — морали, которая

является важнейшей составляющей любого государства. Имморализм в политике и политический манкуризм для него были абсолютно неприемлемы, и от этой позиции он никогда не отклонялся.

В этой связи вспоминается один эпизод в жизни Киргизстана 1990-х годов, когда межреспубликанские связи фактически были уничтожены и каждое новое государственное образование на просторах бывшего СССР считало возможным думать только о собственных интересах, игнорируя интересы других стран. Дело касалось распределения водных ресурсов Средней Азии, где доля Киргизстана была если не решающей, то одной из главных, ибо из более 51 млрд кубометров поверхностной пресной воды сама республика использует только 20 процентов, а остальная часть стока идет на орошение земель Узбекистана, Казахстана, Таджикистана и Китая. Так, эту ситуацию местные киргизские политики считали несправедливой и решили требовать от всех без исключения соседей денежную компенсацию за стоки. Некоторые депутаты- популисты категорически требовали, чтобы соседние республики платили за воду, притекающую из Киргизстана, видя в этом новый источник прибыли. А это было настоящей бомбой, способной взорвать десятилетиями сложившиеся экономические, культурные и прочие связи.

Но Усубалиев думал иначе. Он считал, что во всех решениях нужно иметь в виду интересы соседей. Благополучный сосед — лучший сосед, считал Усубалиев. Поэтому он не уставал призывать новое руководство к сотрудничеству с соседними государствами в водно-энергетическом вопросе, рассматривая тесные добрососедские отношения важнейшим императивом строительства независимого государства. Надо отметить, что бывший киргизский лидер был одним из крупнейших знатоков водных дел всей Центральной Азии, ибо ему приходилось заниматься этой важнейшей отраслью жизнеобеспечения всего региона практически всю сознательную жизнь. Во время правления республикой Исхака Раззакова, а потом и Турдакуна Усубалиева Киргизстан превратился в крупнейшего поставщика гидроэнергетики в регионе, в водный резервуар благодаря строительству целого ряда водохранилищ, гидроэлектростанций, самой мощной из которых является Токтогульская ГЭС.

Именно Турдакун Усубалиев впервые правильно и обоснованно определил, за все ли природные стоки или за определенные услуги водообеспечения соседей Киргиз-

стан вправе требовать денег. Позже он вспоминал: «Я немало лет отдал работе в высших органах власти Киргизстана. Без ложной скромности могу сказать, что досконально знаю многие жизненно важные проблемы нашего государства, которыми надо заниматься, знаю методы и пути их решения. Например, проблема межгосударственного использования водных ресурсов. Киргизстан богат пресноводными ресурсами. На его территории в советское время построены крупные межреспубликанские водохранилища. Всем хорошо известно, что нашими водными ресурсами орошается поля соседнего Узбекистана. И совершенно бесплатно. В то же время наша республика платит за узбекский газ. Много лет ведутся межреспубликанские дискуссии о рациональном использовании водно-энергетических ресурсов Киргизстана. Наша позиция — за воду надо платить. Эта позиция основана на международной практике, опыте многих зарубежных стран. Плату требуем не за всю воду, которая течет с нашей территории на территории соседних государств, а за ту воду, которую накапливаем в наших водохранилищах и затем подаем соседним государствам-водопотребителям. К сожалению, далеко не всегда удается достичь понимания соседних государств в этом вопросе. Это очень серьезная проблема». Чтобы вопрос решался на обоюдной, согласованной основе, Усубалиев публично обратился к главам среднеазиатских государств с письмом от собственного имени, что возымело определенное воздействие. Самое главное, бывший Первый секретарь приводил цифры, документы, из которых следовало, что гигантские гидро сооружения Киргизстана во главе с Токтогульской ГЭС строились во благо и соседних стран.

Усубалиев на фактической основе доказывал, что эта ГЭС — одновременно и огромное водохранилище с полным объемом в 19,5 млрд кубометров, что значительно повысило водообеспечение потребителей в бассейне реки Сырдарьи, увеличило урожайность хлопка и других сельскохозяйственных культур в Узбекистане и Казахстане. Гидроузел обеспечил в этих республиках увеличение площадей орошаемых земель на 400 тысяч гектаров и повысил обеспеченность поливной водой с 70 до 90 процентов еще на площади более 918 тысяч гектаров. По оценкам Ташкентского научно-исследовательского проектного института «Гидро-проект», экономический эффект Токтогульского гидроузла с 1975 по 1991 год составил до 17 млрд советских рублей, а в целом за годы эксплуатации Орто-Токойского, Киров-

ского, Токтогульского водохранилища и других киргизских ирригационных сооружений Узбекистан и Казахстан получили чистой прибыли на 7,6 млрд долларов США. Это были слишком весомые аргументы для того, чтобы перевести межгосударственные переговоры в практическую плоскость. Тогда к мнению патриарха все-таки прислушались, и в настоящее время по этому вопросу имеется определенный политический консенсус, хотя считать, что проблема полностью решена, рановато.

К числу больших заслуг бывшего Первого секретаря ЦК Киргизии следует отнести и то, что он впервые в республике привлек внимание к ледникам, к снежным покровам гор Тянь-Шаня и Памира, считая их «кладовыми гор и бесценным богатством человечества». Это сейчас экологи и гидрологи целыми отрядами штурмуют ледники всего мира, включая Арктику и Антарктику, но в то время ледники и заснеженные вершины многим представлялись некой отвлеченной от жизни романтикой, которой увлекаются поэты и мечтатели, но не серьезные люди.

Все это знал и понимал Аскар Акаев. И он принял совершенно справедливое решение присвоить бывшему Первому секретарю ЦК КП Киргизии высшим отличием республики — Героя Кыргызской Республики и наградить орденом «Акшумкар». Так он вернул ветерану киргизской политики его заслуженный статус и полностью его реабилитировал.

«МНЕ ОТМЩЕНИЕ, И АЗ ВОЗДАМ». ПОСЛЕДНИЕ ДЕБАТЫ

Как отмечалось в предыдущих разделах, Турдаун Усубалиев после своей отставки ни на минуту не оставлял работу по восстановлению всей правды о своей работе в качестве первого руководителя республики. Это было весьма впечатляюще даже внешне. Он выпустил восемь объемистых томов анализов и воспоминаний, где содержался и подробный анализ экономики и социальной жизни того периода, когда он возглавлял Кыргызстан. Вместе с тем он продолжал жить проблемами республики, радовался, видя успехи, но горевал, негодовал, критиковал публично, если допускались ошибки.

Основным предметом его самых сильных переживаний и глубоких размышлений был все-таки развал Советского Союза. Именно в этом вопросе проскальзывало то, что

он все равно всеми своими фибрками и самыми тонкими струнами своей души был и остался человеком советским, сыном своей эпохи. Он совершенно закономерно и справедливо считал, что в могуществе этой державы есть и его посильный труд и заслуги, что с историей СССР связаны лучшие годы и его собственной жизни, и жизни того народа, которому он принадлежал.

Только Великий Октябрь 1917 года, считал он, только советский строй дали киргизам свою государственность. И приводил аргументы. Одним из них было то, что в первые же дни существования Советской власти Советское правительство опубликовало «Декларацию прав народов России». В ней были провозглашены важнейшие принципы национальной политики новой власти:

1. Равенство и суверенность народов России.
2. Право народов России на свободное самоопределение, вплоть до отделения и образования самостоятельного государства.
3. Отмена всех и всяких национальных и национально-религиозных привилегий и ограничений.

4. Свободное развитие национальных меньшинств и этнических групп, населяющих территорию России.

Национально-государственное размежевание Средней Азии было осуществлено в 1924 году. Благодаря этому разорванные, разобщенные части киргизского народа были воссоединены в единое союзное государство, которое стало важным гарантом его быстрого социально-экономического и культурного развития.

К сожалению, в усубалиевском разборе причин распада Союза основное место занимали не анализ системных, идеологических причин произошедшего, но одностороннее обвинение во всем Михаила Горбачева и его команды. Даже Бориса Ельцина, лично организовавшего Беловежский саммит трех славянских республик, где и произошло подписание пресловутого Договора об образовании СНГ, он критиковал меньше или вообще обходил стороной. Но творец перестройки и гласности всегда был на острие его публицистического пера. Однажды он даже назвал Горбачева шпионом Запада, неким «засланным казачком» Америки. В его критике Горбачева все-таки были видны его личная неприязнь к нему за то, что тот привел большую страну к хаосу и распаду, а его лично без весомых на то оснований сместил с должности, позволив унизить и откровенно игнорировать в течение долгих лет.

Почему распался Советский Союз? — задавался он все тем же сакральным вопросом. Были ли для этого объективные причины? Его ответ был совершенно однозначным: все это произошло исключительно по субъективным причинам. «Прежде всего, развал Советского Союза, остановка часов, фиксирующих его деятельность, начались с более чем странной политики Горбачева. Он фактически остановил эти часы. Тем, кто шел следом, осталось лишь совсем сломать их. «Великая перестройка» вылилась в великое крушение всего и вся. И чем решительнее человек (имеется в виду Горбачев. — О. И.) был настроен, тем радостнее внимали ему почему-то люди. Страшный эффект всеобщих галлюцинаций... Союз был разрушен в одиночестве. Политика перестройки сотворила свое черное дело, сбила миллионы россиян с правильного пути, одурачила их». Таков был вердикт бывшего Первого секретаря ЦК КП Киргизии о главной причине развала СССР.

Первые годы независимости для Турдакуна Усубалиева были достаточно трудными годами. Это были годы злобных нападок на него и ответов на них, хотя еще раз хочу подчеркнуть: именно в это время резко повысился интерес к его личности, к его многолетней руководящей деятельности, и люди находили в этом намного больше позитива, чем негатива. Тем не менее ему часто приходилось переживать огорчения и сражаться, как он говорил, со своими «недругами», которые «распоясались».

Одна из этих нападок была связана с секретарем ЦК КП Киргизии, известным советским и российским дипломатом Кенешом Нурматовичем Кулматовым, который якобы учился вместе с Раисой Горбачевой в МГУ на философском факультете в начале 1950-х годов и поэтому пользовался покровительством самого Михаила Горбачева. На самом деле он никак не мог учиться вместе с Раисой Максимовной, потому что окончил не МГУ, а филфак Киргизского государственного университета в 1955 году, и пути их никак не могли пересекаться. Впрочем, «пути Господни неисповедимы» и где-то киргизский партийный функционер и дипломат мог встречаться и общаться с этой знаменитой четой. Но суть не в этом, а в том, что этого известного во всем Кыргызстане политика Усубалиев в 1983 году в буквальном смысле выгнал из партийной верхушки, и многие сторонники Кулматова считали его очередной «жертвой» усубалиевского режима. Это заставило Усубалиева вновь взяться за перо и с абсолютной документальной точностью, чуть ли не

с выписками из протоколов допросов и следственных мероприятий доказать вину Кулматова и причины его увольнения.

Мне бы не хотелось воспроизводить все подробности этого достаточно шумного дела, связанного с коррупцией, с интригами, с судебным разбирательством в отношении людей, с которыми Кенеш Нурматович оказался связанным и которые получили достаточно суровые тюремные сроки или даже высшую меру наказания. В связи с этим мне бы хотелось поразмыслить над одной доминирующей чертой характера героя моей книги. Речь идет об умении прощать, причем прощать даже врагов. Я долго размышлял над этой философской парадигмой и пришел к выводу, что Усубалиев хоть и не всегда, но был готов простить своих обидчиков. Библейское изречение «Мне отмщение и Аз воздам» было изречением и Турдакуна Усубалиевича, и он от этого правила почти никогда не отходил.

Прежде чем продолжить разговор на эту тему, есть необходимость четче понять, что все-таки означает это изречение из священной книги христиан. Как толкуют современные словари, смысл изречения не в том, чтобы обиженный и оскорбленный человек обязательно должен отомстить за нанесенные обиды или вред. Смысл изречения, которое когда-то Лев Толстой использовал в своем великом романе «Анна Каренина» как эпиграф, в том, что человек не должен мстить за свои обиды. Это Бог решает, это он накажет обидчика за совершенное. Смысл этих слов становится ясным из текста, когда мы прочтем этот библейский стих полностью: «Не мстите за себя, возлюбленные, но дайте место гневу [Божию]. Ибо написано: Мне отмщение, Я воздам, говорит Господь». То есть отмщение придет от высших сил, но не от человека.

Впрочем, и Усубалиев в своих ответах противникам, да и везде, где он доказывает несправедливость принятых по отношению к нему решений или злонамеренность какой-либо клеветы, часто повторяет выражение: Бог им судья. Мне представляется, что за эту черту характера Турдакуна Усубалиева можно проникнуться глубоким уважением к его личности. Но этим я не хочу сказать, что бывший Первый секретарь был чуть ли не святым, который мог, повторяя слова Христа, сказать: «Кто ударит тебя в правую щеку твою, обрати к нему и другую». Нет, он неизменно требовал справедливости и защищал себя. И желал, чтобы его противники хотя бы извинились, признали неправедность их

поступков. В предыдущих разделах говорилось, как Усубалиев, восстановленный в рядах КПСС и тем самым как бы оправданный, совершенно обоснованно и по логике установленных партийных и общественных порядков ждал звонка из ЦК, хотя бы из первичной партийной организации, где он состоял на учете. Но не было никакого звонка, тем более извинений или моральной поддержки. Все дружно от него отвернулись.

Люди помнят несколько эпизодов из жизни позднего Усубалиева, когда он, приняв приглашение некоторых своих недругов, выслушав их самые искренние извинения и раскаяния, причем неоднократные, тем не менее не сказал слов «извиняю» или «прощаю». Так случилось с одним известным журналистом 1990-х Мелисом Эшимкановым.

У него была своя газета, и называлась она «Асаба» («Боевое знамя») — так он переименовал комсомольский печатный орган советского времени «Ленинчил жаш», доставшийся ему достаточно случайно. В момент, когда в Кыргызстане пошла обвальная приватизация всего и вся в начале «лихих» 1990-х, в том числе и газет, Эшимканов, в тот период являвшийся главным редактором, записал издание себе в собственность. Но одно дело приватизировать газету, совсем другое — сделать ее популярной и политически влиятельной. К чести Эшимканова, он из в общем-то малопопулярной молодежной газеты сотворил настояще массовое каждодневное чтиво. «Асабу» читали буквально запоем, читали на базарах и в Белом доме. Она в 1990-е годы в буквальном смысле влияла на политический климат, могла даже способствовать тому, что после ее публикаций срывали чью-то чиновничью шапку. Эшимканов мог любого пугать, шантажировать, требовать деньги, поэтому многие его побаивались. К примеру, как написал об этом тогдашний сотрудник газеты Шайлообек Дуйшесев, Мелис мог опубликовать якобы результаты опроса общественного мнения, по которому выходило кто самый влиятельный политик в стране или кто главный претендент на пост президента, высосав всё это из собственного пальца.

Среди прочих этот журналист взялся за Усубалиева и опубликовал ряд очень нелицеприятных оскорбительных статей о бывшем Первом секретаре ЦК КП Киргизии. Главным его грехом, как писал об этом сам Усубалиев, было объявлено то, что он был и остался защитником русского языка на киргизской земле. «Я и не собираюсь сходить с

этих позиций, — отмечал он. — «Асаба» считает, что тем самым я покушаюсь на чистоту киргизского языка. Странная логика... Особенно в новое время, когда общество наше не только открыто к изучению языков мира, но и делает на этом пути неплохие успехи. Многие молодые люди давно говорят на английском языке, китайском, а некоторые и на японском. И никому это не кажется покушением на чистоту киргизского языка. Поэтому мое имя эти поборники национальной «чистоты» поместили на доску позора, которая в буквальном переводе с киргизского языка звучит как «доска дураков». За что? Цитирую: «За проявленную доблесть по распродаже своей родины и за пропаганду предательства своего народа». Никаких конкретных фактов, доказательств или примеров у журналистов названной газеты, конечно же, нет. Их вообще нет в принципе. Главное, чего они достигли, так это того, что фактически обозвали меня «дураком» и «предателем народа». Ни больше ни меньше. Если такой подход к оценке личности человека (любого, не только меня) называется свободой слова, то что тогда называется оскорблением?»*

Ответ Турдакуна Усубалиева был более чем убедительным и достойным. А главное, на его стороне оказалась общественность, уже уставшая от наглости желтой прессы и ее бездоказательных обвинений. Спустя годы Эшимканов все-таки признал феноменальную работоспособность Усубалиева и пожалел, что не раз несправедливо обижал его. Поэтому он прилюдно попросил у Усубалиева прощения, но так и не услышал от него слово «прощаю».

Аморальных, циничных, рассчитанных на сиюминутную сенсационность материалов в газете Эшимканова было много. При этом корысть хозяина газеты состояла в том, чтобы войти во власть, стать госчиновником любой ценой. При президенте № 2 Эшимканов действительно стал им, получив назначение главы ведущего телеканала Кыргызстана — КТРК. Но власть Бакиева с позором рухнула в 2010-м, а с ней рухнули мечты и планы Эшимканова. Он так и не смог поменять цвет печально известного «черного ящика», как когда-то называл главный телеканал Кыргызстана. Скандалы практически не утихали за все время его работы в КТРК, а качество программ никак не улучшилось. Телеканал все так же обслуживал власть, защищал ее всеми возможными способами, а Мелис, теперь уже руководитель

* Усубалиев Т. Кыргызстан в моем сердце. Т. 4. С. 330.

канала, не замечал, что его репутация известного оппозиционера, всегда жестко критикующего власть, очень быстро улетучивается. Особенно после того, как он публично превозносил Максима Бакиева, сына президента, которого ненавидели все, но которого он называл руководителем нового поколения, умницей и т. д. Таким образом, власть Бакиева ловко заманила Мелиса в свои сети и превратила его в «своего» человека, а потом выбросила этого «своего» за борт.

Это было трагедией Мелиса Эшимианова. Почему трагедией? Дело в том, что у него все-таки была совесть, он прекрасно понимал, что, перейдя на сторону кровавого Бакиева и его ненасытного сына, он наступает на горло собственной песне, перечеркивает себя. Поэтому он почти безостановочно начал выпивать — до одурения, до потери сознания. Он не был похож на самого себя, выглядел совершенно потерянным, опустошенным, иссохшим. Но ему надо отдать должное за то, что он все-таки собрал своих коллег, журналистов и искренне признался, что совершил самую глупую и непоправимую ошибку в своей жизни. Очень скоро он умер при весьма трагических обстоятельствах. Автору этих строк неизвестно, как реагировал на случившееся Усубалиев, но бывший глава республики вполне мог допустить мысль, что Господь все-таки карает грешников, что отмщение неотвратимо.

Он и сам был непримирим, когда речь шла и прощении врагов и оппонентов. Например, так и не простил своего преемника в должности А. Масалиева, окружившего его имя и заслуги кордоном полного умолчания. Не простил и другого своего питомца и выдвиженца, К. Молдобаева. Не простил многих других — потому что жаждал отмщения в библейском смысле, не мести, а покаяния или самых простых человеческих извинений, чего обычно не было.

А вообще четверть века на высшем посту и еще много лет на высоких руководящих должностях естественным образом превратили Турдакуна Усубалиева в некоего царя без короны, в вельможу с высоким статусом и не менее высоким мнением о себе. Это было видно во всем, даже в его поведении в обществе. Годы оставили на нем такой глубокий отпечаток, что он органически нуждался в соответствующем обращении с ним — то есть в уважительном отношении. Можно ли было его понять? Конечно, тем более потому, что он был не только политическим патриархом, но и глубоко пожилым человеком, а старость на Востоке всегда

требует к себе уважения и получает его. Забегая немного вперед, скажу, что он все-таки этого добился в полном объеме и статусе. Но это было позже.

В связи с темой прощения мне показалось весьма убедительным толкование процитированной библейской заповеди богословом Сергеем Худиевым, который говорит: «Во-первых, простить — не значит проигнорировать обиду или преступление. Иногда людям кажется, что простить — значит признать, что ничего страшного не случилось, “ерунда все, не стоит так переживать”. Но люди никак не могут признать “ерундой” то зло, которое потерпели они или их близкие. Прощение этого и не требует — оно требует обратного. Да, против вас согрешили. Да, вам причинили глубокую боль. Да, с вами обошлись дурно и несправедливо. Именно это и создает ситуацию, в которой вы призваны прощать.

Во-вторых, простить — не значит признать, что зло не заслуживает наказания. Когда мы видим злодеяние, наше сердце вопиет, что зло требует кары, и это глубокая нравственная интуиция, которая напоминает нам о том, что Бог возлюбил правду и возненавидел беззаконие. Что же, ни один нераскаянный грех в этом мироздании не уйдет от наказания. Это исключено. Как говорят величественные и пугающие строки Откровения: “И увидел я мертвых, малых и великих, стоящих пред Богом, и книги раскрыты были, и иная книга раскрыта, которая есть книга жизни; и судимы были мертвые по написанному в книгах, сообразно с делами своими. Тогда отдало море мертвых, бывших в нем, и смерть и ад отдали мертвых, которые были в них; и судим был каждый по делам своим” (Откр. 20: 12, 13).

Итак, умел ли прощать Турдакун Усубалиев своим недругам их нечестные и несправедливые поступки? На этот вопрос у автора этих строк нет прямого ответа. Скорее всего, он не прощал. То есть не то чтобы он не умел прощать или для этого у него, убежденного коммуниста, не было каких-то религиозных или других императивных морально-этических оснований. Он просто привык думать, что преступление должно быть наказуемо, что оскорбление и намеренное унижение человека должно быть компенсировано хотя бы извинением или раскаянием.

В этом был весь Усубалиев, многолетний руководитель советского Кыргызстана, самый удачливый из партийных лидеров республики, один из творцов киргизского «Серебряного века», которого всяческими доводами и поводами

скинули с корабля в период перестройки, превратили в изгоя, но он вновь поднялся, вернулся в большую политику в признанном качестве морального лидера, удостоенного высокого звания Героя Киргизской Республики и кавалера высшего ордена «Ак-Шумкар».

ДУМЫ О РОССИИ И НАЦИОНАЛЬНОЙ СТРАТЕГИИ КЫРГЫЗСТАНА

За свою долгую жизнь в политике Турдакун Усубалиев много писал и думал о России, о ее роли в национальной истории киргизского народа. Он искренне любил Москву, где прожил десять с лишним счастливых лет, любил русскую культуру, русский язык, русскую музыку. Даже в горестные годы изгнания из политики, в годы разочарований и сомнений он не переставал признавать огромную роль России и русского языка в жизни своего народа.

Действительно, в жизни и национальной культуре киргизов Россия занимала и продолжает занимать особое место. Эта великая страна даже после государственного размежевания с ней, взаимного признания суверенитетов и правил общения по нормам международного права остается ключевым государством в жизни суверенного Киргизстана. Такое же признание сделали бы многие народы бывшего Союза. Ибо таково особое духовное притяжение России, простирающееся от Балтики до Дальнего Востока, ее разностороннее влияние и в духовном, и, разумеется, в экономическом плане. Отсюда неослабевающий интерес к этой стране, ко всему, что там происходит, о чем в России говорят и спорят. Надо ли говорить, что при этом проявляется удвоенный, даже утроенный интерес этих народов и стран к современному российскому политическому курсу, к той стратегической линии, которая начала все более выкристаллизовываться в эпоху Путина, точнее, в период российского политического путинизма.

В данном случае мне не хотелось бы анализировать те или иные стороны поведения России в современном мире, где все меньше остается всякого рода «оплотов цивилизации». Если они и были, то после Ирака и Афганистана сильно полиняли, потеряли былой облик и годами наработанный имидж. Неопровергимым фактом современного мирового общественного мнения является и то, что сильно углубилось разочарование в прежних «цитаделях» демокра-

тии. Это приводит в geopolitике к непредвиденным изменениям и глубоким тектоническим сдвигам.

Да, у Москвы есть свои geopolитические интересы, и она не может и не должна быть простым наблюдателем, когда происходят события, прямо затрагивающие ее интересы. Вполне объяснимо желание России противостоять нежелательным для нее geopolитическим поворотам в близком и дальнем зарубежье. Внешнеполитические телодвижения и разные демарши России в подавляющем большинстве случаев представляются понятными, в том числе и такие, когда в ход идет газовая и нефтяная труба.

Но надо понимать, что в мире продолжают уважать Россию все-таки не за ее бомбы и танки, не за ее газ и нефть, а за Толстого и Пушкина, за Достоевского и Чайковского, за Пастернака и Сахарова и т. д. Все-таки газ и нефть — это не трудовое завоевание народов России, а дар судьбы, дар их земли. Между тем русские властители дум, писатели и мыслители размышляли и напряженно думали об исторических судьбах России, предлагали пути для того, чтобы сделать ее духовно здоровой и вечной. Не только для русских, но и для всех, кому она дорога.

Народы — это не абстрактное понятие. Их конкретное выражение — это обычные люди, индивиды, а они уважают прежде всего морально и этически мотивированное поведение государств и их лидеров, но не шовинистические устремления, основанные на давлении и грубой силе. Так устроен человек, так устроен его ценностный мир. Моральный фактор оказывает все более сильное влияние на политику многих стран, на geopolитические процессы в мире в целом. Прочтите «Американское фиаско» З. Бжезинского и поймете, что все начинается с людей, с их политических, моральных, этических предпочтений. Кстати, и СССР разваливался во многом по причине того, что люди разочаровались в собственной стране, в ее экономике, в авторитарической политике и т. д.

Турдакун Усубалиев считал, что для Киргизстана дружить с Россией — это не дилемма, а жизненная необходимость, и не стоит из страха перед мнимой зависимостью искать себе друзей за океаном, забывая о давних союзниках и соседях.

Вместе с тем, признавая огромную роль России в исторических судьбах Киргизстана, многолетний лидер страны проводил четкий водораздел между Россией царской, имперской и Россией советской. Если к последней он питал

самые глубокие чувства, то в отношении царской России он никогда не желал красок, чтобы подчеркнуть пагубную роль ее откровенно колониальной, эксплуататорской, грабительской политики. Это особенно видно в том, как он анализирует и жестко критикует причины и трагические последствия антицарского восстания киргизского народа в 1916 году, о чем говорится в приложении к данной книге.

Говоря о глубокой симпатии и личной человеческой привязанности Турдакуна Усубалиева к России советской, нельзя не сказать и о том, как он не любил шовинизм, великорусское чванство и пренебрежительное отношение к культуре так называемых малых народов. Причем с таким отношением он сталкивался не на улицах Москвы, а в кабинетах высоких партийных чинов. Если бы не настойчивость Усубалиева, его умение использовать связи и личные отношения с отдельными влиятельными чиновниками, то ни прекрасное здание бишкекской филармонии, ни нынешний Дом правительства, ни центральная библиотека не были бы построены. Таких случаев в его долгой политической жизни было много, но, несмотря на это, он никогда не менял свое ровное, глубоко уважительное отношение к России и к русскому народу. И за это его оппоненты его нещадно критиковали и сейчас продолжают это делать.

В русском вопросе у Турдакуна Усубалиева была своя глубоко обоснованная позиция. Если говорить коротко, он к досоветскому прошлому, особенно к жизни киргизского народа в составе Российской империи относился откровенно критично. Он не раз писал в очень нелицеприятном ключе о колониальной политике царизма в Средней Азии в целом и Кыргызстане в частности. Совершенно противоположным было его отношение к политике Советского Союза. Он всегда обращал самые теплые, самые сердечные, признательные слова к советскому периоду, к Ленину и его политическому наследию.

Можно предположить, что на его отношение к досоветскому прошлому киргизского народа очень сильно повлияли два фактора: колониальная политика царской России в Туркестане, о которой слагал свои поэтические максимы его прапрадед Калыгул Бай уулу, и антицарское восстание киргизов в 1916 году. Такое дуалистическое отношение к историческому прошлому характерно, кстати говоря, не только Усубалиеву, но и в целом для современного национального самосознания киргизов. Да, его прапрадед Калыгул стал ярким выразителем обоснованных тревог и стра-

хов киргизов, родоначальником целого антироссийского и антиколониального идеино-политического течения в Кыргызстане XIX века, называемого заманизмом. Вот строки из его стихотворения-предсказания:

Синеглазый, светло-русый
Придет русский.
Все высокие, густые
Скосит травы.
Станет охранять покосы
От потравы.
Горы станут голы.
Младшая жена — токол
Верх над старшею возьмет.
Деньгами оценят скот.
Без воды на месте ровном
Мельницу запустят в ход.

Или еще:

Рыжеваты, синеглазы,
Многословно речь ведут,
Русские придут и сразу
Наши земли заберут.
Ляжет гнет на народ,
Время скорби придет.
Прошлое стариk забудет.
Сын уважать отца не будет.
У женщины стыда не будет.
Невестка стройно не будет.
Ненасытные придут,
Рыскать будут там и тут,
Свои желанья не уймут —
Эти русские придут.
Как сыр в масле будут жить,
Соболий туурдук стелить.
Из медной миски пса кормить.
А нам достатка не видать;
В трудах тяжелых пребывать.

(Пер. М. А. Рудова)*

Как видно, Калыгула страшила не только чужая речь или другая религия, которая могла быть насилием навязана киргизам. Его пугала прежде всего жизнь людей в условиях колониального угнетения, в условиях бесправия.

* Цит. по кн.: Рудов М. А. Стихотворной строкой. Бишкек, 2008.

Возникает вопрос: согласен ли был с воззрениями своего знаменитого праплура Усубалиев? В чем-то да, в чем-то нет. Если точнее, то к русскому колониализму он неизменно относился глубоко критически. Совсем другое дело было с СССР. Советская Россия была его самой глубокой привязанностью. Потому что она была не империалистической, а социалистической, с коммунистическими идеалами, провозгласившей равенство народов и их свободное развитие.

И все же вызывает удивление, что такой факт в его родословной, как Калыгул Бай уулу, известный своими антирусскими высказываниями, не навредил его молетней политической карьере. Но ему снова повезло. Да, было достаточно тщательное расследование, были тайные обращения его недругов прямо в ЦК КПСС. Но нашлись трезвые люди, люди объективные, и не стали в этом факте видеть какую-то серьезную крамолу. После долгих исследований и неоднократного запроса мнений московских экспертов-филологов было решено не связывать политические взгляды знаменитого «заманиста» с его дальним потомком. Вот что пишет в этой связи сам Усубалиев:

«Однажды зам. зав. отделом пропаганды ЦК КПСС пригласил меня на беседу. Он дал мне прочитать небольшое письмо, напечатанное на машинке. В нем было написано следующее. Рассказываю по памяти: недавно ЦК Компартии Киргизии своим решением осудил творчество реакционных ақынов Калыгула, Арстанбека, Молдо Кильяча. А у вас, в аппарате ЦК работает Усубалиев — потомок реакционного ақына Калыгула. Ему там не место, его надо оттуда немедленно выгнать. Подпись “Кененсариеv”.

Когда я прочел письмо, мой руководитель спросил: “Что скажете, не ваш ли отец письмо написал? Его фамилия такая, какая написана на письме?” Я догадался, что он уже смотрел мое личное дело, в котором в свое время, когда меня рекомендовали на работу в ЦК, мною были указаны фамилии и имена моих родителей и жены, а также всех наших близких и дальних родственников. Хотя было не до смеха, но такая версия рассмешила меня, и я сказал: не может быть, что письмо написано моим отцом. А такая фамилия довольно распространена у киргизов. Автор письма, наверно, просто однофамилец, если вообще подписался собственной фамилией...

В те годы вообще ни один сигнал, поступивший в ЦК КПСС, не оставался без внимания. Я представил объяснение по письму. Там указал, что Калыгул действительно

мой прапрадед, родился он в 1785 году, умер в 1855 году. Прошло почти 90 лет после его смерти. О том, что Калыгул мой прапрадед, указано в личном деле. Там приводятся подробные данные о моих родителях и близких родственниках, а также о моей семье. Мой прапрадед действительно был ақыном, с него начинается устная ақынская поэзия киргизов. В народной памяти Калыгул сохранился, как мудрый человек, как ақын-мыслитель, прорицатель. Он не играл на комузах, не пел, не участвовал в поэтических состязаниях. Его поэзия состоит из афоризмов, изречений, назидательных наставлений. Калыгул жил в эпоху, когда Кыргызстан находился во власти Кокандского ханства и когда Российская империя все больше стремилась к присоединению к себе Кыргызского края. Он жил в феодально-родовом обществе, другого общественного строя не знал. Все это не могло не отразиться на его поэтическом творчестве. Большинство его изречений, афоризмов, поэтических размышлений носит назидательный, поучительный характер, определяет качества человека: какие у него хорошие, а какие плохие, советует сохранить хорошие и избавляться от плохих. Он ратовал за сохранение морально-этических норм патриархально-феодального общества, неустанно призывал киргизские племена жить в мире и согласии, быть единными. Если будет так, — говорил он, — все трудности, невзгоды преодолимы. Хана киргизов Ормона в своих рифмованных высказываниях не только осуждал, но и подвергал нелицеприятной критике за то, что тот не проявляет заботы о бедных людях, занимается поборами, называл его даже “ненасытным рвачом”, предрекал ему плохое будущее. Вместе с тем в своих размышлениях по поводу приближения русских, как правоверный мусульманин и представитель патриархального мира, высказывал свои опасения по поводу того, что мусульмане будут жить в перемешку с иноверцами-русскими, разрушат устои, нравы патриархально-феодального строя, а это повлечет за собой изменения кочевого образа жизни и так далее. В последний период своей жизни Калыгул изменил свой взгляд на приход русских в Киргизию. Он говорил, что после колонизации Киргизии царской Россией пройдут тяжелые времена, наступит благоденствие народа.

Я просил руководство отдела ЦК запросить мнение ученых Института мировой литературы имени Горького о киргизских ақынах XIX века, так как там хорошо знают их творчество. Был сделан такой запрос. Через некоторое вре-

мя институт прислал ответ на запрос о кыргызских акынах XIX века, в том числе о Калыгуле. До сих пор с чувством благодарности вспоминаю научных работников института, приславших объективное, не конъюнктурное мнение о поэзии Калыгула. Их ответ не только подтвердил то, что я писал в своем объяснении. Они даже выступили в защиту поэзии Калыгула. В заключении института отмечалось, что поэзия Калыгула в основном несет гуманистическое содержание, провозглашает высокие нравственные человеческие качества. Вместе с тем размышления акына о сохранении морально-этических устоев феодального общества, опасение, высказанное им в связи со стремлением Российской империи к присоединению Киргизии к себе, призыв к защите мусульманской религии от иноверцев, безусловно, вступают в противоречие с нашими сегодняшними идеологическими установками. Однако только на основании этого нельзя считать поэзию Калыгула реакционной, антинародной. Его творчество надо рассматривать глазами того времени, когда оно создавалось.

Когда мне дали заключение Института мировой литературы им. Горького, я перечитал его несколько раз, вышеприведенные аргументы взял на карандаш и про себя подумал, как нам, кыргызам, не хватает образованности, из-за этого сами себя высекаем, стараемся быть ультралевые. Если бы мы подходили к возникающим проблемам научно, по законам диалектики, то у нас не произошло бы объявления эпоса "Манас" антинародным произведением, а акынов XIX века Калыгула, Арстанбека, затем Молдо Кыльча — реакционными.

После получения ответа института зав. отделом ЦК сказал, что "...у ЦК нет к вам никаких претензий, для ЦК чужд биологический подход к оценке деятельности работников, тем более что ваш прапрадед жил в другой эпохе и по ее правилам. Институт прислал обоснованное заключение. Непонятно, почему ваши земляки решили обвинить вашего прапрадеда в том, что он не высказывал социалистических идей". В такой шутливой форме закончился наш разговор. Больше такого рода писем не поступало. Так и поныне я не знаю, кому понадобилось писать такое письмо».

Нужно особо отметить, что после обретения государственной независимости поэты и мыслители периода заманизма были полностью реабилитированы, и в настоящее время Калыгул Бай уулу не только изучается в системе народного образования, но и вошел в школьные программы.

Хотя многие мысли Калыгула уже не так актуальны, как в первой половине XIX века, но одна его ключевая мысль и сейчас остается актуальной и жизненно важной. Это вопрос национальной консолидации киргизов. Попытки объединить киргизов в одно феодальное государство предпринимались и вышеупомянутым Тагай-бием в средние века, и Ормон-ханом в XIX веке. К сожалению, ни в том, ни в другом случае это предприятие так и не реализовалось и не нашло поддержки со стороны разрозненных и территориально разделенных киргизов. Именно это обстоятельство и стало одной из основных причин того, почему киргизы оказались в составе феодального объединения, называемого в научной литературе Кокандским ханством, но не смогли создать свою государственность. Это ханство в силу своей внутренней раздробленности значительно облегчило задачу русских генералов в деле покорения не только Киргизстана, но и всей Средней Азии.

Так киргизы на своей земле стали «туземцами», второсортным, угнетаемым, бессовестно эксплуатируемым населением. Поэтому Калыгул Бай уулу, придумавший выражение «зар заман», или «скорбное время», был глубоко прав в своих эсхатологических утверждениях, в своей неизбывной поэтической печали. Выдающийся заманист, автор до сих пор имеющих хождение в народе изречений, поговорок и ярко изложенных, глубоких по содержанию максим, Калыгул немножко не дожил до колониальных времен, но жизнь показала, что он был прав в своих основных тревогах и опасениях. Действительно, если русские переселенцы в Семиречье получали всяческие льготы, то положение коренного населения этой области неуклонно ухудшалось. Царское правительство рассматривало эту область и ее жителей лишь как ресурс для колониальной эксплуатации. Непосильные налоги, угнетение, изгнание из обжитых, пригодных для сельского хозяйства земель, угроза быть втянутыми в войну, о которой киргизы не имели никакого понятия, стали главной причиной антицарского восстания 1916 года.

В 1999 году, когда исполнилось 214 лет со дня рождения Калыгула Бай уулу и 144 года со дня его смерти, Турдакун Усубалиев в первый раз всерьез откликнулся на это и написал очень обстоятельную статью о своем знаменитом прапрадеде. Сложилось впечатление, что за все те годы, когда он находился во власти, в том числе на самой ее верхушке, он помнил и почитал своего пращура, но молчал. Считал, что время еще не настало, и терпеливо ждал подходящего

момента. Когда Кыргызстан получил государственную самостоятельность и Москва больше не была указом для республики и не контролировала каждый шаг руководства, можно было высказаться. Тем более что первый Президент Киргизской Республики Аскар Акаев издал распоряжение о строительстве мавзолея Калыгула Бай уулу.

На церемонии его открытия выступили не только глава государства, но и Турдакун Усубалиев. Вот его слова: «Все эти годы имя Калыгула было на устах поколений киргизского народа. Его помнит киргизский народ, как мудрого, великого и справедливого человека, предсказателя важных событий общественной жизни. Он неустанно призывал народ к единству, жить в мире и согласии, призывал людей быть справедливыми и честными, проявлять взаимное уважение друг к другу, избавляться от того, что может порочить достоинство человека. Он примирял враждующих людей, их племена и роды, предостерегал предводителей киргизских племен от опрометчивых, ошибочных шагов, порождающих междуусобицы племен и родов, страдания и лишения людей. Он всегда резко осуждал несправедливость, кем бы она ни совершилась. Вот один из фактов на этот счет. Калыгул поддерживал деятельность Ормон-хана по государственному объединению киргизских племен, обеспечению победы в битве против нашествия султана Кенейсары. Но вместе с тем резко осуждал, подвергал резкой и нелицеприятной критике Ормона за то, что он, как хан, проявляет необоснованные претензии к отдельным племенам и родам, не заботится о простонародье, о бедных людях, занимается поборами, жаждет крови. Так поступал, несмотря на то, что имел родственные отношения с Ормон-ханом»*.

Таким образом, Турдакун Усубалиев был и остался человеком сугубо советских убеждений, и все досоветское, дороссийское ему казалось сугубо патриархальным, феодальным, безвозвратно канувшим в Лету. Выражение Карла Маркса о том, что настоящая история человечества может начинаться только с коммунизма, что коммунизм — это пост-история или подлинная история мира, было краеугольным камнем в понимании законов мировой истории героем нашей книги. А потом Усубалиев вполне мог сопоставить свою — не виртуальную, а реальную власть — с вла-

стью и статусом вышеупомянутого Ормон-хана. Разница была огромная, а заслуги несопоставимыми. Человек, четверть века правивший Кыргызстаном и сумевший реально поднять его экономику, с полным основанием мог считать, что его собственный статус — статус Первого секретаря ЦК, то есть фактически единоличного руководителя Киргызстана, был куда выше и весомей, чем у претенциозного хана XIX века...

Но вернемся к тому, о чём речь шла выше: к Калыгулу Бай уулу и его вольным философско-поэтическим импровизациям, в которых основное место занимает его глубоко неприязненное; если не сказать враждебное, отношение к приходу русского населения в Кыргызстан. Усубалиев прекрасно понимал характер эпохи, в которой жил его прадед Калыгул и которая стала основной темой и содержанием его поэтических высказываний. Более того, отношение к колониальному прошлому у многолетнего руководителя советского Кыргызстана почти аналогично тому, о чём говорил его легендарный прапрадед. Несмотря на это, Первый секретарь ЦК очень долгое время никоим образом не выраживал свое отношение к деду — акыну и главному советнику хана Ормона.

Почему? Дело заключалось, если коротко, в ином, сугубо советском отношении к историческому прошлому. В одном своем интервью он говорил так: «Быть патриотом своего народа не значит, что надо забывать его тяжелое прошлое, в то же время умалять значение всего того, что возникло в условиях социалистического развития. Каждому непредубежденному человеку ясно, что самый лучший период в истории киргизского народа, как и других народов, это советский период»*.

В этом весь Турдакун Усубалиев. И он не мог быть другим, ибо являлся продуктом совершенно иного исторического времени, сыном той системы, которой служил верой и правдой. Вместе с тем ему были чужды национальный изоляционизм, героизация и идеализация феодального прошлого. По сути, он был политическим модернистом, почти космополитом с укорененными коммунистическими, марксистско-ленинскими взглядами на историю, в том числе и на ханов, бисев и манапов. Нет, он не отрицал их значения в принципе, но был очень сдержан в своей оцен-

* Усубалиев Т. О нашем времени и о делах моей жизни. Бишкек, 2003. С. 32.

ке их исторической роли. Он был проводником и идеологом новой политической системы, в ней видел огромные шансы на преображение, на экономический и культурный успех.

В связи со знаменитым прадедом героя нашей книги необходимо упомянуть еще одну, но очень характерную деталь. Она состоит в том, что Калыгул Бай уулу очень долгое время был исторической фигурой, на которую наложили твердое политическое табу. Так было раньше, так было и в эпоху правления Турдакуна Усубалиева. Знаменитый заманист Калыгул оставался в числе тех, о которых нельзя было открыто писать в советское время, сослаться хотя бы в качестве исторического источника, не говоря уже о серьезном научном исследовании. Его все считали «реакционером», «певцом патриархально-феодальной эпохи», оплакивающим давно ушедшее прошлое. Табу с него было снято только в эпоху горбачевской перестройки.

Спрашивается: была ли в этом замалчивании личная вина Турдакуна Усубалиева? Думается, что нет — разве что только отчасти. Но именно этот факт стал поводом для критики со стороны оппонентов Первого секретаря ЦК после ухода его с должности, в годы демократии и свободы слова. А он не ленился и всегда отвечал своим критикам, отвечал со свойственной ему основательностью, с подробной аргументацией и обширной фактологией. Поскольку обелить и оправдать целую политическую систему с ее принципами, философией и ценностями факты позволяли не всегда, споры часто переходили в плоскость сугубо исторического свойства.

Многие оппоненты Усубалиева критиковали его за то, что он якобы намеренно умалял или недооценивал историческое прошлое киргизского народа. Действительно, он не мало сил и энергии отдавал тому, чтобы подчеркнуть роль Советской власти в культурном и духовном возрождении киргизского народа, — это факт. Он приводил разительные примеры для того, чтобы показать, в какой беспросветной темноте и убожестве и в средневековой социально-экономической среде пребывал наш народ. То, что это было горькой, но правдой, вряд ли стоит поспорить. А Турдакун Усубалиев в своем отношении к прошлому все-таки был настоящим марксистом, а Карл Маркс, как известно, утверждал, как мы выше отмечали, что, мол, подлинная история человечества начинается с коммунизма. Говоря другими словами, то, что представляли себе Маркс и Энгельс,

после них Ленин, это было пост-историей, что было синонимичным понятию коммунизм. Поэтому интеллектуальный спор Усубалиева со своими критиками, в сущности, был спор исторический, где каждая сторона была по-своему права.

Я полагаю, что за последние годы своей жизни он все-таки существенно скорректировал свою позицию в этом вопросе. Усубалиев был достаточно умным и дальновидным человеком, чтобы не понимать, как важна национальная государственность, как важно понимание объективного исторического процесса, за которым он очень внимательно следил и пытался в нем разобраться. Это видно в том, что он никогда не выступал против государственного суверенитета, против выхода Кыргызстана из состава СССР. И в том, как убежденно он поддерживал Аскара Акаева, первого главу Киргизского государства, сделавшего очень много для его становления. Хочу подчеркнуть еще раз: Турдакун Усубалиевич никогда не менял свое отношение к Советскому Союзу, к Советской России, но он при этом не был противником строительства независимого Киргизского государства.

Как было сказано, Усубалиев, будучи человеком прекрасно образованным и с широкими взглядами на жизнь и историю, никогда не ставил знак тождества между СССР и Россией. В то же время он до конца своей жизни не простил тех, кто сознательно или по недоразумению участвовал в его развале.

Об этом спорят историки, сами участники событий, да и простые обыватели, ибо есть о чем спорить, о чем дебатировать, но вряд ли стоит все произошедшее связывать только с личностями, с их ошибками или преднамеренными решениями и поступками. Думается, что тут все-таки дали о себе знать никем еще не отмененные законы истории, людских предпочтений, их внутреннего выбора и воли.

В этом постсоветском диспуте все-таки особо выделялся Чингиз Айтматов, который, может быть, единственный из всех убежденно считал, что даже империализм и колониализм могут принести много пользы народам. Чтобы понять ход мыслей писателя, приведу отрывок из его интервью, которое он давал в предпоследний год своей жизни немецкой газете «Франкфуртер альгемайнэ цайтунг».

«FAZ: Россия имеет дело в Грузии, на Украине и в Киргизии со свергнутыми правителями. Какую роль она играет в Киргизии?

Чингиз Айтматов: В любом случае, отношения с Россией будут оставаться для нас приоритетными. Мы живем и мыслим, воспринимая два мира в одном: европейский и азиатский. Это — Евразия. Но многие не имеют понятия о том, что же такое Евразия: то ли — географическое пространство, то ли — политическое определение? В моем представлении Евразия — это наша Средняя Азия, корабль с европейским килем, плывущий по океану, и киль этот — Россия. От Средней Азии до Китая всего один шаг, тем не менее, нам чужд китайский образ жизни. Мы находимся на орбите иной цивилизации.

FAZ: Основу которой всегда составляла Россия?

Чингиз Айтматов: Я убедился, что колониализм и империализм могут иметь и позитивные стороны, что, во всяком случае, русское влияние на Среднюю Азию было позитивным. Россия своими колониальными амбициями внесла большой вклад в развитие нашей территории. Только благодаря русскому колониализму нам в Средней Азии удалось приобщиться к общей цивилизации. Россия является и останется ядром евразийской оси. Мы — люди одной цивилизации. Поэтому было бы логичным создание евразийского экономического союза, включающего некоторые государства Средней Азии и Россию.

FAZ: Вы уже не один год живете и работаете в Брюсселе.

Чингиз Айтматов: Да, и я думаю, что ЕС является высшим политическим достижением человечества. Чего-то подобного в истории еще не было. Мы должны ориентироваться на это, даже если потребуются, быть может, столетия, чтобы достичь экономического и политического уровня ЕС. Я часто говорю в Киргизии о модели Европейского союза. Некоторые люди утверждают, что я, мол, хочу подчинить мою страну интересам Узбекистана. К сожалению, многие люди у нас не понимают, что благополучие невозможно, если голодают соседи. Достаточно привести пример Афганистана, который никогда не был колонией и всегда был предоставлен самому себе. Он и сегодня все еще остается варварской страной.

FAZ: Варварство там появилось после 1979 года, когда на Афганистан напала Советская Армия.

Чингиз Айтматов: Я не согласен с такой точкой зрения. В Афганистане на роковой путь вмешательства встал не только Советский Союз. Но нельзя также забывать о том, что Россия принесла Средней Азии в плане цивилизаторского прогресса, кстати, еще до появления Советского Со-

юза. В ином случае, у нас сегодня было бы, как в Афганистане.

FAZ: Многие бывшие советские республики борются с российским влиянием. Республика Молдавия, например, где Россия пытается оказать масштабное влияние на исход парламентских выборов, проходивших в марте.

Чингиз Айтматов: Там речь идет о территориальных интересах, как и в Грузии, что касается Абхазии. Это удручающая проблема.

FAZ: Останется ли Киргизстан родиной для русских и представителей русскоязычного меньшинства, таких как украинцы, татары или белорусы?

Чингиз Айтматов: В любом случае, Киргизстан в Средней Азии — страна, отличающаяся самой большой терпимостью. Мы заинтересованы в том, чтобы меньшинства продолжали существовать. Печально, что от нас уехали немцы, что теперь уезжают русские.

FAZ: В своей книге «Детство в Киргизии» Вы говорите о русском языке как о билете в большой мир литературы. Будут ли говорить на этом языке в Киргизии через 50 лет?

Чингиз Айтматов: Думаю, что да. Это ресурс. Кто захочет отказываться от него добровольно? В мире, конечно, доминирует английский язык. Тем не менее, русский язык продолжает оставаться мировым языком, он играет свою собственную роль и решает свою задачу. В Советском Союзе русский язык был также основой для развития киргизского языка*.

Среди участников этого большого исторического спора был и Турдакун Усубалиев. Как отмечено выше, он категорически не воспринимал политику царской России и проводил четкую разделительную линию между СССР и Российской империей. К роли русского языка он всегда относился ровно и убежденно. Он, к примеру, не соглашался с теми, кто считал, что признание русского языка в качестве языка межнационального общения якобы создаст угрозу развитию кыргызского языка.

Турдакун Усубалиев спрашивал: «Мешает ли развитию кыргызского языка изучение русского? Нет, конечно. Свободно владеют русским языком 35,1 процента кыргызов, а вот не владеют им, к сожалению, 60,2 процента. Так что изучение русского языка никакого отрицательного влияния не оказывает на развитие кыргызского языка. К тому же и

* <https://inosmi.ru/world/20050711/220865.html>

в мировой практике применяются языки межнационального общения. В свое время, находясь в Индии, я видел, как мирно уживаются два государственных языка — хинди и английский. Оба они широко распространены. И никто не жаловался, что английский тормозит развитие языка хинди или наоборот. И оттого, что наряду с хинди широко используется английский, Индия не перестала быть Индией, не потеряла свою самобытность. А возьмите маленькую Швейцарию, где три государственных языка. Вызывает удивление то, что против межнационального общения выступают именно те кыргызы (особенно из числа писателей), которые сами хорошо знают русский язык, читают на нем литературу, через него приобщились к мировой культуре. И в то же время не хотят, чтобы другие кыргызы знали русский язык в такой же степени, как они сами. Где логика? Ревнители одного языка упрекают русский язык в том, что он будто бы "задавил" кыргызский язык, в результате его развитие отстало и он используется лишь на бытовом уровне. Это не соответствует действительности».

Но его отношение к России, в том числе и к России постсоветской, никогда не менялось. Дружба с Россией и с русским народом для него было делом долгосрочной национальной стратегии Кыргызстана. Причем он никогда неставил знак тождества между лидерами того или иного периода России и народом этой великой страны. Он понимал прекрасно, что лидеры будут меняться и их можно и нужно оценить по их политике и реальной работе, но народ — это понятие вневременное.

Сегодняшний Кыргызстан, хотя и не без проблем, но живет и развивается по своему собственному пути. Независимость для древних горцев оказалась вовсе не сладкой пилиолей. Чтобы нормально развиваться, приходилось и сейчас приходится ухватываться за все хорошее и доброе «и зубами, и ногтями», как однажды выразился основатель Турции Кемаль Ататюрк. А государствам, как и людям, нужны друзья, причем надежные, добрые, бескорыстные. И Кыргызстан ищет для себя таких друзей и, слава богу, их находит в разных частях света. И все же получается так, что в жизни многих кыргызстанцев именно Россия продолжает занимать особое место. Эта страна даже после государственного размежевания с ней, взаимного признания суверенитетов и правил общения по нормам международного

права остается ключевым государством в жизни суверенного Кыргызстана. Такое же признание сделали бы многие народы бывшего Союза. Ибо таково особое притяжение России, простирающейся от Балтики до Тихого океана и где живет народ, с которым в течение многих лет киргизы делили общую судьбу и породнились.

Турдакун Усубалиев прекрасно понимал, что русская культура настолько глубоко проникла в киргизскую, что очень легко найти много общего в ее системе ценностей. А в русской культуре веками доминировала нравственная составляющая, удивляя вечный и неустанный поиск истины, справедливости, этической гармонии, и основой основ всегда оставался гуманизм. Усубалиев также прекрасно понимал, что перед современными российскими политиками стоит огромная задача — возвысить Россию морально, закрепить не столько военный, сколько моральный авторитет в мире, задействовав ее огромный цивилизационный потенциал. Подтвердить статус действительно особой страны, особой мультикультурной цивилизации, притягивающей своей справедливостью. Но Россия может быстро потерять лицо, уважение к себе, если позаимствует образ заокеанского «строгого дядьки», чуть что прибегающего к санкциям, угрозам, шантажу, открытому и грубому вмешательству в дела других государств. Правильно мыслили те великие русские, которые указывали на зловредность гордыни, на самоизменяющую способность великодержавного шовинизма. Достаточно того, что развалили СССР и мы потеряли общую для всех страну. Страну, которая по-настоящему сдружила народы, связала воедино миллионы людей, сформировала одну из богатейших в мире культуру, сделала много хорошего, доброго, и нельзя все это предавать забвению.

Многолетний лидер Кыргызстана всегда подчеркивал, что на России лежит как минимум моральная ответственность перед бывшими союзными республиками, а это уже не экономическая категория, а категория историческая, даже нравственная. Патриарх был во многом прав. Чтобы его понять, надо видеть идеологизированные американские экономические санкции в отношении, скажем, Кубы. Надо видеть глубоко укоренившийся антиамериканизм в Латинской Америке. «Заслугой» Америки следует считать и то, что, потеряв моральный авторитет, она не могла остановить рост социал-марксизма в Латинской Америке, где лидеры-социалисты растут как грибы после дождя. Сегодня Америка оказалась бессильной повлиять на сложившую-

юся ситуацию, неспособна заткнуть рты тем, кто с высоких трибун поносит США и их лидеров самым настоящим площадным матом.

Многие теперь понимают, что ключ к истинному величию России заключен прежде всего в приверженности к нормам чести, справедливости и высокой морали. Всякий другой путь — не российский путь. Всякий иной выбор — только отдалит от нее другие народы, в том числе и бывшие советские.

Альфред де Токвиль, выдающийся политический мыслитель, говорил про Америку, что ее сила — в ее справедливости. Сегодня Америка морально изможденная страна, потому что не сумела по большому счету быть справедливой. Для России этот пример должен быть поучительным. Ведь «особая статья» России связана изначально с мультикультурализмом российского гуманитарного и политического ландшафта. Пренебрежение этим может наносить непоправимый урон имиджу и подорвет государственные устои России. Убивая ни в чем не повинных кыргызских мигрантов на улицах Москвы, эти люди не хотят даже знать, что отцы этих самых кыргызов героически защищали нашу общую тогда столицу во время войны, что знаменитая Панфиловская гвардия, остановившая фашистов под Москвой, формировалась в Бишкеке и Алма-Ате.

Когда размышлял о России, киргизским лидером овладевали эти мысли.

УСУБАЛИЕВ И КИРГИЗСКИЙ ИСТОРИЧЕСКИЙ ДУАЛИЗМ

Выше говорилось, что распад СССР для Турдакуна Усубалиева был личной болью и внутренней драмой. При всей его дотошности до фактов, цифр, статистики, все же бывший лидер компартии Кыргызстана во всем обвинял отдельных политических деятелей, особенно Михаила Горбачева. Он в корне отвергал политику престройки и гласности, не был согласен с реформаторскими попытками второй половины 1980-х, считая, что все это было слепой и механической копией рецептов западной либеральной экономики. Вместе с тем он, всячески ругая проявления дикого капитализма ранних 1990-х, не требовал восстановления ни плановой экономики, ни колхозов и совхозов, ни однопартийной системы. В этом снова проявилась его мудрость,

умение идти в ногу с веком, которого часто не проявляют не только подобные ему седые патриархи, но и гораздо более молодые люди.

Многие наши современники, живо интересующиеся историей, задаются вопросом: возможно ли было достижение суверенитета сразу после падения российского царизма или, скажем, в очень благоприятные 1960-е или 1970-е годы XX века, в годы полулиберальной хрущевской «оттепели», случись в истории такой неожиданный шанс? Мой ответ таков: к сожалению, нет. Неграмотный, экономически отсталый, разрозненный и к тому же малочисленный киргизский народ в любом случае не сумел бы удержать суверенитет и создать нормальную национальную государственность после 1917 года.

Бог нас миловал — государственный суверенитет Кыргызстана был достигнут именно в тот исторический момент, когда наш народ и демографически, и интеллектуально, и экономически находился на достаточно высоком уровне развития, хотя кризис во второй половине 1980-х, а также годы радикальных реформ начала лихих 1990-х кардинально изменили структуру экономики и общую картину социальной жизни. И все же в национальном сознании современных киргизов существует две ключевые точки отсчета: это жизнь в составе СССР и так называемый досоветский период. И в этом историческом контексте самой уважаемой фигурой советского времени для киргизов был и остается Владимир Ленин. Автор этих строк прекрасно понимает, каково отношение иных народов к этому человеку, но у киргизского народа сложилась своя парадигма развития, и в этом смысле восприятие вождя мирового пролетариата в Кыргызстане сложилось уникальное.

В связи с отношением к Ленину мне вспоминается такой эпизод из истории уже независимого Кыргызстана, когда автору этих строк пришлоось выслушать очень жесткую критику Турдакуна Усубалиева.

Дело все в том, что в 2003 году, в рамках 2200-летия киргизской государственности, отмечаемого по решению Генеральной Ассамблеи ООН, был инициирован перенос памятника В. И. Ленину с площади Ала-Тоо на Старую площадь, что напротив прежнего парламента (сейчас там находится аппарат правительства). Главным инициатором этого дела являлся я, в то время государственный секретарь Кыргызстана, ведающий вопросами идеологии, культуры, образования и науки.

Почему перенос? Причина была проста: при всем уважении к «вождю мирового пролетариата», ко всему хорошему и добруму, что было сделано на нашей земле им придуманной властью, его массивный, непомерно пафосный памятник с указующей рукой непонятно куда в самом центре города давно выглядел архаичным, напоминая какой-нибудь Пхеньян с монументом Ким Ир Сена, «дорогого Вождя и Отца всех корейцев». К тому же ни в одной бывшей союзной республике не осталось памятника Владимиру Ильичу — все снесли и отдали на металлолом еще в годы горбачевской перестройки. Мы — нет. Уважали чувства старшего поколения, особенно коммунистов. Но ясно было, что даже при таком особом к Ленину отношении эту архаику советского монументального искусства нужно было все-таки перенести на какое-нибудь уважаемое место, а центр города отдать символике, отражающей нашу вековую идею о национальной государственности. Тем более ООНовское решение обязывало нас к тому, чтобы мы непременно учитывали древний исторический контекст, не отвергая и современность, поздние реалии.

Все понимали, что это будет большой политический скандал, что киргизская оппозиция воспользуется этим «отличным», с их точки зрения, моментом, чтобы поднять большой шум, чтобы привлечь на свою сторону и коммунистов, и старшее поколение, обвинив власть в «оскорблении чувств», «вандализме» и проч. Что и случилось. Даже хуже. Но реализация идеи о переносе памятника была настолько сложной, связанной с клубком проблем, в том числе и чисто технических, что ее провал был бы чреват самыми худшими последствиями. Во-первых, мы могли передвинуть Ильича, но не успели бы установить новый, по значимости равнозначенный монумент, на его месте. Но самая большая проблема все-таки состояла в том, а чем, какой символикой заменим Ленина, будет ли новый проект хотя бы художественно и идеально эквивалентным тому, что передвинем? А как найти финансы, объявить конкурс, обсудить варианты и преодолеть все тонкости и необходимые формальности, чтобы работу завершить в срок?

Когда я, в то время Государственный секретарь Кыргызстана, ставил этот крайне щепетильный вопрос перед президентом Акаевым, он меня полностью поддержал, напомнив при этом про все возможные риски и очень серьезные политические последствия. Я сказал, что я их осознаю и отдаю себе полный отчет.

Но меня ждало ожесточенное сопротивление правительства во главе с Н. Т. Танаевым, который вообще не хотел даже слышать об этом. Я упорствовал не меньше. Дело дошло до взаимных угроз, оскорблений, но арбитром все-таки выступил Аскар Акаев, который призвал нас обоих «обсудить спокойно, выслушать друг друга» и решить вопрос. Этот сигнал главы государства правильно понял Николай Тимофеевич, который значительно смягчил тон, но все-таки категорически отказал в финансах. А финансы нужны были не только для сноса громадного памятника весом в 12 тонн и высотой 8 метров, что было само по себе сложнейшей технической проблемой. Деньги нужны были и для нового памятника. А это означало, что нужно платить новому автору, рабочим, платить за бронзу или медь, из которой и отливают памятник. Ясно было, что и новый памятник не должен быть ниже прежнего, который был, как сказано, 8 метров высотой. А потом и его установить, нанять технику, при этом не испортить гранитное покрытие площади и т. д.

Словом, проблем мы наваливали на себя огромное количество, но вдохновляла сама идея — на главной площади страны установить некую символику, которая бы воплощала наш многовековой путь от древней киргизской государственности до наших дней. Мое общение со всеми ведущими скульпторами страны убедило в том, что почти бесполезно объявлять новый творческий конкурс, поэтому нужно искать компромиссный вариант, иначе нас ждет полный провал. И тогда мы свой взор обратили на памятник, который уже стоял на месте «железного Феликса», то есть Дзержинского. Автором работы был выдающийся кыргызский скульптор, лауреат Ленинской премии, ученик знаменитого С. Коненкова, Тургунбай Сыдыков. Работа вызывала разноречивые мнения среди экспертов, критиков, были и сторонники, но и критики, как обычно бывает. Но лично меня утешало то, что она уже стояла несколько лет, к ней люди привыкли, и поэтому могла бы быть принята как тот компромиссный вариант, который искали. К тому же и автором скульптуры Ленина, которого собирались перенести, тоже был Т. Сыдыков. Переговоры с автором работ шли очень долго, но его удалось убедить, и он согласился взяться за новую работу... Он обещал внести определенные корректировки в свою скульптуру, увеличить ее в объеме, усилить первоначальную художественную идею и завершить в срок. Мы должны были снести Ильича со всей почестью, подчеркнуто уважительно и только передвинуть на новое место.

Словом, все удалось сделать только накануне праздника независимости — и новую скульптуру установить на месте старой, и Владимира Ильича поставить на новое, не менее почетное и уютное место. Такую почесть оказали Ленину только мы, кыргызы, в отличие от москвичей, ленинградцев, других российских городов, не говоря о бывших союзных республиках.

И вдруг мне звонит по прямой линии Турдакун Усубалиевич. Он говорит: почему решили сносить памятник, почему вопрос не согласовали с парламентом? и т. д. Я попытался ему объяснить причины такого решения, обосновать и особо подчеркнуть, что речь не идет о сносе, а переносе скульптуры на вторую по значимости площадь столицы, где находится здание бывшего ЦК партии и где работает сейчас парламент страны. Но он не воспринял мои аргументы. Он посчитал, что этим самым мы, администрация президента, проявили неуважение к истории, к памятникам культуры..

Конечно, парламент свою осеннюю сессию начал с политической «чрезвычайки», поставив вопрос об отставке всего правительства во главе с Н. Т. Танаевым, Государственного секретаря, то есть меня, но все-таки удалось объяснить депутатам, получить их поддержку. Они приняли во внимание то, что скульптуру Ленина бережно сохранили, провели необходимую реставрационную работу, открыли ее на новом месте с почетным караулом, с оружейными залпами, возложением венков и парадным прохождением трех родов войск перед монументом.

Теперь о новом памятнике. Он с самого начала вызывал споры. За то, что там — женщина. Спорили и говорили, что это — искусство, у него свой язык символов, опосредованый. По мнению оппонентов, женщина должна была быть только в платке, не открывать голову.

Но памятнику «Женщине-спасительнице» не повезло. Ее все-таки снесли «революционеры» образца 2010 года и на ее месте установили памятник Манасу Великодушному. Причем несмотря на то, что через остановку, на той же улице давно стоит огромный памятник тому же Манасу. «Революционеры», зараженные бациллой квасного патриотизма и национализма, не послушались.

Таким образом, памятник Ленина не снесли, только перенесли. С уважением и почетом. Это очень большая разница. Ильич и сейчас стоит и указывает куда-то своей правой рукой всего лишь в ста метрах от прежнего своего местоположения.

Кстати, когда ельцинская власть конца 1990-х перезахоронила останки расстрелянного большевиками царя и его семейства, а православная церковь причислила Николая к лику святых, в Кыргызстане это было встречено если не возмущением, то недоуменным пожиранием плеч. За что? За то, что царская Россия была, как Ленин говорил, «тюрьмой народов» и ее власть практически ничего не делала для социально-экономического подъема окраинных областей? А если даже что-то было сделано, но разве можно это сравнивать с тем, что было сделано властью ленинской, Советской? Усубалиев на этот вопрос отвечал однозначно: нет, нельзя.

Турдакун Усубалиев в своих работах неустанно подчеркивал, что именно при Советской власти в Туркестане началось территориальное размежевание, что именно советская Москва признала право киргизов на самостоятельное национальное существование. Киргизская автономия на первых порах была включена в состав РСФСР. Как потом писал первый президент суверенного Кыргызстана Аскар Акаев, это предотвратило растворение киргизов в общем туркестанском котле. А потом наравне с другими союзными республиками возникла и Киргизская Советская Социалистическая Республика. За 70 лет существования Советской власти киргизская государственность получила солидную основу. Семимильными шагами развивались культура, литература, наука. На этой базе родился современный суверенный Кыргызстан.

Со времени парада суверенитетов 1991 года прошло четверть века, имели место разного формата и содержания события, пережиты как трудности, так и радости, но оценка политики царского правительства современными киргизами фактически не изменилась, если не укоренилась еще больше. Тому есть целый ряд очень весомых, как выясняется, причин. Одна из них — трагические события 1916 года, у киргизов и казахов называемые Уркун, 100-летие которых было отмечено в Кыргызстане на самом высоком государственном уровне.

Год столетия Уркуна был достаточно эмоциональным годом. Но он, к счастью, прошел без всяких экстремистских всплесков, а цивилизованно, под знаком глубокого погружения в прошлое и поклона жертвам трагедии. Таким образом, исторический дуализм киргизов связан

именно с памятью о жестоком подавлении восстания киргизов царскими карателями и с благодарностью за то, что большевистская власть вернула восставших киргизов-беженцев из Китая обратно на родину, а вернувшимся оказалася всемерную помощь.

Киргизы как этнос прошли путь длиною более чем в 22 века; на этом пути были и подъемы, и падения, были и трагедии, причем страшные, но мы не сгинули, не потерялись на этом долгом пути. Более того, наша древняя история привела нас к современной национальной государственности под названием Республика Кыргызстан, и это наше главное историческое обретение.

Конечно, если бы не было девятьсот шестнадцатого года, немалых жертв последующих советских десятилетий и Великой Отечественной войны, у Кыргызстана был бы совсем другой потенциал. Увы, у истории, как верно говорят, нет сослагательного наклонения. А советский вождь Владимир Ленин и последний русский император Николай II были и остаются двумя полюсами в восприятии киргизами прошлого XX столетия. Тут ничего не поделаешь, потому что это давнее и общее, укоренившееся мнение киргизского народа. У самих русских, у прибалтов, у народов Закавказья, даже у других народов Средней Азии может быть иное отношение к русской революции 1917 года, но у киргизов свой «гамбургский счет» к тому, что пережито в XX веке, и их трудно было бы переубедить в обратном. Большой памятник основоположнику Советского государства и сейчас украшает одну из главных площадей Бишкека, и никто даже не думает сдать его в металломол или перенести в какой-нибудь музей, как это сделали во многих постсоветских странах.

Вместе с тем нужно подчеркнуть, что уважение к памяти Ленина ни в коем случае не означает оправдание тех преступлений, которые совершили коммунисты, и реанимирования того тоталитарного строя, в который загнал народы Иосиф Сталин. Эта давняя историческая дилемма, и она как была, так и поныне остается аргументом в давнишнем споре киргизов: если бы у Ленина была возможность дальше управлять страной, мог бы СССР стать совершенно другим государством, чем при Сталине? Но это уже совсем другая тема и другой разговор.

Надо подчеркнуть и другое, коли мы обсуждаем прошлое столетие, включая революцию 1917 года. Да, СССР был, но он уже ушел в историю. Если даже отношение к нему изменится от отрицательного к более или менее по-

ложительному, то это вовсе не означает возврата к прошлому. Назад пути нет и не должно быть, поэтому всяческие политические инсинуации и глупые имперские притязания обречены на провал. Дело в том, что независимость — это никак не предмет торговли или политических сделок за кулисами. Государство — это непреходящая ценность, и никому не позволено покушаться на него. Но сотрудничество с Россией, как и другими постсоветскими странами, как с субъектами международного права — дело совсем другое и жизненно необходимое.

А Россия — сфинкс. Но вот вопрос: куда, в какую сторону она сегодня мчится, говоря словами классика? Куда? В сторону демократии и современной мультикультурной цивилизации или, наоборот, к неоимпериализму и реваншизму? Как и во времена русского классика, пока на это нет однозначного ответа.

Сегодня мы самостоятельны, наш суверенитет всемирно признан, все зависит только от нас, от нашего многонационального народа, от его политической воли и решимости, от готовности превратить Кыргызстан в нормальное процветающее государство, которого уважают в мире и к которому все народы мира относятся как к независимому полноценному государству. И все же в общем контексте XX века о Советской власти, о Советском Союзе, некогда нашей общей родине, следовало бы сказать отдельно, учитывая его реальные огромные заслуги перед нашей страной.

Да, был Великий киргизский каганат, было киргизское великороджавие — это все доказанные факты истории. Были Кокандское ханство, Российская империя, трагический 1916 год; и, конечно, Советский Союз. Но был и XX век в целом — без преувеличения наше столетие, наш культурно-образовательный «золотой век», век нашего национального возрождения.

Если киргизы в составе Российской империи были бесправным второсортным колониальным народом, у которого насилино отобрали все пахотные, поливные земли, то Советская власть уравняла всех в своих правах, сделала все возможное, чтобы наш народ имел доступ к знаниям, к развитой культуре, чувствовал себя полноценным и полноправным народом в социалистическом сообществе народов СССР. Но законы истории и диалектика развития общества оказались неумолимыми — к началу 1980-х годов Советский Союз вошел в стадию экономической стагнации; отсталость от постиндустриального Запада чувствовалась во всем, а

ЭТО ВЫЗЫВАЛО в сознании людей, в восприятии многонационального советского общества все растущее недовольство. Начались реформы, отход от многих советских ценностей и в политике, и в социальной системе! Так появился на карте мира новый Кыргызстан, «островок демократии» во главе с ученым-математиком, электронщиком Аскаром Акаевым.

Турдакун Усубалиев с понятной озабоченностью и в то же время с законной гордостью относился к государственному суверенитету. Он всячески поддерживал А. Акаева, его команду, и они к нему относились с огромным пietetом, и он все-таки сумел стать участником новых процессов. Его взаимоотношения с новым руководством сложились поначалу достаточно непросто, и на то у него были веские основания. «Золотой скандал», связанный с привлечением первых и практических по сей день самых крупных зарубежных инвестиций, столкнули его с Аскаром Акаевым — первым лидером независимого Кыргызстана. Но в скандале был найден компромисс, и в этом компромиссе весомую роль сыграл именно Турдакун Усубалиев, тогда депутат парламента.

Многолетний лидер советского Кыргызстана вошел в историю страны как деятель, для которого самым главным условием построения независимого национального государства была консолидация всего народа молодой республики. Об этом он писал: «Первым главным условием этого является единство самого киргизского народа. Киргизский народ — мудрый народ, он на основе своего жизненного опыта обязан глубоко осознать, что региональное деление киргизского народа, деление его по родам и племенам в решении вопросов политики, экономики, культуры, вообще во всех сферах общественно-политической и государственной жизни — это пагубный путь. При регионализме, при трайбализме невозможно построить демократическое правовое государство. Это следовало бы всем нам, киргизам, помнить постоянно».

Второе главное условие — это укрепление единства и сплоченности киргизского народа с национальностями и народностями, проживающими в Кыргызстане. Кыргызстан — это не моннациональное, а многонациональное государство.

Имя киргизского народа носит наше государство. Это на нас, киргизов, налагает большую нравственную и гуманистическую ответственность по отношению к некиргизским национальностям республики. Это вытекает из веками устоявшейся благородной традиции киргизского народа».

Турдакун Усубалиев оказался последним крупным государственным деятелем советского образца в масштабах истории Кыргызстана. Даже после общественной реабилитации, став депутатом парламента, он так и не стал политиком в современном смысле этого слова. Не примыкал к политическим игрищам и не тусовался в партиях и движениях, без всякого расчета и личной заинтересованности поддерживал в определенных вопросах Президента Аскара Акаева, при этом оставаясь независимым и самостоятельным. Он понимал, как сложно управлять страной в переходное и кризисное время, хотя, насколько я могу судить, так и не принял многие нововведения демократической жизни. Продолжал работать над своими воспоминаниями, анализом экономической истории Кыргызстана, приводил в порядок то, что он считал нужным для правильного восприятия и толкования многих исторических и экономических событий в стране.

Именно в это время перемен на Усубалиева, если можно так сказать, появился спрос. Снова стал востребован его опыт, с ним вместе вернулось уважение. Говоря образно, Турдакун Усубалиев 1990-х годов был живым воплощением истории, неким горделивым памятником прошлого со своей сединой, неспешной походкой и манерами говорить и выступать.

Достаточно подробно изучив биографию Усубалиева, я не могу сказать, что у него было какое-то болезненное желание быть всегда первым, всегда успешным, называться отличником. Но я не ошибусь, если скажу, что Усубалиеву никогда не нравилось быть в толпе, оставаться незамеченным, плыть по течению и т. д. Скажу больше: в начале 1990-х, когда я первый раз с ним столкнулся и пригляделся более или менее внимательно, я сразу ощутил на себе взгляд патриарха, который привык смотреть на всех остальных не то чтобы свысока, но все-таки сверху, с вершины пирамиды, с высоты трона. Даже его поддерживающая улыбка, как мне показалось, была не чем иным, как снисхождением вельможи, вынужденного согласиться с всеобщими правилами политеса, пресловутого демократизма. Я не знаю ни одного человека, будь он чиновник или человек искусства, которому он публично выразил свой восторг или восхищение, хотя, бывало, он кому-то живо аплодировал, одобряюще кивал, даже похлопывал по плечу. Одна из причин такой сдержанности, как мне представляется, состоит в его богатом жизненном опыте, причем в опыте руководителя

высшего звена, комплимент или похвала которого легко может свести с ума адресата такой похвалы.

Действительно, это было непростое, экстраординарное время не только для Кыргызстана, но для всей огромной страны по имени Советский Союз. Непросто было пережить эту эпоху старшему поколению, таким людям, как Турдакун Усубалиев, Курмангали Каракеев, Казы Дикамбаев, которые видели и переживали эту систему с самого ее рождения. Видели они и то, как она теперь боксует, топчется на месте, вызывая раздражение и вполне законное недовольство людей. Быть может, люди продолжали бы жить, как раньше, но было с чем сравнивать, на что посмотреть, и делать выводы, какая система все-таки предпочтительнее.

Нельзя не учитывать и еще одно обстоятельство. Оказалось, что ошибки и заблуждения, а то и горькие провалы в работе ушедших администраций и правительства легко вычленить и выставить на всеобщий критический обзор, но увидеть положительное и прогрессивное в водовороте самых разнообразных событий и текущего медийного негатива — дело совсем непростое. По-видимому, такова феноменология исторического соучастия и сопереживания, когда, как говорил поэт, лицом к лицу лица не увидать, а большое видится только на расстоянии.

Никто до сих пор не попытался проанализировать поиски в сфере идеологии и национальную политику первых лет государственного становления Кыргызстана. Наши политологи, большинство из которых, к сожалению, мало отличаются от журналистов среднего уровня, «забыли», что одна только Генеральная Ассамблея ООН три раза приняла решение по предложениям Кыргызстана, и год 1000-летия эпоса «Манас» (1995), Год киргизской государственности (2002), а также Международный год гор (2000), которые оказали на национальное самосознание народа огромное влияние.

ПОСТСОВЕТСКИЙ МИР И СОЦИАЛИЗМ: СПОРЫ ЕЩЕ ПРЕДСТОЯТ

Существует расхожая цитата из китайского лидера эпохи реформ Дэн Сяопина, который на вопрос о том, как нужно оценивать значение Великой Французской революции, якобы ответил, что «рано еще подводить итоги». Не

думаю, что ответ Дэна так уж точен, глубок и непререкаем, но в деле толкования и восприятия итогов Октябрьской революции, судьбы СССР или Советской власти в целом, просуществовавшей всего 72 года на «одной шестой части суши», многие оценки и аналитические выводы оказались действительно преждевременными. Конечно, слишком мало времени прошло. Жива еще социальная инерция той эпохи, все еще актуальна ее ценностная шкала. Грандиозные социальные порывы и гуманистические устремления Советов пусть и не всегда воплощались в жизнь, но уже пересматриваются через призму сегодняшних реалий и видятся в несколько ином свете. Тому есть отнюдь не банальное объяснение: за годы суверенизации и независимого государственного развития бывших советских республик очень многое из прошлой истории было переосмыслено; с другой стороны, пришлось пережить немало горьких разочарований как в политической жизни, так и в социальной, гуманистической сфере. Я бы сформулировал эту ситуацию так: уродств в Советском Союзе было множество и над ними мы сами, граждане страны, с большим удовольствием смеялись, сочиняя самые безжалостные анекдоты. Но такого мира кривых зеркал, такого объема уродств и искривлений, такого уровня диктатуры и средневекового самовластия, какие нам приходится наблюдать в так называемом постсоветском пространстве, вряд ли кто из бывших советских аналитиков мог предположить даже в мыслях.

Примерно такая эволюция взглядов свойственна современному киргизскому обществу, где в отличие от других постсоветских республик Средней Азии принято открыто обсуждение любых вопросов политики, истории и экономики, где свобода слова и демократия продолжают иметь место вопреки всему. Уникальность ситуации в том, что киргизы, в отличие от других, продолжают уважать Ленина, тогда как во многих республиках его имя не принято произносить со знаком плюс. В то же время те же киргизы открыто не любят, если не сказать ненавидят, свергнутого вождем мирового пролетариата последнего русского монарха Николая II. Одним из самых яростных критиков Российской империи и в то же время убежденным апологетом СССР был и остался герой нашей книги — Турдакун Усубалиев.

И все-таки Усубалиев и советский социализм — это особая и очень интересная тема. Об этом еще напишут и найдут много уникального и неповторимого. И, по-видимому,

согласятся с тем, что этот великий человек во многом был прав в своих утверждениях и мыслях.

Советскую систему, ее ценности он защищал и восхвалял до конца своей жизни. Было бы странно, если бы дело обстояло по-другому. В то же время никто и никогда не слышал, чтобы он каким-то образом был бы против государственной независимости. Слово «суверенитет» для него не было пустым словом, а политической реальностью, в которой нужно разобраться, о которой нужно заботиться, и которой нужно служить так же, как советскому Кыргызстану. И он служил и помогал всеми силами, которых, несмотря на почтенный возраст, у него было немало.

Нельзя сказать, что Первый секретарь ЦК КП Киргизии эпохи нашего «Серебряного века» был совсем уж твердолобым догматиком, который отказывался видеть, как время меняется и как на глазах переворачивается история, сметая все на своем пути и увлекая огромные людские массы в определенную сторону. Нет, он не был безнадежно зашоренным человеком. У него были достаточно острый аналитический ум и широкое видение проблем. Когда Кыргызстан получил государственный суверенитет, он смело включился в живой политический процесс, стал депутатом, причем активно работал со своими избирателями, боролся с конкурентами и выходил победителем. Правда, он достаточно критически относился к издержкам киргизской «островной» демократии, к дикому или полудикому местному капитализму, но никогда не призывал вернуться к планово-административной советской экономике, к однопартийности и цензуре.

По-видимому, многим апологетам СССР и сейчас, спустя почти четверть века, трудно понять самый большой парадокс этой страны — с одной стороны, достаточно мощный культурно-гуманитарный и научно-интеллектуальный потенциал, накопленный именно в годы советской автократии, но, с другой, тот факт, что именно этот потенциал и не позволил новым лидерам страны заново превратить Советский Союз в приснопамятный тоталитарный «скотный двор», создавать новые ГУЛАГи и вновь организовывать массовый террор, чтобы спасти систему.

Да, страна переживала период политического застоя и экономической стагнации, но культурный запрос людей, движение вперед в плане интеллектуального развития, формирования нового взгляда на жизнь, историю и окружающий мир никак не останавливались. Перестройка и

гласность, провозглашенные М. С. Горбачевым как новый политический курс страны, наполнили понятие «демократия» иным смыслом, чем это было прежде, и по мере того как менялись такого рода ценности в обществе, изменению подверглись и людские взгляды на вещи, их социально-политические предпочтения.

И все же никто не мог предположить, что именно новые идеи и взгляды на жизнь, на демократию, на историю подорвут самые устои Советского государства, заронят в души людей глубокое сомнение в праведности того пути, избранного еще в годы прихода к власти большевиков.

К сожалению, недоброжелатели и критики все равно оставались. В этом смысле он напоминал Маргарет Тэтчер в Великобритании, которую, давно пенсионерку, одни до небес хвалили, а другие открыто ненавидели. Как известно, причин для этого всегда находится более чем достаточно. Например, Усубалиева эти недоброжелатели критиковали даже за то, что он урвал из общего советского пирога недостаточно много, или за то, что вырастил мало кадров из определенных регионов страны. Понятное дело, что дети и внуки тех, кого Усубалиев в свое время снял с должности или «не заметил» и не назначил, тоже говорили про него разные гадости. «Даже теперь, спустя многие годы, я не застрахован от несправедливой критики, — сетовал патриарх. — Может быть, все дело в том, что я продолжаю активно заниматься политикой? Будучи депутатом кыргызского парламента, я, так или иначе, работаю для своего государства и своего народа в той сфере деятельности, к которой имею склонность и в которой имею немалый опыт. Но я уже однажды писал о том, что быть действующим политиком, значит, постоянно вызывать огонь на себя.

Конечно, уйди я в тишину и безделье пенсионного возраста, то обо мне, возможно, уже перестали бы говорить. Сколько можно было бы толочь в ступе воду, рассуждая на тему: надо ли было мне перестраивать столицу Кыргызстана или не надо было?! Даже мои самые активные критики теперь, если и бранят меня за это, все-таки понимают, что не будь наша столица мною реконструирована и перестроена, мы бы сейчас вместе с нею имели бы жалкий вид. Открыто они это признать не хотят, однако в глубине души давно уже поняли, что я был прав в этом вопросе и стратегически, и тактически.

Но вот тот факт, что я по-прежнему в строю и по-прежнему пытаюсь активно воздействовать на важные

для нашего государства события, им покоя не дает. Может быть, за этим стоит зависть: хотят они это признавать или не хотят, но я все-таки как политик толк в этом деле знаю. Может быть, за этим стоит их собственное бессилие. Не знаю. Однако я и теперь чувствую на себе их пристальное внимание, ни один мой шаг, ни одно мое намерение не остаются без их комментария, без их попытки истолковать их по-своему.

Чисто по-человечески мне это, разумеется, неприятно. А кому были бы приятны всякие досужие выдумки и разговоры, которые ничего общего с истинным положением дел не имеют, а направлены только на то, чтобы, так или иначе, подорвать мой авторитет? Но как политик, я отношусь к этому, как к неприятному, но неизбежному атрибуту всякой общественной деятельности». Так прокомментировал Усубалиев упреки и критику, звучавшие в его адрес.

Когда дело касается врагов и недоброжелателей, бывший лидер Кыргызстана не брезговал ни едким сарказмом, ни желчными сравнениями — таков был его характер. Он мог находить такие убийственные слова или метафоры, что это нельзя было охарактеризовать иначе как настоящее оскорблечение. «К врагу вставал железа тверже» — Маяковский сказал это словно о нем. Говоря о своих врагах, он вспоминает одно такое, как он говорит, «народное предание». В стародавние времена жило одно животное, и оно на водопое сначала влезало всеми четырьмя лапами в воду, смешивало ее с илом и грязью и только после этого начинало пить. Долгое время люди не могли понять причину такого поведения животного. Все же потом выяснили: животное делало это только потому, что не хотело видеть в чистой воде своего мерзкого облика. «Я понимаю, что эта параллель покажется кому-то оскорбительной. Но как иначе объяснить их действия?» Это слова моего героя.

В другой раз он размышлял вслух: «Вопрос о врагах... Есть ли они у меня? Есть, конечно. Но их не так много. Можно было бы также назвать поименно, но как я уже сказал, чести им такой не окажу». Кстати говоря, даже Чингиза Айтматова при жизни критиковали за то, что мало писал на родном киргизском, что в повести «Джамиля» он изобразил безнравственную потаскую, убежавшую с первым мужчины, несмотря на то, что ее муж находился на фронте, защищал родину. В этом смысле Турдакун Усубалиев никак не был исключением. Тем не менее общественное отношение к нему чаще всего было искренним и уважительным.

КОНЧИНА ПАТРИАРХА. ПРОВОДЫ В ПОСЛЕДНИЙ ПУТЬ

Турдакун Усубалиев обладал прекрасным здоровьем — в этом нет никакого сомнения. Судя по тому, что отец его дожил почти до ста пяти лет и при этом никаких недугов, кроме чисто физического старения организма, у него не наблюдалось, у него была очень хорошая генетика. Все, кто с ним общался или сотрудничал, когда ему было далеко за 80, единодушно говорят, что патриарх кыргызской политики обладал прекрасной памятью, очень стойкой психикой, даже зубы у него были свои.

Автор этих строк долгое время пользовался услугами медицинского сервиса государственной резиденции в Бишкеке, и все работники говорили о том, как Усубалиев любит плавать в бассейне, получать массаж, тщательно следит за зубами и за общим состоянием своего здоровья.

Многие интересовались и спрашивали у близких бывшего лидера нации, что он любил кушать, употреблял ли алкоголь, как относился к курению, к мясным блюдам и т. д. Ответ получали совсем не уникальный: выяснилось, что Усубалиев любил самую обычную еду: борщ, блинчики, чай с молоком или малиновым вареньем, кумыс, черный хлеб и тому подобное. Ну, гулял по утрам и вечерам, редко, но ходил в гости, любил общаться с детьми, внуками, правнуками. То есть нельзя было сказать, что Первый секретарь вел какой-то уникальный образ жизни, что у него были какие-то секреты долголетия, что он ест только деликатесы и живет по какому-то особому календарю и расписанию. Оказалось, что нет. Но фактом являлось то, что он постоянно работал. Ибо он имел дело с большой историей и знал, что она — невероятно хрупкая вещь и если с ней не обращаться аккуратно и не относиться внимательно, может произойти все что угодно. Это он знал точно, поэтому все, что он писал, публиковал и выяснял, относилось к этому капризному, но захватывающему увлекательному объекту раздумий и диспутов. Так появились те восемь томов исследований, мемуаров, документов, что он успел опубликовать.

Всё это было, но повторить рекорд долголетия своего отца Турдакун Усубалиевич все же не смог. Он болел, долго и упорно лечился, но когда московские специалисты посоветовали лечь на операцию, категорически отказался, предпочтя медикаментозное лечение. Один раз он сильно удивил своих близких, родных, сказав, что не хотел бы до-

жить до ста лет. Разумеется, никто не стал уточнять, почему у него нет желания побить рекорд отца, но мудрый Усубалиев совсем не хотел передвигаться на коляске или есть с помощью других, быть кому бы то ни было обузой. Он хотел жить полноценно, ходить своими ногами, есть своими зубами и не запомниться людям дряхлым, беспомощным и жалким. Я лично полагаю, что последний момент для него был все-таки решающим аргументом, чтобы не стремиться к формальному, физиологическому столетию.

Это было видно по тому, что он так и не появился на публике в день своего девяностолетия. Участники торжества посыпали свои поздравления через видеозапись или записывали на видео. В последние годы он вообще почти не принимал посетителей, хотя его состояние не было таким уж критическим, недесспособным. Но он был вовсе не тем, кем всем запомнился.

Конечно, он все время читал, особенно газеты, смотрел телевизор и следил за событиями в стране. И видел, как отношение к нему в обществе в корне изменилось, как люди к нему относятся с неподдельным уважением. Он им представлялся живой историей, неким «памятником нерукотворным»; он, наконец, услышал, что о нем говорят, какие эпитеты и сравнения используют, характеризуя его личность, его службу стране. Можно с уверенностью предположить, что у него не было причин сетовать на судьбу или считать себя ущемленным и недооцененным. Он становился в глазах новых поколений некой легендой, человеком с невероятной судьбой и огромными заслугами перед страной.

Ушел он тихо, без мучений, в окружении детей, внуков и правнуков. Реакция общества на кончину патриарха киргизской политики была очень эмоциональной и живой — все говорили, что ушла из жизни историческая фигура, великая личность. Вновь вспомнили, что он был человеком с чистыми руками, нетерпимым к коррупции, настоящим патриотом, выдающимся организатором, последним из советских могикан. Все эти качества выглядели абсолютно противоположными тому, в чем обвинялись практически все руководители Киргызстана постсоветского периода, от Аскара Акаева до Алмазбека Атамбаева. Именно поэтому Турдакун Усубалиев вновь предстал в глазах людей почти идеальным руководителем, образцом для подражания, не повторимым деятелем. Возник термин «Серебряный век», точно совпадший с его периодом правления, и одним из

выдающихся персонажей этого незабвенного и исторически важного периода являлся Усубалиев.

Его похороны состоялись в Бишкеке, на той эпической площади, которую окружают беломраморные здания и которую построил он, положив на карту свою карьеру. Площадь, когда-то носившая имя Ленина, сегодня называется «Ала-Тоо» в честь главного горного хребта Киргызстана, а придумал такое название его выдающийся современник — Чингиз Айтматов.

Это было впечатляющее, символическое прощание. Народу было очень много, пришли на площадь и стар и млад. Выступил с речью Президент, и недалеко от трибуны развевался на высоком флагштоке алый флаг независимого Киргызстана.

Так ушел человек, с именем которого связаны и яркий культурный и экономический подъем Киргызстана, и строительство той социально-образовательной, духовно-культурной базы, которая заложена в основу независимого Киргизского государства.

Как-то раз он написал: «Киргызстан в моем сердце». Это на самом деле было так. Он был не поэтом, но политиком, привыкшим говорить на своем специфическом языке, но все, что он делал, было сделано во имя этой страны и ее процветания.

ПОСЛЕСЛОВИЕ

Прослеживая впечатляющий жизненный путь и со-ставляя политический портрет Турдакуна Усубалиева, я не мог не обратить внимание на то, что он — одно из несомненных исторических везений в судьбах Кыргызстана. Руководитель честный, совершенно не коррумпированный, в высшей степени работоспособный, адекватный, фанатично преданный своему делу... К сожалению, такого лидера современный Кыргызстан еще не нашел. Поэтому в стране небесных гор, как обычно называют нашу страну, очень часто можно услышать сетования на то, что с главами государства нам определенно не везет. В этом есть большая доля правды, хотя первые годы независимости Кыргызстан всегда обращал на себя внимание прогрессивными реформациями, открытостью, либеральной политикой, заслуженно заработав имидж «островка демократии».

Турдакун Усубалиев больше создавал, чем лавировал от выборов до выборов, услаждая слух избирателей и бегая от одной пресс-конференции на другую, потому что он был скорее государственный деятель, чем политик в современном смысле слова. Для него руки созидателя были важнее, чем язык политика. Кстати, он никогда не слыл интеллектуалом, пламенным оратором, напускающим виртуальный туман витневатой стилистики, рекламирующим красивые проекты, под которые не подведены реальные средства. Он был менеджером и архитектором, неотрывно работающим над мегапроектом по имени социалистический Кыргызстан. Абсолютно прав был Чингиз Айтматов, который однажды назвал Усубалиева настоящим главным архитектором и строителем города Фрунзе, переименованного в Бишкек, который под его началом полностью преобразил-

ся, стал просторным и современным, тонущим в зелени парков и садов.

Я бы назвал героя моей книги не только выдающимся государственным деятелем, но и выдающимся бюрократом в самом положительном смысле этого слова. Нет, я не оговорился и в этом моем определении вижу то, что характеризует настоящих менеджеров-государственников, которым нет цены, когда речь идет о строительстве страны, ее социальной и экономической инфраструктуре. Известно, что Ленин был крупным стратегом, идеологом большевистской революции, немного даже философом, но ведь реализовали его грандиозные идеи на местах люди типа Орджоникидзе, Кирова, Куйбышева и т. д. Это они превратили СССР из аграрной страны «без конца и края» в ядерно-космическую супердержаву.

В Индии, где мне посчастливилось в течение нескольких лет работать дипломатом, все помнят и знают, кто обустроил эту страну и собрал ее воедино экономически и политически. Это был великий Акбар, правнук Бабура, падишах из династии Великих Моголов, совсем не полководец, категорически не оратор и не трибун, но очень талантливый бюрократ и организатор. Индийцы до сих пор вспоминают его с благодарностью, хотя открыто недолюбливают его знаменитого прадеда, как жестокого завоевателя. Именно Акбар экономически структурировал Индию, определил налоги для каждого штата, установил дни и часы, когда эти налоги должны были поступить в казну, куда деньги должны уйти, как должны взаимодействовать штаты, этносы и религии. Это он первым вывел простую, известную всем формулу, всем говоря: «Живи сам и дай жить другим». Поэтому именем Бабура не назван ни один объект в Индии, но самый красивый проспект исторического центра Нью-Дели называется Акбар-роуд.

Путь Усубалиева в политике, вне всякого сомнения — достойный и огромный путь. Это путь строителя, путь государственного деятеля. Это дорога длиною в 70 лет — столько лет жизни он отдал работе, государственной и партийной службе. Дорога, приведшая, в конечном итоге к всеобщему признанию и уважению, к национальному Пантеону Славы и Труда.

В то же время я совершенно далек от мысли, что этот путь, эта дорога были сплошь усеяны розами и властный олимп давался ему с легкостью, без внешнего и внутреннего борения. Нет, его жизнь — сплошное напряжение,

порой доходящее до колоссального накала. И труд. Каждодневный, в чем-то опять бюрократический, строго регламентированный и системный. Возможно, без всякого вдохновения. То есть как часы, которые должны тикать и вращать стрелки, насколько на это хватит силы и энергии.

Вместе с тем, анализируя его долгую и внушительную биографию, нельзя и не нужно превращать это дело в некую политическую иконопись, идеализировать всё то, чем он занимался или вынужден был заниматься в бытность руководителем республики. Я допускаю и, более того, совершенно уверен в том, что он никогда бы не рассказал те тайны, что были ведомы только ему. Например, о чём он думал, когда прощался с партийной властью или когда все-таки решил не примкнуть к компартии после раз渲ла СССР. Не сомневаюсь и в том, что он всю жизнь опасался политической конкуренции, особенно тех, кто мог быть более успешным или выглядеть более ярким. Это было для него, как руководителя, весьма немаловажной, а иногда самой главной заботой и головной болью.

Да, советская политическая система была устроена так, что ликвидировала саму возможность политической конкуренции, и это было, как теперь оказывается, ее основной смертоносной болезнью. В эпоху Ленина практиковалась высылка несогласных за рубеж, при Сталине придумывались всякие «шпионские» дела, заканчивающиеся казнями и расстрелами. В эпоху Леонида Ильича с конкурентами обходились гораздо человечнее: либо случались странные «аварии», что произошло с белорусским лидером Машеровым, либо от них избавлялись, передвигая на какую-нибудь безобидную должность в Москве, или, наоборот, откомандируя «по поручению партии» на далекую периферию, где люди спивались и быстро деградировали. Такие примеры были и в Киргизии, и о них помнят и говорят до сих пор. В этом смысле Турдакун Усубалиев был, конечно, далеко не ангелом и, по всей видимости, не должен был им быть. К сожалению, в этом состоит драма тоталитарного общества, каким был и советский Кыргызстан в период правления Усубалиева, и с этим фактом мы не можем не считаться....

Коммунистам многое удалось сделать, но их большие свершения всегда уравновешивались и затушевывались общей исторической виной за репрессии, за уничтожение свободы и идеологическое подавление личности человека. Многообразие — интеллектуальное, духовное, биологическое — это фундаментальный закон бытия, но имен-

но против этого многообразия и направили всю мощь государственной машины коммунисты. Поэтому история СССР — это история огромных социальных свершений и, одновременно, история так и неискупленных тяжелейших грехов. Ценой искупления стал, в известной степени, развал созданной Коммунистической партией страны и последующий весьма нелегкий путь обретения — или необретения — этой самой свободы.

Турдакуну Усубалиеву исторически повезло в том, что именно на его годы и на его долю выпала честь и счастье возглавить Киргизию, когда этот созидательный порыв сопровождался обильными финансовыми влияниями из казны интенсивно богатеющего Советского Союза и он сумел из этого большого пирога немало урвать и для нашей страны....

Споры об Усубалиеве идут и сейчас и прекратятся нескоро, и это нормальное явление. Как известно, путь к истине никогда не был прямым и коротким — он лежит через тернии. Тем не менее тревожит то, чтобы в этом бесконечном и непримиримом споре с прошлым, в этом нравственном отторжении от былого, от собственной истории есть прямой риск потерять будущее. Как говорил Уинстон Черчилль: «Затеяв спор настоящего с прошлым, мы можем обнаружить, что потеряли будущее».

Нам не нужно отчуждение от себя, от истории собственной страны, излишнее увлечение критикой прошлого и его тотальным неприятием. Нельзя забывать хотя бы то, ценою каких усилий мы обрели свою национальную историю именно в постсоветскую эпоху, собрав по крупице каждую деталь, каждый штрих, не пренебрегая даже самым, казалось бы, непримечательным фактом. Действительно, нельзя пренебрегать ничем, чтобы реконструировать историю своего народа, причем историю древнюю, многовековую, а также новую и новейшую, такую, какой мы вправе гордиться.

Главное, что мы — суверенная страна, субъект международного права. Существует социально-правовая база, уже проторен собственный путь государственного демократического развития и заложен системный фундамент, и есть основной гарант этого фундамента — народ Кыргызстана.

Но историческая судьба и путь этнического развития киргизского народа никогда не были ровными и гладкими — тяжелая кочевническая жизнь, постоянные стычки с более многочисленными и сильными соседями, победы

и поражения, борьба за сохранение своей национальной целостности и права на самостоятельное существование вынуждали менять не только формат управления, но и географические координаты, даже территорию постоянного проживания. Это было понятно, иначе киргизы как этническая общность, как народ давно рассыпались бы, как песок, в бескрайних степях и заснеженных горах Евразии, в бесчисленном человеческом водовороте азиатских народов.

В 2019 году Турдакуну Усубалиеву исполнится сто лет. Но эти сто лет жизни не только этого несомненно выдающегося человека и лидера, но и сто поистине незабываемых лет истории Кыргызстана. Сто лет культурного, экономического, социального восхождения и возрождения республики.

...А мне представляется, что та самая птичка, влетевшая в главный кабинет страны в 1985 году летом и встретившаяся глазами с его седовласым хозяином, потом с радостью выпорхнула на волю и давно позабыла о том случае в кабинете, летя и кружась, никогда больше не ведая боли и стеснения. Возможно, однажды она сядет на верхушку высокого дерева и увидит, поворачивая шею, как внизу течет бесконечная людская река — символ движения Истории. А повернувшись в другую сторону, разглядит вдали привычную ей картину — циклопические силуэты белоснежных гор. И вновь попробует вместить в свое птичье представление мир людей, вечных гор и бесконечную синеву неба.

И с радостью, с упоением запоет...

ПРИЛОЖЕНИЯ

Приложение 1

Т. Усубалиев. Возрождение и трагедия моей страны

Открытое письмо постоянным членам государств — участников Парижского клуба: США, Великобритании, Японии, России, Германии, Франции, Дании, Ирландии, Испании, Италии, Канады, Нидерландов, Норвегии, Финляндии, Швейцарии, Швеции, Австрии, Австралии, Бельгии

Наш народ считает, что Союз был ликвидирован в одноточье, без предупреждения образовывавших его субъектов. Это привело к тому, что большими республиками от общесоюзного пирога, выпекавшегося усилиями всех бывших советских народов на протяжении многих десятилетий, достались ломти побольше, пожирнее и послаже, а небольшим республикам — лишь его крохи. Не было объективной оценки и справедливого разделения общесоюзного экономического потенциала. Никто не может оспаривать участие всех республик в создании экономической монополии бывшего Советского Союза. Кыргызстан, как и другие республики, вкладывал свои материальные ресурсы в освоение месторождений нефти и газа в Тюмени, Татарстане и Башкортостане, Туркменистане и Узбекистане, развитие Нечерноземья, строительство Байкало-Амурской железной дороги Российской Федерации, освоение целинных земель Казахстана. Таких общесоюзных народно-хозяйственных объектов, финансировавшихся из общесоюзного бюджета, было бесчисленное количество.

Даже проведение различных общесоюзных и международных форумов финансировалось за счет средств общесоюзного фонда, который составлялся, как правило, из вкладов всех республик. В этой связи вспоминается одно памятное событие. В 1980 году на строительство олимпийских объектов в Москве и проведение всемирных олимпийских игр было израсходовано свыше 19 млрд рублей из общесоюзного бюджета. Все построенные спортивные сооружения, социально-культурные объекты стали собственностью Москвы — столицы Советского Союза. И сегодня никто уже не помнит о том, что в связи с такими многомиллиардовыми расходами Советского правительства тогда было запрещено всем союзовым республикам (с общего согласия руководителей всех союзных республик) в течение пяти лет (1981—1985 гг.) строить спортивные сооружения. Многие важные проблемы развития экономики нашей

республики остались нерешенными. Союзный центр считал: не надо вам спешить, ваши вопросы будут решены в ближайшей перспективе.

Есть еще один, немаловажный, на наш взгляд, вопрос. После распада Советского Союза Российской Федерации объявила себя правопреемницей бывшего СССР, обладательницей всех его богатств, созданных субъектами Союза за годы советского строя. Кроме того, в конце 1992 года в СНГ согласован так называемый «нулевой вариант» по внешним долгам бывшего СССР. Согласно этому варианту, Россия взяла на себя обязанность возвратить все внешние долги бывшего СССР, а другие государства (бывшие республики) отказались от своей доли в долгах к бывшему СССР других иностранных государств и в его заграничном имуществе. Между тем, по опубликованным данным российских ученых-экономистов, бывший Советский Союз за 70 лет имел около 74 миллиардов внешнего долга (на начало 1992 г.), из которого 22,5 млрд, долларов было до 1984 года. В то же время государственный долг иностранных государств Советскому Союзу превысил 145 млрд долларов, что на 71 млрд долларов больше внешнего долга Советского Союза. Как видно, Россия не осталась в наследстве, имеет огромную выгоду. Сюда надо приplusовать еще заграничное имущество бывшего СССР, которое также создавалось за счет общесоюзных средств. Суммарная стоимость его, как известно, также составляет внушительную цифру. Далее. Из 71-миллиардного долларового долга иностранных государств Советскому Союзу какая-то доля, бесспорно, полагается Киргизстану, как и другим ныне независимым государствам.

В эти иностранные государства поставлялось, как мы уже говорили, немало продукции из Киргизской Республики. В России кое-кто говорит, что Киргизстан не получит ни грамма из своего золотого запаса, имеющегося якобы в России, поскольку он будто бы имеет внешний долг в размере 800 млн долларов. Нам говорят еще другое: Россия за годы советского строя якобы кормила все национальные республики, в том числе и Киргизстан, не получая от них ничего взамен.

Наряду с этим неоценима и другая истиница. Односторонняя помощь, которую получал Киргизстан в годы первых пятилеток, постепенно, начиная с 50-х годов, преобразовывалась, приобретала всесторонний взаимообразный характер. Народ Киргизстана из года в год увеличивал свой вклад в укрепление экономической мощи страны, все больше вводил свои богатые минерально-сырьевые и природные ресурсы в хозяйственный

оборот на благо всего Союза. По этому вопросу можно привести многочисленные конкретные примеры.

Понятно, что США защищают интересы своей страны. Вместе с тем американские политики должны и обязаны уважать интересы других государств. Величие государства не определяется численностью его народа. Киргизский народ — один из древнейших народов мира, имеет многовековые народные традиции, неуклонно соблюдает честность и справедливость.

После распада Советского Союза, когда его субъекты — бывшие советские союзные республики стали «независимыми» государствами, новоявленные демократы стали кричать на всех перекрестках о том, что Киргизстан в советский период развивался плохо, его экономика была якобы сырьевой базой. Так говорят они вопреки очевидным фактам, тем самым унижают народ Киргизстана, его трудовые и интеллектуальные усилия в советском периоде, грубо искажают правду о том, что в советские годы Киргизстан развивался стабильно, достиг огромных успехов в своем социально-экономическом и культурном развитии.

В 80-х годах Киргизстан был одной из процветающих, динамично развивающихся советских республик, располагал, как уже сказано, мощной современной индустрией и крупным механизированным сельскохозяйственным производством.

В 80-х годах самые разнообразные промышленные изделия Киргизстана поставлялись в 53 зарубежные страны. Это — электротехнические и физические приборы, сельскохозяйственные машины и металлорежущие станки, цветные и редкоземельные металлы, электродвигатели, погружные насосы, авторадиаторы и инструменты, кабельная продукция, электролампы и стекло, различные ткани и многие другие промышленные изделия.

Я уверен, что вышеизложенные статистические ежегодники имеются также в Библиотеке Конгресса США.

Уважаемые господа! Я старался рассказать вам об уровне социально-экономического и духовного развития Киргизской Советской Социалистической Республики в годы советского периода. В те годы киргизский народ вместе с народами других советских республик добровольно, по своему искреннему желанию объединялся в единый Советский Союз, жил с ними принципами единства воли и братской дружбы.

Киргизстан имел стабильно развивающуюся многоотраслевую промышленность. Приведя свои богатейшие минерально-сырьевые ресурсы в хозяйственный оборот, все больше наращивал свой вклад в укрепление общесоюзного единого

народно-хозяйственного комплекса, являющегося главной основой социально-экономического и духовного развития советских республик. Развивалось также высокомеханизированное сельскохозяйственное производство Кыргызстана. Производимые в Кыргызстане промышленные изделия и сельскохозяйственная продукция обеспечивали в полной мере не только потребности населения самой республики, поставлялись они еще во все другие братские союзные республики, а также во многие зарубежные государства. В советское время из года в год все выше поднималось социально-экономическое и культурное развитие Кыргызстана, его народ из пятилетки в пятилетку добивался все новых успехов в развитии своего благосостояния.

В Советском Кыргызстане, как и в других советских республиках, на высоком уровне развивалось бесплатное народное образование, бесплатное медицинское обслуживание населения. Огромные материально-технические и финансовые ресурсы направлялись на развитие науки и культуры. Обо всем этом убедительно свидетельствуют приведенные в публикации государственные документы, аргументы и факты.

Но прискорбное историческое трагическое событие — холодная идеологическая война, продолжавшаяся сорок лет, истратившая несколько триллионов долларов США, развила Советский Союз, вместе с ним сделала Кыргызскую Республику самым бедным и самым нищим государством мира.

Прошло уже 17 лет после распада Советского Союза. За эти годы все национальные союзные республики замкнулись в свои национальные квартиры. На государственных границах каждой бывшей советской республики установлены таможенные барьеры. Я с невыразимой болью в сердце смотрю на пустующие мощные производственные корпуса заводов и фабрик Кыргызстана.

Эти корпуса стоят, как архитектурные памятники. Найдившееся в них технологическое оборудование, произведвшее промышленные изделия, давно продано зарубежным государствам.

В республике давно не производятся промышленные товары, в Кыргызстан завозят их другие государства.

Уважаемые члены Парижского клуба! Мы старались рассказать вам о бедствии и нищете кыргызского народа, имеющего многовековую историю и являющегося одним из древнейших народов мира. Я документально рассказал вам о том, кто является главным злодеем исключительно трагического положения нашего народа. Не по вине кыргызского народа разрушено, уничтожено все то, что было десятилетиями соз-

дано и развито в политической, социально-экономической и культурной жизни. Для восстановления всего того, что было, потребуется много времени.

Кыргызский народ обращается к вам, цивилизованным нациям, с надеждой, что вы протянете руку помощи Кыргызстану для того, чтобы избавиться от удушающих его бедствия и нищеты.

С уважением,

Усубалиев Турдакун Усубалиевич, первый секретарь ЦК Компартии Киргизии (1961—1985 гг.), депутат Верховного Совета СССР (1961—1986 гг.), депутат Верховного Совета Киргизской ССР (1959—1986 гг.), депутат Жогорку Кенеша Кыргызской Республики (1992—2005 гг.), Герой Кыргызской Республики

Т. Усубалиев. 1916 год: страшная трагедия,
но киргизский народ возродился, как Феникс

В исторических источниках имеются такие данные: в кочевых районах царские чиновники, кулаки-переселенцы отбирали в свою пользу земли трудящихся скотоводов-кочевников. Это делало царское правительство для того, чтобы создать как можно большое количество крепких кулацких хозяйств из переселенцев, которые должны были стать опорой самодержавия. К 1914 году у киргизов было изъято свыше 4 млн десятин самой плодородной земли из общего количества 31 млн десятин (т. е., свыше 13 процентов) (Кн. «Революционный Восток», № 6, Москва, 1934, стр. 117).

Уже три года шла первая империалистическая война. Царь Николай II, как теперь его новоявленные демократы, монархисты пытаются изображать на страницах печати, «великомученик», издает указ 25 июня 1916 года о мобилизации киргизов, казахов и других окраинных народов — как сказано в Указе «инородцев» — на тыловые работы при фронтовой полосе, в возрасте от 19 до 43 лет. Всего по Туркестанскому краю было намечено мобилизовать 220 тыс. рабочих, в том числе по Джетысуйской (Семиреченской) области, куда входил Северный Кыргызстан, 43 тысячи человек. Эти люди должны были сооружать при фронтовой полосе различные военные объекты — рвать окопы, прикрытия в окопах, строить дороги, мосты для продвижения царских военных частей, т. е. это было то же самое, что на фронте. Эти несубченные люди по существу посыались на кровавую бойню.

Переполнилась чаша терпения народа, дальше он не мог мириться с произволом царских чиновников и поднялся на открытую борьбу с царизмом. Правительство царя Николая II с невиданной жестокостью подавило народное восстание 1916 года, потопило в крови десятки тысяч киргизов, их жен и детей. Погибли также тысячи людей от преследования царских карателей, от холода и голода. Как свидетельствуют исторические документы, по приказу того же царского правительства только в Северной зоне Кыргызстана было разрушено 38 тысяч дворов киргизов, предано огню 2300 хозяйств, причиненный материальный ущерб составил более 31 миллиона рублей по оценкам того времени. Царское правительство разорвало надвое киргизский народ. Спасаясь от дикого произвола царских карателей, свыше 150 тысяч человек бежали в Китай. Не поддаются никаким измерениям страшные муки, страдания,

лишения и унижения всех тех, кто оказался на чужбине. Даже невообразимая нищета, голод и холод, болезни — такова была жестокая судьба беженцев-киргизов в Китае. Их беспощадно эксплуатировали китайские феодалы.

Баялы Исакеев, один из молодых беженцев, впоследствии после победы Великой Октябрьской социалистической революции избранный Председателем Совнаркома Киргизской АССР в своем докладе перед рабочими города Фрунзе в 1931 году так описывал бегство киргизов в Китай в 1916 году: «Повстанцы не могли вынести тяжести огнестрельного удара и вынуждены были бежать в Китай. Бегство в Китай было тяжелым. Путь был длинным и незнакомым беженцам. Приходилось переходить совершенно незнакомые, высокие и труднопроходимые ледниковые перевалы. Пришлось переезжать вброд десяток больших рек и сотни малых горных речек. Пришлось по несколько суток подряд ехать и идти по глухим и темным ущельям, куда не проникает луч солнца и где видны с обеих сторон высокие снеговые скалистые горы. Пришлось преодолеть такие знаменитые по высоте и крутизне перевалы, как «Конур-Улан», «Бедел», «Ак-огуз» и др., наконец, и такие перевалы, как «Кызыл-Суу», где нечем свободно дышать: вследствие высоты там на каждом шагу безвоздушные ямы. Многие из этих перевалов и опасных путей пришлось пройти ночью. Остановки и передышки невозможны: Остановка на несколько часов грозит гибелю — сзади по следам беженцев следуют царские войска. Поэтому переход на китайскую территорию киргизам-повстанцам обошелся чрезвычайно дорогой ценой — большими жертвами людей и скота. Огромнейшее количество скота и немалое количество людей осталось на дороге — на этих ледниковых перевалах, в голодных степях и глухих ущельях...

Я расскажу некоторые факты, с которыми мне самому пришлось столкнуться. Нам пришлось ночью переходить перевал «Бедел». Сперва я провел мать с сестрой и выочным верблюдом по единственной узкой верховой тропинке. Тропинка обледенелая, скользкая, чуть засыпанная снегом, проходили по склону ледяной горы. Внизу зиял глубокий, в несколько саженей обрыв. Один неудачный шаг по тропинке, и гибель неизбежна. Благополучно проводив мать и сестру, я вернулся обратно на помочь брату, который на половине перевала возился с быком, навьюченным домашними принадлежностями. Продолжая вместе с ним путь, мы увидели, что обрыв был уже наполнен сорвавшимися сверху и сползшими с тропинки выоченными и невьюченными верблюдами, лошадьми, быками и частично вместе с ними людьми — и беженцы уже

пробили дорогу через них, уже люди с выоченными верблюдами проходят через этих упавших в ледяные ямы животных и людей, опасаясь пройти через тропинку. Это была ужасная, невыносимая тяжелая картина, рев обезумевших животных; крики, плач и стоны людей слились в одно. Те плачут, другие зовут по именам может быть уже погибших или заблудившихся, но беженцы не обращают на это внимания, наступают на них ногами и все проходят дальше, ибо малейшая остановка или замедление грозит смертью им самим. А сколько мы видели случаев, когда выбившаяся из сил мать бросает на произвол судьбы около дороги грудного ребенка. Мы видели около дороги завернутых в кошмы беспомощных, дряхлых стариков и старух. Они плакали и умоляли каждого последующего проходящего, чтобы они взяли их с собой или в крайнем случае оставили им продукты питания... Устлав погибшим скотом и засыпав человеческими трупами несколько перевалов, киргизы перешли на территорию Китая. Переход в Китай стоил Киргизии потери половины всего имущества и скота и значительной части самих киргизов — жизни. Затем, по приезде в Китай беженцев, китайская администрация их встретила безобразно, было самое зверское обращение китайских администраторов. С беженцев брали неограниченные взятки за то, чтобы пропустить их через границу, за то, чтобы пустить на определенный участок и т. д. Брали всяческие взятки не только правительственные органы и должностные лица, но и местная китайская буржуазия. Все эти тяжести совершенно разрушили наполовину уже разрушенные хозяйства трудящихся киргизов. Киргизам-беженцам крайне трудно предстояло жить в Китае, вследствии бескорысицы, в силу отсутствия кормов на зиму происходил массовый падеж скота, продавали его за бесценок, была тесовая продажа домашнего имущества, кошм, одеял, ковров, ценных одежд, вплоть до домашней посуды и т. д. для того, чтобы добиваться хлеба и другого продовольствия. Чтобы не умереть с голода, беженцы продавали не только скот, домашнее имущество, продавали в рабство даже своих жен и детей. Продажа девушек и женщин-вдов принимала массовый характер».

Этот рассказ одного из десятков тысяч людей, испытавших страшную трагедию 1916 года, ныне содрогает душу любого человека с человеческим сердцем. В архивах сохранились сообщения некоторых царских чиновников, которые в те годы находились в Китае и видели там страшное тяжелое положение киргизов-беженцев. «Основная масса беженцев, — сообщал один царский чиновник, — бедствовала, многие умирали от голода. Встречая в базарные дни киргизов в Уч-Турфане,

приходится удивляться их бедности: все они полураздеты и босы. Одежду их составляет халат из дабы, а подошвы — из сырой животной шкуры. Опухшие от голода обездоленные беженцы в поисках куска хлеба и в надежде найти какую-нибудь работу бродили по селам и городам Восточного Туркестана. Но их встречали враждебно, отовсюду гнали... Чтобы не умереть от голода, беженцы продавали все, что можно было вынести на рынок. Киргизы продают последнюю свою одежду: весь Уч-Турфандский базар завален киргизскими вещами: как-то: войлоками с юрт, казанами, арканами, седлами и остальными домашними вещами» (Фонды отделения общественных наук АН Киргизской ССР, инв. № 106, Л. 103).

Я хочу решительно подчеркнуть, что за трагедию 1916 года не несут никакой ответственности ни трудовой русский народ и ни трудовой киргизский народ. Рассматривая ее причины и страшные последствия, нельзя допустить того, чтобы здесь был проявлен биологический подход. Долг нынешних и грядущих поколений киргизского и русского народов сделать только один-единственный вывод — впредь никогда не повторять подобного рода трагического события между нашими народами. Киргизы-беженцы неизменно тосковали по Родине. Произошла Февральская революция 1917 года. Но Временное буржуазное правительство даже не думало о горькой участи киргизов на чужбине. Временное правительство Керенского никакой помощи беженцам не оказывало. Наоборот, оно продолжало политику колониального и национального угнетения окраинных народов, поддерживало кулацкие наступления на киргизских бедных крестьян. В период правления «Керенщины» только в трех уездах Северного Киргизстана было отобрано у киргизов 2,5 миллиона десятин плодородных земель. Временное буржуазное правительство вовсе не хотело возвращения киргизов-беженцев на свои исконные земли, считая это нежелательным явлением, и об этом оно официально сказали бесстыдно в своем постановлении. Более того, правительство «Керенщины», как тогда оно называлось в народе, объявило амнистию всем начальникам карательных отрядов, которые были арестованы за их жестокость при подавлении восстания. Получив свободу, бывшие каратели вновь организовывали военные и кулацкие отряды для борьбы с киргизами-беженцами, возвращающимися из Китая. Временное буржуазное правительство выставляло на государственной границе, на перевалах, охрану и заставы для остановления движения беженцев на Родину. В архивах хранятся такие документы, которые свидетельствуют о том, что члены Ташкентского комитета Временного правительства Шкапский и Тынышбаев писали

русскому генеральному консулу в Кашгаре, чтобы он всячески затормозил переход беженцев-киргизов и казахов в Семиречье. Были случаи, когда расстреливали киргизов и казахов на границе.

Вот текст одной из телеграмм, передававшихся из Пржевальска в Ташкент на имя Туркестанского Комитета Временного правительства: «Нельзя молчать. Голодные киргизы Сарыпташа пешком двинулись в Пржевальский уезд в местность Каркира, снег, холод. Голодные, истощенные киргизы умирают на пути. Женщины закапывают полуживых детей в снег. Картины ужаса не поддаются описанию». Ташкентские представители Временного буржуазного правительства не соизволили даже дать ответ на эту телеграмму, выражавшую крик души погибающих от голода людей. Временное правительство не только не помогало беженцам, а, наоборот, всячески мстило им за участие в народном восстании. Органы Временного правительства даже запрещали продажу хлеба голодающим киргизам. Только Ленин, Великий Октябрь показали народам, в том числе киргизам луч свободы, равенства и братства трудящихся разных национальностей. Как известно, после победы Октября страна переживала огромные трудности и лишения. Они были вызваны гражданской войной. Несмотря на все это, возглавляемое В. И. Лениным Советское правительство, партия коммунистов незамедлительно начали исключительно гуманную заботу и человечность о киргизах-беженцах, оказавшихся на чужбине, о том, чтобы как можно быстрее они возвратились на свою Родину, спасти их от вымирания, всеми мерами облегчать их тяжелую участь, создавать им необходимые жизненные условия. В истории еще не было государства, которое произвело бы такое искреннее гуманное отношение к народу, оказавшемуся на грани исчезновения.

На этот счет имеются бесчисленные конкретные примеры, которые до сих пор, как мне думается, еще менее известны всему народу Кыргызстана, особенно новым поколениям киргизов. Эти факты хранятся в архивах, к сожалению, они все еще не заняли свои места в исторических публикациях. Конечно, в одной газетной статье невозможно изложить все эти материалы. Поэтому я делаю попытку рассказать лишь о некоторых из них. 1918 год. По предложению В. И. Ленина создается Комиссия Советского правительства по международным делам. Ее обязанность состояла в том, чтобы провести все необходимые работы для возвращения киргизов-беженцев в родные края и оказания им всесторонней помощи по налаживанию их разрушенного хозяйства. С первых же дней Комиссия Со-

ветского правительства развертывает активную деятельность. Руководствуясь постановлением Советского правительства, ЦИК Советов Туркестанской автономной советской республики образует также особую комиссию по устройству киргизов-беженцев, возвращающихся из Китая. Подотделы этой комиссии по оказанию помощи беженцам были созданы во всех уездах. Процесс возвращения киргизов-беженцев был непростой и довольно длительный. Правительственная комиссия, ее подотделы в уездах действовали до осени 1927 года. Дело в том, что киргизы-беженцы, как уже рассказывалось, из-за куска хлеба бродяжничали по всей обширной территории Синьцзянской провинции Китая. Тысячи киргизов попадали в кабалу китайских купцов-ростовщиков, находились на положении рабов у местных феодалов. Другая основная часть киргизов из-за своего бедственного положения была не в состоянии самостоятельно; своими силами возвращаться на родные места. Все это вызвало еще более глубокое человеческое сострадание у Советского правительства к киргизам-беженцам в Китае. Советское правительство начало принимать решительные меры по возвращению беженцев на свою Родину. Специальные полномочные делегации Советского правительства почти постоянно находились в Синьцзянской провинции и обследовали местонахождения беженцев и уточняли общее количество, выясняли условия выкупа и отправки их на Родину. Делегации рассказывали киргизским беженцам о Ленине, партии коммунистов, о свободе и равноправии, которые принесла Октябрьская революция всем нациям и народам Советской России. Один из членов специальной делегации Советского правительства о тяжелом положении киргизов-беженцев сообщал следующее: «Положение проданных в рабство киргизов невыносимо, обращение с ними жестокое... Все взоры и надежда обращены теперь на Советскую Россию, которая освобождена от царского ига».

Узнав о победе Октябрьской революции, установлении Советской власти, защищающей народные интересы, киргизы-беженцы горели страстным желанием быстрее возвратиться в родной край. Но как было уже сказано, они не могли это сделать своими силами, не могли снимать кандалы нищеты и рабства, которыми были опутаны китайскими эксплуататорами. Киргизы-беженцы могли снять с себя путы только с материальной и моральной помощью и поддержкой Советского правительства.

Советская власть и партия коммунистов, руководствуясь гуманными принципами Ленинской национальной политики, осуществляли огромные практические мероприятия для

возвращения всех киргизов-беженцев из Китая на Родину, по их хозяйственному устройству. Советское правительство с первых же дней оказывает всевозможную помощь киргизам-беженцам. Сразу была образована чрезвычайная комиссия Советского правительства по международным делам о возвращении беженцев из Китая. Уже в августе 1918 года чрезвычайная комиссия детально рассматривает вопрос об условиях возвращения беженцев в пределы Семиречья и принимает постановление, имеющее для них исключительно важное значение. В этом документе было сказано, что объявляется полная амнистия всем беженцам, независимо от национальности и оказание им всесторонней помощи. Возвращение возможно как отдельным личностям, так и группам числом неограниченным. Вслед за этим политическим актом Советское правительство регулярно осуществляло практические меры по возвращению киргизов-беженцев из Китая, спасению их от голода и хозяйственному устройству. В ноябре 1919 года Центральный комитет по борьбе с голодом рассматривает вопрос о крайне бедственном положении киргизов-беженцев, находящихся на китайской территории. В документе указано, что «страшный голод завладел беднейшим мусульманским населением, подчинил его себе и, верша его судьбу, отправлял и на тот свет и в пределы Китая, в вечное рабство». Комитет по борьбе с голодом подчеркивает необходимость оказания немедленной помощи голодающим киргизам-беженцам в Китае и освобождения их от рабства.

Первая крупная помощь киргизам-беженцам была оказана незамедлительно, в том же ноябре 1919 года. Советское правительство выделяет 90 миллионов рублей. На что были израсходованы эти средства? В связи с тем, что возвратившиеся киргизы-беженцы были лишены всего своего хозяйства и не могли зарабатывать средства для своего существования, более 10 тыс. человек бесплатно обеспечивались хлебом на 6 месяцев, на что было затрачено 6 млн рублей. 4,8 млн рублей было израсходовано на восстановление расстроенного хозяйства возвратившихся на Родину беженцев. На выкуп киргизов-рабов, находившихся на территории Китая, предусматривались 3 млн рублей. На 33 миллиона рублей приобретались и раздавались бесплатно беженцам обувь, одежда. Остальные суммы были затрачены на поездки и отправки в Семиречье киргизов-беженцев, освобожденных из Китая.

Этот декрет Советского правительства сыграл огромную роль в жизни беженцев-киргизов, он неуклонно выполнялся. Беженцы возвращались частью стихийно, а основной частью организованно с помощью органов Советской власти. Как уже

отмечалось, процесс возвращения беженцев был длительным, продолжался до 1927 года. В первые годы Советское государство в распоряжении Особой Комиссии по возвращению и устройству беженцев выделило 435 млн рублей. Таких фактов было бесчисленно. Словом, Советскому правительству приходилось постоянно изыскивать средства на выкуп беженцев, проданных в рабство, на уплату их долгов, ставших препятствием к выезду на Родину. Назвать все конкретные цифры по этому вопросу не представляется возможным.

Русские трудящиеся активно поддерживали мероприятия Советского правительства по оказанию помощи беженцам и их хозяйственному устройству, осуждали кулаков-мироедов, межнациональную вражду, разжигавшуюся царским самодержавием и Временным правительством. Благодаря беспримерному гуманизму Советского правительства, беженцы, томившиеся в рабстве из-за куска хлеба, получили свободу, материальную помощь и они вернулись на свою Родину. Национально-государственное размежевание, осуществленное в 1924 году, — одна из ярких страниц истории народов Средней Азии. И это событие, имеющее всемирно-историческое значение, стало возможным благодаря чрезвычайно внимательной заботе Ленина, партии и Советского правительства о развитии республик Средней Азии. По поручению Ленина и Совнаркома СССР здесь многие годы неутомимо и плодотворно работали такие видные деятели партии и государства, как Фрунзе, Куйбышев, Рудзутак, Элиава и др. В памяти среднеазиатских народов никогда не забудется колоссальная роль, которую сыграли в развитии Средней Азии Средазбюро ЦК ВКП(б), Средазэкосо (Турккомиссия ВЦИК РСФСР), которые возглавляли вышеуказанные партийно-государственные деятели. Они оказывали огромную помощь среднеазиатским советским республикам в их политическом, социально-экономическом и культурном развитии, укреплении их национальных партийных организаций, выковании местных большевистских кадров. Эти и многие конкретные данные решительно отвергают утверждения буржуазной пропаганды о том, что в Кыргызстане за годы Советской власти будто бы осуществлялась политика русификации киргизов, их самобытная культура оказалась на грани исчезновения.

Я немного рассказал о прошлом и настоящем Кыргызстана. Это — наша история, ее нам надо постоянно помнить, так как нет настоящего без прошлого и не будет будущего, не основанного на настоящем.

22 августа 1991 года

ОСНОВНЫЕ ДАТЫ ЖИЗНИ И ДЕЯТЕЛЬНОСТИ ТУРДАКУНА УСУБАЛИЕВА

1919, 6 ноября — родился в селе Кочкорка Семиреченской области (ныне село Тендик Нарынской области Кыргызстана).

1937—1939 — учитель, заведующий учебной частью средней школы села Кочкорка.

1939—1941 — учеба в Киргизском государственном педагогическом институте в городе Фрунзе (ныне Бишкек).

1941 — вступил в ряды ВКП(б).

1941—1942 — заместитель заведующего отделом пропаганды и агитации Кочкорского районного комитета КП(б) Киргизии (Тянь-Шанская область).

1943—1945 — слушатель Высшей партийной школы при ЦК ВКП(б) в Москве.

1942—1945 — инструктор отдела пропаганды и агитации ЦК КП(б) Киргизии.

1945—1955 — инструктор ЦК ВКП(б) — КПСС (Москва).

1946 — родился старший сын Сыргак.

1948 — родился сын Ермек.

1955 — окончил Московский государственный педагогический институт имени В. И. Ленина (заочно).

1955—1956 — главный редактор газеты «Советник Кыргызстан» («Советская Киргизия»).

1956—1958 — заведующий отделом пропаганды и агитации ЦК КП Киргизии.

1958—1961 — первый секретарь Фрунзенского городского комитета КП Киргизии.

1958 — родилась дочь Бермет.

1959, 27 мая — 1961, 11 мая — Председатель Верховного Совета Киргизской ССР.

1961, 9 мая — 1985, 2 ноября — первый секретарь ЦК КП Киргизии.

1961—1981 — член Центрального комитета КПСС.

1961—1985 — депутат Верховного Совета СССР.

1995—2000 — депутат Собрания народных представителей Верховного Совета (Жогорку Кенеш) Кыргызской Республики.

2000 — смерть жены Гульджаке Ниязалиевны.

2000—2005 — депутат Законодательного Собрания Верховного Совета Кыргызской Республики.

2015, 7 сентября — кончина в Бишкеке на 94-м году жизни.

КРАТКАЯ БИБЛИОГРАФИЯ

- Акаев А. Кыргызская государственность и народный эпос «Манас». Бишкек, 2002.
- Акаев А. Трудная дорога к демократии. Бишкек, 2001.
- Ибраимов О. История кыргызского государства. Бишкек, 2014.
- Ибраимов О. Киргизская одиссея. До и после империи. Бишкек, 2013.
- Ибраимов О. Испытание историей. М., 2008.
- Ибраимов О. Чингиз Айтматов. М., 2018.
- Усубалиев Т. Вода — дороже золата. Водные ресурсы Кыргызстана — это его национальное богатство. Бишкек, 1998.
- Усубалиев Т. Возрождение и трагедия моей страны. Открытое письмо. Бишкек, 2008.
- Усубалиев Т. Как меня преследовали горбачевцы. Моральный и политический террор. Бишкек, 1997.
- Усубалиев Т. Избранные речи и статьи. Т. 1—3. Бишкек, 2008—2009.
- Усубалиев Т. Кыргызстан в моем сердце. Т. 1—3. Бишкек, 2005—2006.
- Усубалиев Т. Надо знать прошлое, чтобы не ошибаться в будущем. Бишкек, 1996.
- Усубалиев Т. Не могу молчать. Ответы недругам. Бишкек, 1997.
- Усубалиев Т. О нашем времени и о делах моей жизни. Бишкек, 2003.
- Усубалиев Т. Фрунзе — столица советского Киргизстана. М., 1971.
- Усубалиев Т. Эпоха. Созидание. Судьбы. Бишкек, 1995.

СОДЕРЖАНИЕ

Введение	5
Сын кочевника, потомок визиря	10
Детские и юношеские годы	16
Великий цивилизационный перелом	20
Партия как религия	24
Маршрут Фрунзе—Москва—Фрунзэ: на ранних поездах	29
Редактор, мэр столицы, московский «свежак»	38
Раззаков и Усубалиев: свет и тени	42
От Хрущева до Горбачева: вехи созидания	58
Усубалиев и киргизский «Серебряный век»	68
Усубалиев и Айтматов: из истории отношений	77
Гибель Султана Ибраимова: факты и небылицы	87
Тяжба длинаю в полвека: Сыдыкбеков против Усубалиева	98
Зачем киргизам филармония? Ответы с петлей на шее	110
<i>In natura.</i> О политических взглядах Усубалиева	118
Уход с трона, или Конец эры	132
Годы перестройки: прощай, коммунизм, здравствуй, грусть!	147
Восстановление в партии: путь в никуда	152
Акаев и Усубалиев: возвращенный статус	167
«Мне отмщение, и Аз воздам». Последние дебаты	176
Думы о России и национальной стратегии Киргызстана	184
Усубалиев и киргизский исторический дуализм	200
Постсоветский мир и социализм: споры еще предстоят	210
Кончина патриарха. Проводы в последний путь	215
Послесловие	218
Приложения	223
1. Т. Усубалиев. Возрождение и трагедия моей страны	223
2. Т. Усубалиев. 1916 год: страшная трагедия, но киргизский народ возродился, как Феникс	228
Основные даты жизни и деятельности Т. Усубалиева	236
Краткая библиография	237

Ибраимов О. И.

И 15 Усубалиев / Осмонакун Ибраимов. — М.: Молодая гвардия, 2019. — 238[2] с.: ил. — (Жизнь замечательных людей: сер. биогр.; вып. 1808).

ISBN 978-5-235-04335-0

Турдакун Усубалиев (1919–2015) был политическим долгожителем советской и постсоветской эпохи истории Киргызстана. Почти четверть века он руководил республикой в должности Первого секретаря ЦК Компартии Киргизской ССР, внес большой вклад в ее экономическое и культурное развитие. В годы горбачевской перестройки Усубалиев был снят с поста, подвергнут сурою и во многом несправедливой критике, но нашел в себе силы вновь включиться в политическую жизнь уже независимого Киргизского государства. Его долгая и непростая жизнь, его менявшаяся на протяжении лет мировоззрение, его отношения с такими видными личностями, как писатель Чингиз Айтматов, — обо всем этом рассказано в книге, написанной киргизским политиком и ученым О. Ибраимовым.

УДК 821.512.154.0

ББК 83.3(5Кир)

знак информационной
продукции

16+

Ибраимов Осмонакун Ибраимович
УСУБАЛИЕВ

Редактор В. В. Эрлихман

Художественный редактор А. С. Козаченко

Технический редактор М. П. Катурина

Корректор Л. С. Барышникова

Сдано в набор 19.08.2019. Подписано в печать 11.09.2019. Формат 84x108/з.
Бумага офсетная № 1. Печать офсетная. Гарнитура «Newton». Усл. печ. л.
12,6+0,84 вкл. Тираж 4000 экз. Заказ № 1912470.

Издательство АО «Молодая гвардия». Адрес издательства: 127055, Москва,
Сущевская ул., 21. Internet: <http://gvardiya.ru>. E-mail: dse@gvardiya.ru

arvato
BERTELSMANN

Отпечатано в полном соответствии с качеством
представленного электронного оригинал-макета
в ООО «Ярославский полиграфический комбинат»
150049, Россия, Ярославль, ул. Свободы, 97

ISBN 978-5-235-04335-0

«AYO Холдинг» — крупная многофункциональная холдинговая компания, главные направления деятельности которой сосредоточены в производственном, агропромышленном и строительном секторах экономики, в сфере финансовых услуг, торговли и сбыта. Была образована в апреле 2003 года.

Сегодня «AYO Холдинг» — это один из самых успешных и узнаваемых брендов страны. С первых дней стремления всех людей, которые стояли у истоков, были направлены на лидерство и построение самого передового производства с современным оборудованием и внедрением новых технологий. На протяжении 16 лет предприятия «AYO Холдинг» вносят свой весомый вклад в развитие экономики страны.

МИССИЯ КОМПАНИИ:

ОЮЛ «Ассоциация АЮ Холдинг» объединяет компании для их дальнейшего роста в интересах развития экономики Кыргызстана.

СТРАТЕГИЧЕСКИЕ ЦЕЛИ:

Создание ведущего агропромышленного комплекса, обеспечивающего продовольственную безопасность Кыргызстана.

Формирование комплекса финансово устойчивых промышленных предприятий, реализующих конкурентоспособную продукцию на региональном и зарубежном рынках.

Достижение лидерства в строительном комплексе, укрепление позиций на региональном уровне.

Создание розничной торговой сети регионального и зарубежного уровня. Оптимизация инвестиционного портфеля холдинга с расширением присутствия в новых высокотехнологичных отраслях деятельности.

«AYO Холдинг» — это 5000 рабочих мест

«AYO Холдинг» — это более 30 динамично развивающихся компаний

«AYO Холдинг» — дистрибуция продуктов питания и напитков по всему Кыргызстану

«AYO Холдинг» — 14 стран-партнеров

«AYO Холдинг» — надежный и стабильный партнер

«AYO Холдинг» — честная и открытая конкуренция

«AYO Холдинг» — новейшие технологии в производстве и прогрессивные методы работы

«AYO Холдинг» — сплоченная команда профессионалов

Адрес головного офиса: ОЮЛ «Ассоциация АЮ Холдинг», Кыргызская Республика, г. Бишкек, ул. Рыскулова, 95 «А»

+996 770 98 65 35, +996 312 98 65 36 (телефон доверия и заявок)

Email: ayukyrgyzstan@gmail.com

• www.ayuholding.kg

ISBN 978-5-235-04335-0

9 785235 043350 >

М О Л О Д А Я Г В А Р Д И Я